

ISSN 1993-3959

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ И МИР

ИНМ

2/2020

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093* от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук
(ред. 01.01.2019 г.) по историческим наукам, по научным специальностям: 07.00.02 —
Отечественная история, 07.00.03 — Всеобщая история (соответствующего периода)*

2020**Ежеквартальное издание****№ 2**

Основен в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

Редакция

доктор исторических наук, доцент **В. Л. Черноперов** (*главный редактор*)
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, профессор **Г. А. Будник**
доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
доктор исторических наук, профессор **И. К. Лапшина**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

Международная редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **Г. В. Корзенко**,
Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск)
главный редактор «Русского альманаха» **З. Паункович**, Сербия (Белград)
доктор философских наук, профессор **Р. Юрковский**,
Варминско-Мазурский университет, Польша (Ольштын)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, journal.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИВГУ, 2020
© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2020

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage

(Registration License III № ФС 77-21093 on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2019)
on historical sciences, on scientific specialties: 07.00.02 — National history,
07.00.03 — General history (the corresponding period)*

2020

Quarterly

№ 2

Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation

Founded by Ivanovo State University

Edition

Assoc. Prof. **Vasiliy Chernoperov**, Dr. of History (*Editor-in-Chief*)

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Prof. **Galina Budnik**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Prof. **Irina Lapshina**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

International Editorial Board

Prof. **Georgy Korzenko**, Dr. of History,

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk)

Editor-in-Chief of the “Russian almanac” **Zorislav Paunkovic**, Serbia (Belgrade)

Prof. **Roman Jurkowski**, Ph. D.,

University of Warmia and Mazury, Poland (Olsztyn)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.

No reprints without the Editorial Board permission allowed.

The e-copy of the issue can be accessed at

www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, jurnal.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2020
© Ivanovo State University, 2020

Редакционный совет

- Ю. М. Воронов** Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
- И. В. Купцова** Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторак** Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет (Челябинск)
- Г. С. Смирнов** Ивановский государственный университет
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный университет

Editorial Board

Yu. M. Voronov	Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
O. V. Zolotaryov	Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
G. N. Kocheshkov	Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
I. V. Kondakov	Russian State Humanitarian University (Moscow)
I. V. Kuptsova	Lomonosov Moscow State University
V. A. Mansurov	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
I. I. Osinsky	Buryat State University (Ulan-Ude)
S. N. Poltorak	Bonch-Bruевич St. Petersburg State University of Telecommunications
D. I. Polyvyanny	Ivanovo State University
V. A. Porozov	Perm State Humanitarian Pedagogical University
E. M. Raskatova	Ivanovo State University of Chemistry and Technology
A. V. Repnikov	Russian State Archive of Social and Political History (Moscow)
V. G. Ryzhenko	Omsk State University
I. V. Sibiriyakov	South Ural State University (Chelyabinsk)
G. S. Smirnov	Ivanovo State University
F. Kh. Sokolova	Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
A. A. Solovyev	Kostroma State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Капустина О. В.* К вопросу о пенсионном обеспечении советских педагогов в 1920-х гг. (Пенсии за выслугу лет и персональные) 9
- Котлова Т. Б., Будник Г. А., Королева Т. В.* Подготовка энергетических кадров в конце XIX в. — 40-х гг. XX в. — основа успешного функционирования электроэнергетики в период Великой Отечественной войны 25

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Кулешова И. Н., Минников В. К., Скрябина Е. В.*
Социально-психологические особенности альтруистической мотивации современной интеллигенции 40
- Гладков А. Е.* Возвращение Фёдора Тютчева в Баварию...
Страничка из воспоминаний о дипломатической службе 45

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Филатов Н. М.* Президент Социалистической республики Брауншвейг Август Мергерс: путь рабочего-интеллигента 54
- Черноперов В. Л., Усманов С. М.* Сила и бессилие «транснациональных интеллектуалов»: случай Ральфа Дарендорфа 69

ДЕБЮТ

- Муренко Д. И.** Особенности зарождения и развития Совета молодых ученых Новосибирского научного центра в 1960-х гг. 84

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Суслов А. Ю.** «Этого не должно было быть, но это было»: новая книга об историографии государственного террора 1917—1953 гг. в СССР. Рец. на кн.: *Литвин А. Л.* Российская историография государственного террора в стране, 1917—1953. М.: Собрание, 2019 101
- Усманов С. М.** Церковь, экуменизм, Америка в переписке протоиереев Георгия Флоровского и Александра Шмемана. Рец. на кн.: *Шмеман А., прот., Флоровский Г., прот.* Письма 1947—1955 годов / сост., пред. П. Гаврилюка. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та, 2019 109
- Аннотации и материалы для цитирования** 115
- Информация для авторов** 141

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Kapustina O. V.* On the issue of pensions for Soviet teachers in the 1920s (Long-service pensions and personal pensions)..... 9
- Kotlova T. B., Budnik G. A., Korolyova T. V.* The training of power engineering personnel in the late XIX — 40s of the XX century — the basis for the successful functioning of the electric power industry during the Great Patriotic War 25

INTELLIGENTSIA IN MODERN SOCIETY

- Kuleshova I. N., Minnikov V. K., Skryabina E. V.* Social and psychological features of altruistic motivation of modern intelligentsia 40
- Gladkov A. E.* The return of Fedor Tyutchev to Bavaria... Page from the memoirs of the diplomatic service 45

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Filatov N. M.* August Merges: President of the Socialist Republic of Brownshweig: the way of the worker-intelligent 54
- Chernoperov V. L., Usmanov S. M.* The strength and powerlessness of “transnational intellectual”: the case of Ralph Dahrendorf 69

DEBUT

- Murenko D. I.** Features of the origin and development of the Councils of young scientists of the Novosibirsk Scientific Center in the 1960s 84

MAKING CONCLUSIONS

- Suslov A. Yu.** “It shouldn’t have been, but it was”: a new book about the historiography of the state terror of 1917—1953 in the USSR. Review to: *Litvin A. L.* Russian historiography of the state terror in Soviet Union, 1917—1953. Moscow: Sobraniye, 2019 101

- Usmanov S. M.** Church, Ecumenism, America in correspondence of archpriest Alexander Schmemann and archpriest Georges Florovsky. Review to: *Schmemann A., archpriest, Florovsky G., archpriest.* Letters of 1947—1955 years / comp. by P. Gavriilyuk. Moscow: St.-Tikhon’s Orthodox University for the Humanities Publishing House, 2019 109

- Annotations and materials for citing** 124

- Information for authors* 141

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

DOI: 10.46725/IW.2020.2.1

О. В. Капустина

К ВОПРОСУ О ПЕНСИОННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СОВЕТСКИХ ПЕДАГОГОВ В 1920-х гг. (Пенсии за выслугу лет и персональные)

Введение

История пенсионного обеспечения советских педагогов напрямую связана с государственной политикой в области образования. Весной 1919 г. на VIII съезде РКП(б) была принята II Программа, согласно которой в области народного просвещения российская компартия ставила своей задачей довести до конца начатое с Октябрьской революции 1917 г. дело превращения школы из орудия классового господства буржуазии в орудие коммунистического перерождения общества. Для этого было необходимо проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического образования (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) для всех детей обоого пола до 17 лет и подготовка новых кадров работников просвещения, проникнутых идеями коммунизма¹.

© Капустина О. В., 2020

Капустина Ольга Владимировна — кандидат исторических наук, начальник отдела оценки пенсионных прав застрахованных лиц, Управление Пенсионного фонда Российской Федерации, г. Гусь-Хрустальный, Владимирская область, olga.kapustina209@yandex.ru (Cand. Sc. (History), Head of the Department of Evaluation of Pension Rights of Insured Persons, Pension Fund Department of the Russian Federation, Goose-Crystal, Vladimir Region).

Значимые результаты работы в заданных направлениях в Советском государстве должны были появиться уже в 1927 г. Вот как об этом вспоминала Н. К. Крупская: «...продолжая работать над расширением сети школ I ступени (четырёхлеток), одновременно провести трех-шестимесячные школы для ребят восьми-четырнадцати лет... К X годовщине Октябрьской революции мы сможем тогда сделать грамотность обязательной для все ребят»². В другой работе она отмечала: «Незадолго до смерти Владимира Ильича я рассказывала ему, что в настоящий момент американцы агитируют за то, чтобы к 1927 г. окончательно ликвидировать у себя неграмотность. В ответ на это Владимир Ильич сказал: “Надо и нам у нас к тому времени ликвидировать неграмотность”»³. Действительно, по данным академика С. Г. Струмилина, к названной дате сделать удалось немало: «Мы... можем отметить в этой области значительные достижения по сравнению с довоенным уровнем. В 1927/1928 г. число обучающихся в низшей школе превышало довоенный уровень на 45 %, в средней — на 54 %, а в профессиональной — на 139 %. И только по вузам это превышение доньше было более скромным (на 26 %)»⁴. Однако в полном объеме поставленные задачи могли быть выполнены только при наличии необходимых педагогических кадров.

Для привлечения в школы учителей, иначе «просвещенцев» или школьных работников («шкрабов»), Советское государство стало создавать систему льгот и стимулов. Важное место в этой системе отводилось пенсионному обеспечению. Здесь нужно сказать, что в период ликвидации неграмотности и становления института всеобщего начального образования привычного нам пенсионного обеспечения по старости, охватывающего все категории граждан, не существовало. В силу отсутствия у государства необходимых финансовых средств возможность получения пенсий большинству жителей Советского Союза была недоступна. Основными видами обеспечения являлись пенсии по инвалидности и по случаю потери кормильца. Пенсии по старости впервые стали назначаться в 1928 г. рабочим-текстильщикам и постепенно с начала 1930-х гг. рабочим других отраслей промышленности, обеспечивающих индустриализацию. Служащие приобрели право на такую пенсию только с 1937 г. На начало 1941 г. пенсии в СССР получали всего 4 млн человек⁵. При этом в период с 1922

по 1933 г. назначение и выплата пенсий параллельно осуществлялись через два ведомства⁶: социальное страхование и соответственно рабочие пенсии находились в ведении Народного комиссариата труда СССР (НКТ СССР), который управлял через Центральное управление социального страхования (Цусстрах). Непосредственное проведение социального страхования на местах осуществлялось через страховые кассы. Пенсии инвалидам Первой мировой и Гражданской войн и членам их семей, а также персональные пенсии назначались в структурах республиканских наркоматов социального обеспечения, в частности НКСО РСФСР.

Встраивание педагогов в создаваемую пенсионную систему сопровождалось серьезными трудностями. Однако, несмотря на драматичность этого процесса, проблемы становления пенсионного обеспечения советских школьных работников в 1920-х гг. остались вне поля зрения историков. Сегодня правовым аспектам учительских пенсий за выслугу лет в основном уделяют внимание ученые-юристы, хотя персональное пенсионное обеспечение «шкрабов» ими также не рассматривается. Анализируя причины распространения на педагогов пенсионных прав, Е. А. Мидонова совершенно справедливо подчеркивает, что, предоставляя им право на выслугу, государство преследовало двоякую цель: «Во-первых... привлечь высококвалифицированных специалистов в сферу просвещения, а также удержать работников в данной сфере на достаточно продолжительный срок... Во-вторых... планировалась возможность в дальнейшем при необходимости обеспечить быструю ротацию кадров... выработавшим 25-летний стаж работникам будет выгодно жить на пенсию, то есть не работать, а следовательно, освободить рабочие места для более молодых сотрудников»⁷. По мнению И. В. Сиваковой, «пенсионное обеспечение за выслугу лет носило строго ограниченный характер и распространялось исключительно на тех преподавателей, которые были прямо указаны в законодательстве». Она считает, что «отказ от обеспечения всех категорий преподавателей объяснялся на тот момент исключительно финансовыми проблемами»⁸.

Задачи данного исследования — выявить конкретные проблемы, с которыми столкнулись органы социального страхования на этапе становления пенсионного обеспечения за выслугу лет,

а также определить в пенсионной системе, созданной для педрботников в 1920-х гг., место персонального обеспечения.

Для решения поставленных задач использованы нормативные акты, регулировавшие пенсионное обеспечение работников народного просвещения, — постановления СНК и ЦИК СССР, Инструкция НКТ СССР от 11 октября 1929 № 331⁹, а также Объяснительная записка Народного комиссариата рабочекрестьянской инспекции СССР (НК РКИ СССР) от 14 апреля 1926 г.¹⁰ и Заключение по проекту постановления ЦИК и СНК Союза ССР «О пенсионном обеспечении учителей сельских и городских школ 1-й ступени, а также других работников просвещения в деревне», сделанное руководством НКТ РСФСР 29 апреля 1926 г.¹¹, содержащие сведения о наиболее актуальных проблемах, возникавших в ходе пенсионирования педагогов. Примеры пенсионного обеспечения школьных работников рассмотрены на материалах Отдела социального обеспечения исполнительного комитета Владимирского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, хранящихся в фондах Государственного архива Владимирской области.

Пенсионное обеспечение за выслугу лет

Начать рассмотрение истории пенсионного обеспечения педагогических работников в 1920-х гг. следует с пенсий за выслугу лет. Пенсии за выслугу лет отличаются от пенсий по старости тем, что для их назначения не требуется достижения какого-либо определенного возраста, достаточно выслужить (выработать) установленное законом количество лет. В императорской России именно чиновничьи пенсии за выслугу были основным видом пенсионного обеспечения. Круг получателей и условия назначения уже советских педагогических пенсий этого вида в 1920-х гг. регламентировались постановлением ЦИК и СНК СССР от 15 января 1925 г. «О пенсионном обеспечении учителей школ 1-й ступени сельских и городских и др. работников просвещения в деревне»¹².

Чтобы получить пенсию за выслугу лет, советскому учителю требовалось выработать 25 лет педагогического стажа, в том числе не менее 5 лет на советской службе. Такой же срок выслуги

требовался для педагогов и в императорской России. Его императорское высочество Александр Николаевич, будущий император Александр II, занимавший должность главного начальника военно-учебных заведений, по этому поводу сказал: «За 25 лет службы учителя снижается восприимчивость ума, которая необходима, чтобы следить за наукой в ее непрерывном движении»¹³.

Первоначально круг получателей пенсий за выслугу лет был чрезвычайно узким: право на такую пенсию имели только учителя школ 1-й ступени (и сельских, и городских), а также руководители изб-читален, библиотекари, учителя низших сельскохозяйственных школ и педагогический персонал детских домов. Предоставление именно этим категориям педагогических работников пенсионных льгот подчеркивает государственные приоритеты в сфере образования: ликвидация неграмотности и широкое распространение начального школьного обучения. В педагогический стаж, кроме образовательной деятельности, могло быть засчитано время пребывания в рядах Красной армии и флота и работа на выборных должностях.

Выплата пенсий педагогам за выслугу лет стала осуществляться с 1925 г. Право на получение пенсии по предложениям учреждений народного образования устанавливалось губернскими органами социального страхования. После предварительной оценки губсоцстрах составлял списки потенциальных пенсионеров, которые направлял на утверждение в губисполкомы. Говорить о массовом назначении пенсий за выслугу лет в 1920-х гг. нельзя. Сложность самой процедуры вынесения решений о назначении таких пенсий, предполагающей рассмотрение каждого заявления на губернском уровне, изначально отрицает эту возможность. По данным И. В. Сиваковой, «отказы в назначении пенсий учителям по выслуге лет встречались гораздо чаще»: «В основном причиной тому являлось неподтверждение пятилетнего стажа работы при советской власти»¹⁴. Исследователь приводит данные Цусстраха на 1 декабря 1925 г.: «Общее количество работников просвещения, получающих пенсию за выслугу лет, составило 13 000 человек, т. е. 6 % от общего количества пенсионеров. Причем пенсию в полном размере получали 35 % учителей, а остальные 65 % получали в размере $\frac{1}{2}$, так как продолжали работу... С 1 января 1926 г. до 1 июля 1928 г., когда был охвачен

весь контингент учителей, число получателей пенсии за выслугу лет увеличилось с 13,4 тыс. до 21,8 тыс. человек»¹⁵.

Размер пенсии для неработающих педагогов, в соответствии с постановлением от 15 января 1925 г., составлял 240 руб. в год, т. е. 20 руб. в месяц. Работающие «просвещенцы» могли рассчитывать на половину суммы. Источником средств для выдачи пенсий за выслугу лет являлись страховые взносы, вносимые за них учреждениями, в которых педагоги служили. В случае недостатка этих средств для проведения в жизнь постановления необходима сумма должны были ассигноваться из государственного бюджета. Сегодня двадцати- и десятирублевые пенсии шокируют, однако в 1920-х гг. они подобных чувств не вызывали. В марте 1928 г. в своем докладе на II сессии ВЦИК XIII созыва народный комиссар социального обеспечения РСФСР И. А. Наговицын сообщал: «Если сравнить средние нормы пенсии для инвалидов второй группы в 1923 г. и на 1 апреля 1927 г., то увидим следующую картину: в 1923 г. пенсия начислялась в 4 руб. 90 к., а на 1 апреля 1927 г. — 14 руб. 37 к.; для семей военнослужащих норма пенсии начислялась в 3 руб. 23 к., а на 1 апреля 1927 г. — 14 руб. 21 к.»¹⁶. Таким образом, оставившие работу учителя в среднем обеспечивались несколько лучше, чем инвалиды второй группы или семьи погибших в Гражданскую войну красноармейцев.

В качестве примера рассмотрения пенсионных прав школьных работников можно привести данные выписки из протокола заседания президиума Владимирского губернского исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 5 апреля 1926 г. № 24¹⁷. Всего в этот день губсоцстрахкасса представила в губисполком дела 11 претендентов. В результате было утверждено три отказа в пенсии, семь назначений и вынесено одно предложение о пересмотре отказа в пенсии. Пятеро из семи будущих пенсионеров приобрели право на получение 10 руб. в месяц, один неработающий педагог — на 20 руб., и еще в одном случае сумма не была указана, только подтверждено принципиальное согласие с необходимостью выплаты пенсии. Назначения пенсий определены с декабря, января и февраля 1926 г. Самое раннее — с 20 декабря 1925 г. Учитывая, что по постановлению от 15 января 1925 г. пенсии могли выплачиваться с даты подачи заявлений, можно увидеть: процесс их рассмотрения не был

быстрым. Скорее всего, подобные заседания губернских исполкомов проходили раз в квартал. Заслуживает внимания также факт утверждения на губернском уровне всего семи пенсионных назначений в течение трех-четырёх месяцев.

Советским правительством предполагалось, что ввод в действие постановления от 15 января 1925 г. решит многие проблемы советских работников просвещения, однако в педагогической среде, напротив, сразу же назрело недовольство, обусловленное узостью круга возможных претендентов и недопустимостью расширительного толкования перечня должностей и учреждений. В частности, в ЦК Профсоюза работников просвещения начали поступать запросы от воспитателей детских садов с требованием назначать им пенсии как работникам учреждений, соответствующих по программам начальным училищам, так как в детские сады «принимали совершенно неграмотных детей в возрасте от 6 до 8 лет»¹⁸. Профсоюз уже в июле 1925 г. сделал об этом запрос в НКТ, но Цусстрах не счел «возможным согласиться с распространением пенсионирования за выслугу лет на воспитателей детских садов, так как перечень учреждений, служба в которых дает право на пенсию, является исчерпывающим... а детские сады в этом перечне не указаны»¹⁹.

Тем не менее из-за большого числа подобных обращений сложившаяся ситуация была внимательно проанализирована Народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции СССР. Результаты проверки изложены в Объяснительной записке от 14 апреля 1926 г. за подписью заместителя народного комиссара Чуцкаева и управляющего делами Петерса (инициалы в документе не указаны)²⁰. Проверяющие выявили несколько серьезных проблем. Так, в системе учреждений народного образования Украины не существовало школ под наименованием «школы 1-й ступени», а имелись трудовые школы для совместного обучения и социального воспитания детей обоего пола в возрасте от 8 до 15 лет с семилетним сроком пребывания в них, иначе говоря, «школы-семилетки». Соответственно, украинские педагоги оказались вне действия закона о пенсионировании. Примерно в таком же положении находились и школьные работники Белоруссии.

Следующая проблема заключалась в том, что учителя первых четырех групп семилетних школ стали материально более

обеспеченными, нежели их товарищи, работающие в последних трех группах и оставшиеся совсем без пенсий. Более того, практическое применение закона привело к тому, что учителя, прослужившие 25 лет, продолжая оставаться на службе и занимаясь с учениками начальных групп, по закону пользовались правом на одновременное получение 50 % пенсионного обеспечения за выслугу лет, т. е., иными словами, они имели еще 120 руб. в год. Однако стоило этим же учителям перейти к занятиям с учениками следующих трех групп, как они тотчас же лишались права на получение пенсии. «В конечном результате, — доводили до сведения правительства проверяющие, — все это создает весьма нездоровую атмосферу в школьном деле, содействует возникновению у школьных работников тенденции задерживаться в пределах первых четырех групп школ семилеток, что, естественно, самым отрицательным образом влияет на продуктивность ведения школьных работ»²¹.

В итоге представители НК РКИ рекомендовали распространить действие постановления от 15 января 1925 г. на учителей семилетних школ полностью, без подразделения на группы, а также на учителей низших профессионально-технических школ. Кроме этого, они считали необходимым увеличить размер пенсии с апреля 1926 г. на 10 %, т. е. с 240 до 264 руб. в год, рассчитав, что всего на расширение контингента пенсионеров-учителей и увеличение размера пенсии понадобится приблизительно 729 360 руб. дополнительного расхода в год. По вопросу об источнике покрытия этого расхода НК РКИ СССР не внес никакого нового предложения, так как полагал, что данный вопрос автоматически разрешается действующим законом.

На основании рекомендаций РКИ был разработан и направлен в сопровождении вышеупомянутой Объяснительной записки от 14 апреля 1926 г. на согласование в союзные республики проект нового постановления ЦИК и СНК Союза ССР о пенсионном обеспечении работников просвещения. На местах проект энтузиазма не встретил. Очень резко по его поводу высказались руководители НКТ РСФСР. В СНК РСФСР было направлено Заключение, которое подписали нарком Бахутов и начальник Главсоцстраха Целлер (инициалы не указаны)²². В названном документе подчеркивалось, что из-за напряженного финансового

положения страхов органов РСФСР повышение расходов страхкасс на выплату пенсий за выслугу лет явилось бы рискованным и чрезвычайно затруднительным. Основной причиной отрицательного заключения стала неурегулированность финансовых взаимоотношений органов соцстраха и Народного комиссариата финансов (НКФ) в покрытии расходов на выдачу пенсий за выслугу лет работникам просвещения. Весной 1925 г. в России был проведен учет поступлений и расходов на народных учителей, который позднее был продлен до 1 января 1926 г. Однако в ряде губерний РСФСР (Томской, Рязанской, Псковской, Пензенской и др.), Татарской Республике наркоматы образования и исполкомы не давали сведений о зарплате и уплачиваемых взносах отдельно по каждому контингенту «просвещенцев». Поэтому учет в большом числе регионов не удался и Наркомтуду приходилось оперировать данными лишь по РСФСР, которые в течение первых шести месяцев учета охватывали 60 тыс. народных учителей, подлежащих пенсионированию, а в последние три месяца — около 50 тыс. (весь контингент РСФСР составлял 140 тыс. чел.), таким образом, итоги учета касались от 43 до 36 % всей учитываемой массы²³.

Авторы Заключения также обращали внимание республиканского СНК на то, что в связи с запланированным в течение ближайших шести месяцев изъятием из текущих поступлений страховых взносов в сумме 20 млн руб. на рабочее жилищное строительство страховые органы РСФСР вынуждены отказаться от повышения пенсионных норм по общей инвалидности до 1 июля 1926 г. и воздержаться от расширения контингента лиц, обеспечиваемых по безработице.

Было еще одно важное обстоятельство. По мнению авторов, «расширение контингента и повышение размера лишь в отношении... обеспечения... для одной только группы застрахованных работников просвещения при невозможности расширить круг и увеличить нормы по другим видам обеспечения, установленным для всех застрахованных, вызвали бы справедливые нарекания со стороны застрахованной массы»²⁴. Действительно, как было подчеркнуто выше, большинство советских рабочих и служащих на тот момент не могли рассчитывать на возрастное пенсионное обеспечение. Социальную зависть нельзя было не учитывать. По совокупности изложенного НКТ

РСФСР категорически возражал против проведения проекта в жизнь и просил СНК РСФСР таковой отклонить. Вероятно, к данным аргументам прислушались, так как в 1926 г. изменения в постановление 1925 г. внесены не были.

Однако уже через три года после исследования НК РКИ, с 1 октября 1929 г., во многом благодаря развитию социального страхования, право на пенсионное обеспечение по выслуге лет было распространено на учителей старших групп школ повышенного типа начиная с пятой (школы 2-й ступени, семилетки, в том числе фабрично-заводские, девятилетки и школы крестьянской молодежи), на преподавателей техникумов и профессионально-технических школ, а также работников дошкольных учреждений²⁵. Именно в это время рабочим стали назначаться первые пенсии по старости.

Согласно Инструкции НКТ СССР от 11 октября 1929 г. № 331, в педагогический стаж, учитываемый для назначения пенсий, засчитывалась работа учителей во всех начальных школах, в том числе в бывших министерских, земских, народных, церковно-приходских, городских и высших начальных училищах, в гимназиях, прогимназиях, реальных училищах; служба в школах для взрослых, в профессионально-технических школах, техникумах, учительских семинариях и иных учебных заведениях как дореволюционного, так и послереволюционного периода, по своей программе и типу соответствующих низшим и средним учебным заведениям, независимо от источников средств, за счет которых они содержались.

Работники дореволюционных военных училищ и духовных семинарий могли претендовать на советские пенсии, только если преподавали трудовые процессы, пение, музыку, рисование или физкультуру. Преподавание предметов религиозного культа и военных дисциплин в выслугу не засчитывалось. Вне круга получателей остались классные надзиратели и классные дамы. В стаж работы также не входила служба, предшествующая или совпадающая с пребыванием претендентов на должностях служителей религиозного культа, с занятием самостоятельной торговой деятельностью или промыслом, облагаемым государственным промысловым налогом с оборота. Работа в школах для малограмотных и по ликвидации неграмотности могла быть засчитана в выслугу лишь

в том случае, если она носила постоянный характер, т. е. продолжалась в течение всего учебного года. По-прежнему в педстаж включалась служба в Красной армии, выборная работа, а также дореволюционные периоды отбывания наказания (на каторге, в ссылке, тюрьме или крепости) по политическим преступлениям.

Новым постановлением были увеличены и размеры пенсий. Преподаватели техникумов стали получать пенсию в размере 50 руб. Учителям старших школьных групп полагалось 40 руб., а бывшим фаворитам пенсиониования — учителям школ 1-й ступени и вместе с ними работникам дошкольных учреждений только 30 руб. Работающие педагоги продолжали получать 10 руб. С 1931 г. им была гарантирована выплата половины пенсии независимо от заработка²⁶. Увеличение размера пенсии для учителей старшего звена и работников профессионального образования свидетельствовало о смене государственных приоритетов: индустриализации потребовались квалифицированные кадры. Долгожданное распространение пенсионного обеспечения за выслугу лет на работников детских садов стало признанием значимости их труда по высвобождению молодых матерей для работы на фабриках и заводах.

Персональное пенсионное обеспечение

С 1923 г. в РСФСР были введены персональные пенсии, назначаемые за «исключительные заслуги перед республикой в области революционной и профессиональной деятельности, а также в области науки, искусства и техники»²⁷. Попробуем рассмотреть ситуации, в которых персональное пенсионное обеспечение предоставлялось педагогам. Для этого обратимся к документам Владимирского архива, в котором хранятся сведения обо всех получателях персональных пенсий Владимирской губернии, т. е. о пенсиях, назначенных в период с 1923 по 1928 г. (с момента ввода персонального обеспечения до ликвидации Владимирской губернии в 1929 г.). Всего за этот период жителям губернии было установлено 68 персональных пенсий. 69-я потенциальная пенсионерка вела переписку с государственными инстанциями о возможности назначения пенсии, но после положительного решения вопроса стала получать ее уже на территории другого

региона. Большинство персональных пенсий во Владимирской губернии было назначено за революционную деятельность и подвиги на фронтах Гражданской войны, в частности, их получали дочери народовольца В. Н. Шаганова²⁸, мать погибшего от рук черносотенцев в 1905 г. М. И. Лакина²⁹, жена «замученного белыми бандами» коммуниста В. Т. Гордеева³⁰. Тем не менее из этого небольшого числа получателей персональных пенсий шестеро (8,8 %) были именно «шкрабами»: «инструктор слесарного дела учебно-слесарных мастерских народного образования»³¹ и пятеро учителей, одна из которых «работала с 1869 г. в области просвещения народного и отдала этому делу все свои знания и силы, имела 82 года от роду»³². Назначения состоялись: два в 1923 г., одно в 1924 г. и три в марте — апреле 1925 г., т. е. или до вступления в силу постановления от 15 января 1925 г. о выслуге лет, или в самом начале его действия. Вероятно, право учителей на персональное обеспечение в начале 1925 г. было подтверждено, так как практика пенсионного обеспечения за выслугу еще не сложилась, или педагоги, подавшие заявления, работали в старших группах школ (какие-либо пояснения по этому вопросу в делах отсутствуют). Также нужно заметить, что среди получавших персональные пенсии было несколько лиц, чьи заслуги по документам Владимирского архива установить не удалось, т. е. изначальный процент педагогических работников, возможно, был более высоким.

Интересные сведения содержатся в обращении одного из шести «шкрабов», отправленном во Владимирской Совет в марте 1925 г.: «Состоя персональным пенсионером по пенсионной книжке № 28, выданной Владимирской губернской комиссией от 14 августа 24 года, с правом получения ежемесячно 35 рублей, настоящим, *ввиду пересмотра пенсионеров и установления нового декрета о пенсиях учителям* (курсив мой. — О. К.), прослужившим 25 лет, прошу Вас о сохранении за мной как учителем, прослужившим непрерывно 44 года (в том числе шесть лет в совшколах), если не прежней 35-рублевой ставки, то вновь утвержденной пенсии в 20 рублей ежемесячно»³³. Получается, что в 1925 г. пенсионное обеспечение педработников было перепроверено и увязано именно с постановлением от 15 января, хотя случаи назначения учителям персональных пенсий уже после

ввода этого нормативного акта встречались. В этом отношении показателен пример пенсионного обеспечения работницы просвещения Т.-Б. (69-й комплект документов), которая в период с 1883 по 1917 г. служила учительницей в сельских начальных школах, а после революции более пяти лет работала ликвидатором неграмотности и инструктором отдела народного образования. В 1925 г. она обратилась за назначением пенсии по выслуге лет и получила отказ, так как на советской службе состояла не на должностях, предусмотренных январским постановлением. В ответ на отказ бывшая учительница написала жалобу во Владимирский губисполком, который, приняв во внимание ее заслуги, выступил с ходатайством о назначении персональной пенсии. В марте 1926 г. на республиканском уровне было принято решение о назначении ей пенсии этого вида «в изъятие из Постановления ЦИК и СНК СССР от 15-го января 1925 года»³⁴. Это решение объяснили следующим образом: «По формальным признакам гр-ка Б. не подходит под действие названного постановления, но принимая во внимание ее долголетнюю службу до Октябрьской революции учительницей в деревне, что после Октябрьской Революции она продолжала служить делу народного образования и потеряла на службе 85 % трудоспособности, что о предоставлении ей пенсии ходатайствуют Владимирский Губисполком и Президиум ВЦИК... постановление Президиума ВЦИК о назначении пенсии гр. Б... утвердить»³⁵.

Обращений в НКСО, аналогичных проанализированному выше, было немало, поэтому Инструкция № 331 предоставила страховым кассам «право назначать в отдельных случаях при наличии достаточно уважительных к тому оснований пенсию за выслугу лет лицам, не прослужившим при Советской власти полных пяти лет»³⁶, отсекая школьных работников от персонального пенсионного обеспечения. Основной причиной данного ограничения можно назвать экономическую: в 1928 г. средняя норма персональной пенсии составляла 55 руб. в месяц³⁷, что было значительно выше положенных на тот момент учителям 20-рублевых выплат. К марту того же 1928 г. общее количество проживавших в РСФСР персональных пенсионеров достигло 7260, в их число входили 3300 революционеров, 1400 военных, 945 ученых и 1615 советских профсоюзных и общественных работников³⁸.

Скорее всего, немногочисленные педагоги были включены в круг советских общественных работников, основную массу которых составляли директора предприятий и руководители учреждений. Соответственно, в конце 1920-х гг. количество учителей — получателей персональных пенсий было совершенно незначительным.

Выводы

Таким образом, основным видом пенсионного обеспечения советских педагогов в 1920-х гг. стали пенсии за выслугу лет, выплачиваемые через систему социального страхования. Наиболее существенные проблемы, возникавшие в ходе пенсионирования работников просвещения, были связаны с недостаточностью страховых средств и жестким ограничением круга возможных получателей пенсий.

Сказать, что предоставление педагогическим работникам пенсионного обеспечения за выслугу лет кардинально решило вопрос с нехваткой кадров в сфере образования, нельзя: даже в 1930 г. газета «Правда» констатировала довольно широко распространенную «текучесть учителей из одного района в другой в поисках лучших условий работы и стремление к уходу с педагогической работы вообще»³⁹. Однако данные пенсии позволили пожилым педагогам, оставившим работу, иметь в старости небольшое, но гарантированное материальное обеспечение, а также закрепить на рабочих местах опытных учителей с дореволюционным стажем.

Сам факт предоставления учительству первоочередного права на пенсионное обеспечение (до ввода обеспечения рабочих и служащих по возрасту) с последующим расширением перечня должностей и учреждений, работа в которых давала право на пенсию, говорит о признании государством важности деятельности школьных работников для развития народного хозяйства.

Персональное пенсионное обеспечение, осуществляемое через НКССО, затронув небольшую часть учительства, тем не менее предоставило возможность наиболее выдающимся педагогам получать пенсии в переходный период с 1923 по 1929 г. Можно сказать, что персональное обеспечение было инструментом, позволявшим решать наиболее сложные вопросы пенсионного обеспечения, так как не опиралось на какие-либо жестко определенные списки должностей и учреждений.

Примечания

- ¹ Программа Российской коммунистической партии (большевиков) 1919 г. // Восьмой съезд РКП(б): протоколы. М., 1959. С. 400—401.
- ² *Крупская Н. К.* Потребности первоначального народного образования // Крупская Н. К. Педагогические сочинения: в 10 т. М., 1960. Т. 9. С. 196.
- ³ *Крупская Н. К.* Место ликвидации безграмотности в политпросветработе // Там же. С. 138.
- ⁴ Народное просвещение в СССР. М., 1929. С. 198; *Струмилин С. Г.* На плановом фронте, 1920—1930 гг. М., 1958. С. 462.
- ⁵ Народное хозяйство в СССР в 1980 году. М., 1981. С. 411.
- ⁶ О социальном страховании лиц, занятых наемным трудом: декрет СНК СССР от 15 ноября 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1921. № 76. Ст. 627; Об объединении Народного комиссариата труда Союза ССР с Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов: постановление ЦИК СССР, СНК СССР, ВЦСПС от 23 июня 1933 г. // Собрание законов СССР. 1933. № 40. Ст. 238.
- ⁷ *Мидонова Е. А.* Оптимальное сочетание интересов государства и личности в пенсионном обеспечении педагогических работников. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- ⁸ *Сивакова И. В.* Пенсионное законодательство России в советский период (октябрь 1917 г. — 1928 г.). М., 2015. С. 85.
- ⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5528. Оп. 1. Д. 134. Л. 32—39.
- ¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 331. Л. 20—22.
- ¹¹ Там же. Л. 18—18 об.
- ¹² О пенсионном обеспечении учителей школ 1-й ступени сельских и городских и др. работников просвещения в деревне: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 15 января 1925 г. // Собрание законов СССР. 1925. № 3. Ст. 32.
- ¹³ Цит. по: *Дегтярев Г. П.* Пенсионное обеспечение государственных служащих в Российской империи в XVIII—XIX веках: исторические вехи // Пенсия. 1997. № 12. С. 64.
- ¹⁴ *Сивакова И. В.* Указ. соч. С. 86.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Наговицын И.* Социальное обеспечение в РСФСР // Известия. 1928. 31 марта.
- ¹⁷ Государственный архив Владимирской области. Ф. Р-1166. Оп. 2. Д. 204. Л. 39—39 об.

- ¹⁸ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-5528. Оп. 2. Д. 241. Л. 21.
- ¹⁹ Там же. Л. 20.
- ²⁰ Там же. Д. 331. Л. 20—22.
- ²¹ Там же. Л. 21.
- ²² Там же. Л. 18—18 об.
- ²³ Там же. Л. 12.
- ²⁴ Там же. Л. 18—18 об.
- ²⁵ О пенсионном обеспечении работников просвещения за выслугу лет: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 3 июля 1929 г. // Собрание законов СССР. 1929. № 46. Ст. 396.
- ²⁶ Об изменении законодательства о пенсионном обеспечении работников просвещения, медицинских и ветеринарных работников за выслугу лет: постановление ЦИК и СНК СССР от 23 апреля 1931 г. // Собрание законов СССР. 1931. № 26. С. 202.
- ²⁷ О персональных пенсиях лицам, имеющим исключительные заслуги перед республикой: декрет СНК РСФСР от 16 февраля 1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1923. № 15. Ст. 198; Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед республикой: постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 21 мая 1928 г. // Там же. 1928. № 56. Ст. 420.
- ²⁸ Государственный архив Владимирской области. Ф. Р-1166. Оп. 2. Д. 262. Л. 1—12.
- ²⁹ Там же. Д. 259. Л. 1—7.
- ³⁰ Там же. Д. 242. Л. 1—20.
- ³¹ Там же. Д. 266. Л. 2.
- ³² Там же. Д. 300. Л. 3.
- ³³ Там же. Д. 234. Л. 12.
- ³⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3316. Оп. 31. Д. 260. Л. 6.
- ³⁵ Там же. Л. 2.
- ³⁶ Там же. Ф. Р-5528. Оп. 1. Д. 134. Л. 32.
- ³⁷ *Наговицын И.* Указ. соч.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ За ленинское отношение к учительству // Правда. 1930. 7 октября.

Т. Б. Котлова, Г. А. Будник, Т. В. Королева

**ПОДГОТОВКА ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ КАДРОВ
В КОНЦЕ XIX в. — 40-х гг. XX в. —
ОСНОВА УСПЕШНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Введение

Военно-экономический и человеческий потенциал Советского Союза во Второй мировой войне оказался мощнее, чем силы противника, объединившего свои ресурсы в борьбе за завоевание территории СССР. Без сомнения, большой вклад в Великую победу внесли предприятия электроэнергетической отрасли, на которых все годы военного лихолетья героически трудились люди, отдавая энергетике все силы.

Подготовка электроэнергетических кадров высшей и средней квалификации в годы Великой Отечественной войны изучалась советскими и российскими историками в основном

© Котлова Т. Б., Будник Г. А., Королева Т. В., 2020

Котлова Татьяна Борисовна — доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и философии, проректор по воспитательной работе и связям с общественностью, Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, ktb@ispu.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of History and Philosophy, Vice-Rector of Educational Work and Public Relations, Ivanovo State Power University named after V. I. Lenin).

Будник Галина Анатольевна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, budn@inbox.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of History and Philosophy, Ivanovo State Power University named after V. I. Lenin).

Королева Татьяна Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Ивановский государственный энергетический университет им. В. И. Ленина, kor_tv@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of History and Philosophy, Ivanovo State Power University named after V. I. Lenin).

на региональном материале¹. Между тем эта проблема имеет актуальный характер, ее исследовательский потенциал не исчерпан, но публикаций научного характера на общероссийском уровне недостаточно. Во многом имеющиеся пробелы в исследовании обусловлены неполной открытостью архивных источников, связанных с оборонными интересами страны.

В данной статье предпринимается попытка обобщения материала по вопросам подготовки российских инженеров и техников в высших и средних специальных учебных заведениях с конца XIX в. до 1945 г. Выбор хронологических рамок обусловлен тем, что развитие отечественного высшего и среднего специального образования можно рассматривать как единый процесс, имеющий определенные этапы. В годы Великой Отечественной войны в учебных заведениях преподавали, а в энергетике работали инженеры и техники, профессиональное становление которых связано с дореволюционным периодом истории России, а также многочисленные кадры специалистов, подготовленных в довоенные годы.

У истоков отечественного энергетического образования

Исследователи, изучающие историю энергетики, традиционно подчеркивают большую роль иностранных инженеров в развитии отрасли. Действительно, в конце XIX — начале XX в. на многих объектах электроэнергетики работали иностранные специалисты. Это объясняется не только недооценкой царским правительством необходимости создания национальных инженерных кадров, но и неверием российских предпринимателей в успешность новой для страны отрасли.

Однако, несмотря на все сложности начального этапа развития отечественной электроэнергетики и незначительное число вузов, нацеленных на подготовку инженеров-электриков, в конце XIX — начале XX в. в России сложилась школа выдающихся инженеров, многие из которых были и изобретателями, и организаторами производства, а также преподавали в учебных заведениях.

Возникновение энергетического и электротехнического образования на рубеже XIX и XX вв. связано в первую очередь со столицами Российской империи. Телеграфное училище,

открытое в Петербурге в 1886 г., было одним из первых в мире специальных электротехнических учебных заведений. Оно готовило специалистов по электрической проводной связи и сыграло заметную роль и в подготовке будущих профессоров и преподавателей электротехники, которыми впоследствии были созданы первые русские учебники и учебные пособия². Первым электротехническим высшим учебным заведением в России был Петербургский электротехнический институт, основанный в 1891 г. на базе Технического училища телеграфного ведомства. В течение 1891—1898 гг. институт выпустил 143 инженера-электрика.

В 80—90-х гг. XIX в. начинается преподавание курса теоретической и прикладной электротехники в Рижском политехническом и Харьковском технологическом институтах, а также и в некоторых других высших технических учебных заведениях России. В 1902 г. начались занятия в Петербургском политехническом институте, электромеханический факультет которого стал крупнейшей высшей электротехнической школой в России.

Наряду с Петербургским политехническим институтом, исключительно важная роль в развитии русского электротехнического образования принадлежала Московскому высшему техническому училищу. В 1830 г. император Николай I утвердил Положение о Ремесленном учебном заведении, именно с этой даты идет отсчет истории учебного заведения.

Так сложились две электротехнические школы, сохранившиеся и доныне: санкт-петербургская и московская, определившие направление и характер подготовки инженеров-электротехников в нашей стране. В 1912/13 учебном году в России насчитывалось 130 233 специалиста с высшим и средним техническим образованием, из них 4010 инженеров и технологов³.

Технические вузы работали не только в столицах и крупных городах, таких как Рига, Варшава, Киев, Харьков. В 1896 г. была основана и первая высшая техническая школа в Сибири — Томский технологический институт. Выпускаемые институтом инженеры-электрики и инженеры-теплотехники, несомненно, сделали очень многое для развития энергетики Сибири. «Снабженный первоклассным и наиболее совершенным оборудованием при своем основании, усвоивший наиболее плодотворные традиции высших школ России и заграницы, Томский технологический

институт обеспечил... выпуск инженеров для работы в исключительно сложных условиях Сибири...», — констатировали профессора Томского политеха в 1945 г.⁴

Таким образом, в России до 1917 г. была заложена серьезная основа подготовки кадров для электроэнергетической отрасли.

Высшее и среднее энергетическое образование в советской России (1917—1930-е гг.)

Пришедшие в 1917 г. к власти большевики понимали, что для восстановления и развития экономики в первую очередь необходимо провести электрификацию страны. 22 декабря 1920 г. был принят Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО). Одной из важнейших задач, которые он решал, являлось создание единой энергосистемы, состоящей из энергосистем европейской части страны и Сибири. Все это обострило проблему подготовки квалифицированных кадров, которые могли бы обеспечить как строительство, так и эксплуатацию новых электростанций.

Подготовка инженеров и техников для отрасли в советской России осуществлялась различными путями. Очень многие получали необходимые знания на практике. Десятилетия спустя инженер И. Д. Абрамкин вспоминал о том, как на строительстве Шатурской электростанции решали проблему квалифицированных кадров. Монтаж турбин там занимались представители немецкой фирмы: «Перед нами встал вопрос: а что же будет, когда немцы, закончив работу, уедут? Надо было что-то предпринять. И вот в качестве подсобных рабочих были прикомандированы к немцам три самых лучших слесаря 7-го и 8-го разряда: Борисов, Рогожин и Федяев. Сначала они возмутились, когда им пришлось открывать ящики с оборудованием и протирать тряпками замасленные части, но затем, после соответствующего разъяснения, с усердием принялись за работу, попутно изучая все части оборудования и присматриваясь к его монтажу...

Таким образом, к концу монтажа уже первой машины ВЭС станция имела персонал, способный эксплуатировать турбину. Впоследствии все трое вышеуказанных слесаря стали турбинными мастерами»⁵.

Для выполнения плана ГОЭЛРО имеющихся электротехнических кадров высшей квалификации было совершенно недостаточно. Поэтому вопрос о расширении энергетического образования приобрел особую остроту. В короткий срок были организованы электротехнические и энергетические факультеты в Томском и Харьковском технологических, Киевском и Новочеркасском политехнических институтах. В нескольких учебных заведениях Москвы также были созданы специальные факультеты для подготовки инженеров-электриков, в том числе электропромышленный факультет в Институте народного хозяйства имени Плеханова (1921 г.).

Эти факультеты не могли сразу обеспечить выпуск большого числа инженеров-электриков. Главная роль в подготовке квалифицированных специалистов в области энергетики и электротехники принадлежала в эти годы Петроградским политехническому и электротехническому институтам и Московскому высшему техническому училищу.

Во второй половине 20-х гг. в основном завершилось восстановление хозяйства, разрушенного в годы Первой мировой и Гражданской войн, а уровень энергопотребления к 1925 г. был доведен до уровня 1916 г.⁶ Правительство приступило к разработке I пятилетнего плана развития народного хозяйства, который во многом базировался на результатах реализации плана ГОЭЛРО и пересекался с ним. На ноябрьском (1929 г.) пленуме ЦК ВКП(б) был взят курс на форсированную индустриализацию, определивший приоритеты экономического и социального развития страны вплоть до начала Великой Отечественной войны. По итогам пленума Президиум Высшего совета народного хозяйства СССР вынес 15 февраля 1930 г. постановление о создании отраслевых институтов на базе факультетов, существовавших в вузах политехнического типа.

В результате в 1930 г. были созданы Московский (МЭИ) и Ивановский энергетические институты (ИЭИ), ставшие на многие годы главными центрами подготовки инженерных кадров для энергетической отрасли. Основой для образования МЭИ был электротехнический факультет Московского высшего технического училища имени Н. Э. Баумана и электропромышленный факультет Института народного хозяйства имени

Г. В. Плеханова. Ивановский энергетический институт был создан на базе электромеханического факультета Иваново-Вознесенского политехнического института — первого советского вуза, образованного в 1918 г. в городе на основе Рижского политехнического института.

На пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. было принято постановление «О кадрах народного хозяйства», определившее характер учебного процесса, социальные принципы набора в учебные заведения технического профиля и многие другие вопросы. Приоритет при поступлении в энергетические институты отдавался молодым людям пролетарского или крестьянского происхождения, продолжительность производственной практики предполагалось довести до 40—50 % учебного времени, чередуя практическую и теоретическую подготовку⁷. Так, по решению обкома ВКП(б) Ивановской промышленной области, в которую входили современные Владимирская, Ивановская, Костромская и Ярославская области, в вузах был исключен лекционный метод преподавания, отменены зачетные сессии, введен укороченный учебный год, равный семестру, и непрерывная учебная неделя⁸. Позднее это решение было признано ошибочным, произошел возврат к традиционным учебным планам подготовки инженеров и техников, но некачественно подготовленные специалисты, к сожалению, пришли на производство⁹.

В целом по стране в 1939 г. на электростанциях СССР почти половина инженеров имела высшее образование, 24 % — среднее специальное, остальные были практиками. В Сибири процент практиков был почти на 10 % выше¹⁰.

Несмотря на все издержки, в конце 30-х — начале 40-х гг. в стране функционировала полноценная система подготовки кадров для электроэнергетики. Результаты реализации плана ГОЭЛРО и планов первых пятилеток превзошли самые смелые ожидания: к 1935 г. выработка электроэнергии в СССР достигла 26,3 млрд кВт·ч, в десять раз превысив довоенный уровень царской России. В итоге Советский Союз стал третьей энергетической державой — после США и Германии.

Подготовка инженеров и техников в годы Великой Отечественной войны

После начала Великой Отечественной войны кадровые вопросы встали так же остро, как и проблемы снабжения армии всем необходимым для борьбы с врагом.

Сложность положения хорошо видна на примере Рыбинской электростанции, на которой в сентябре 1941 г. были выполнены подготовительные работы к пуску первого гидроагрегата. Для наладки оборудования требовались специалисты, но большинство из них ушли на фронт. В каждой смене работал всего один машинист. На станцию брали молодежь из Рыбинска и соседних деревень. Подростки приходили на производство без опыта и специального образования, что не могло не сказаться на качестве работы подразделений.

В течение войны на Горьковской ГРЭС, например, процент молодежи среди рабочего состава поднялся до 85 %. В электромеханическом и механическом цехах вместо мастеров 4—7-го разрядов работали ученики ремесленного училища. На 40 % сменился состав машинистов транспортного отдела, полностью поменяло рабочий состав зольное хозяйство. Из-за неопытности рабочих на некоторые участки приходилось направлять больше людей, чем там работало до войны. Так, вместо 87 человек кадровых бункеровщиков стали работать 165, вновь пришедших на станцию. Немногие оставшиеся квалифицированные рабочие направлялись на более ответственные посты. Старые производственники брали шефство над вновь пришедшими, обучали их, передавали свой опыт. Таким образом, основным видом обучения был индивидуально-бригадный. Летом 1941 г. были организованы курсы по подготовке кочегаров, слесарей и других рабочих-специалистов. Всего работало несколько десятков курсов¹¹.

Аналогичная картина с кадровым обеспечением сложилась во всех регионах страны. Анализируя процессы электрификации российского Дальнего Востока, А. В. Маклюков объясняет изменение качественного состава работников энергетических предприятий притоком женщин и подростков, не имеющих специальной подготовки и опыта. «Низкий уровень культуры эксплуатации оборудования напрямую отразился на технико-экономических

показателях работы предприятий. Так, в электрических сетях системы Дальэнерго в начале войны свыше 40 % аварий происходило по вине персонала», — отмечает исследователь¹².

Сложившаяся в первые же дни войны обстановка требовала принятия самых решительных мер. В целях восполнения дефицита кадров в июле 1941 г. ГКО постановил, что инженерно-технический и рабочий персонал энергетических организаций не подлежит мобилизации. Введенный режим бронирования кадров исключал возможность добровольного ухода на фронт. Однако, несмотря на запрет призыва энергетиков в действующую армию, многие из них все-таки предпочитали сражаться за Родину на фронте. Инженер Г. Л. Асмолов вспоминал: «Неожиданно мы столкнулись с непредвиденным: сотни специалистов высшего класса, без которых электростанции работать нормально не могут, заявили о своем желании добровольно идти на фронт. Они требовали освобождения от брони, а на отказ военных комиссаров жаловались в обкомы, крайкомы и даже в Москву. С трудом удалось разъяснить людям, что электростанции — предприятия особого типа. Бесперебойная их работа необходима, иначе фронт останется без оружия и боеприпасов»¹³.

Накануне Великой Отечественной войны в системе Наркомата электростанций (НКЭС) инженеров энергетических специальностей по-прежнему готовили в Московском энергетическом институте имени В. М. Молотова и Ивановском энергетическом институте имени В. И. Ленина. Инженеров выпускали также электротехнические, энергетические и теплотехнические факультеты промышленных и политехнических институтов в Томске, Новочеркасске, Ленинграде, Харькове и др. Кроме того, 11 средних специальных учебных заведений в системе НКЭС готовили специалистов-техников. Война поставила перед высшими и средними специальными учебными заведениями новые задачи.

Многие студенты и преподаватели ушли на фронт и в составе Красной армии сражались с противником на всех направлениях военных действий. В первые месяцы войны из 231 коммуниста партийной организации Московского энергетического института 137 ушли на фронт, к ним присоединились 470 комсомольцев и около 400 беспартийных преподавателей, аспирантов и студентов. Вслед за первыми группами последовали новые и новые

добровольцы. В 1942 г. большая группа комсомольцев-добровольцев была отправлена из МЭИ на фронт в десантники¹⁴.

Одновременно из Ивановского энергоинститута на фронт ушли 330 человек, из них 17 преподавателей, 24 сотрудника, остальные — студенты. Из 540 человек, принимавших участие в военных действиях, 82 из числа студентов и преподавателей отдали свою жизнь ради Победы¹⁵.

С первых дней Великой Отечественной войны началась перестройка работы вузов на военный лад.

В ноябре 1941 г. МЭИ эвакуируется в г. Лениногорск Восточно-Казахстанской области. Здесь уже в первых числах декабря начались занятия трех факультетов: электроэнергетического, теплотехнического, электротехнического. Осенью 1942 г. был прием на первый курс всех факультетов. В 1942/43 учебном году в Лениногорском отделении МЭИ занималось 600 студентов. Занятия проводились в две смены, сроки обучения были сокращены¹⁶.

В начале 1942 г. возобновились занятия в той части института, которая оставалась в Москве. Московское отделение имело два факультета: электротехнический и энергетический. В 1942/43 учебном году на этих факультетах занималось 700 студентов.

В январе 1943 г. в Москву из Лениногорска из кратковременной эвакуации вернулись преподаватели, сотрудники и студенты МЭИ. Прибыло оборудование лабораторий, библиотека, хозяйственное имущество. В суровых военных условиях предстояло вновь создать единый институт, организовать учебный процесс, возобновить работу всех лабораторий, библиотеки, столовых, студенческих общежитий. В институте в этот период насчитывалось 1500 студентов, 220 преподавателей, 229 сотрудников¹⁷.

Продолжал свою работу и Ивановский энергоинститут. В декабре 1943 г. общий контингент студентов ИЭИ составлял 900 человек, в основном это были девушки¹⁸.

Перед вузами и техникумами стояла задача в кратчайший срок не только восстановить довоенный уровень выпуска специалистов, но и превзойти его. Проблемы военного времени обострили также вопросы содержания и длительности подготовки инженеров и техников. Сложнейшие задачи, которые приходилось решать выпускникам при восстановлении

предприятий, предполагали исключительную разносторонность их подготовки. В связи с требованиями военного времени создавались новые специальности и специализации. Так, в МЭИ только в 1943 г. были открыты новый энергомашиностроительный факультет, кафедра релейной защиты и автоматизации энергетических систем, специализация по радиолокации¹⁹.

В то же время нехватка кадров вынуждала организовывать ускоренные выпуски, сокращать продолжительность обучения.

1943 г. стал во многом переломным для технических учебных заведений страны. Несмотря на трудности военного времени, ГКО были приняты специальные решения по обеспечению наилучших условий работы учебных заведений НКЭС. Студентов снабжали по рабочим нормам, всем успевающим выплачивали стипендию. Эти меры позволили уже весной 1943 г. провести дополнительные приемы и подготовиться к осеннему набору, количественно превосходящему все предвоенные. Была проведена огромная работа по восстановлению и обновлению лабораторной базы институтов. В 1944 г. наполненность высших учебных заведений электротехнического профиля студентами составляла 85—90 %²⁰.

В трех высших технических учебных заведениях, находившихся в ведении Наркомата электростанций, работало более 400 преподавателей (кроме МЭИ и ИЭИ, в ведении НКЭС находился Московский торфяной институт), среди которых было два действительных члена Академии наук СССР, три члена-корреспондента АН СССР, 60 профессоров и докторов, 156 доцентов и кандидатов наук²¹.

В освоении знаний студентами упор был сделан на их самостоятельную работу. Учебников, однако, было недостаточно, и часто студентам приходилось ограничиваться заучиванием конспектов лекций.

Студенческие и преподавательские коллективы активно включились в деятельность по оказанию помощи фронту. Тысячи студентов принимали участие в сооружении укреплений на дальних подступах к Москве, другим городам прифронтовой полосы, работали на предприятиях, в госпиталях, помогали обеспечивать города топливом и т. д. Даже во время каникул

будущие энергетики трудились на торфопредприятиях, лесозаготовках, на уборке урожая в колхозах.

Очень многое о жизни в военное время можно узнать из документов тех лет, так как большинство студентов вели дневники. В музее Ивановского энергетического университета хранятся воспоминания Ирины Грамматиной, которая поступила в энергоинститут в 1942-м и закончила его в 1947 г. В них она пишет о том, как сложно было учиться, как ждали вестей, переживали за близких и старались помочь фронту: «Зима в тот год была суровой — морозной и снежной. Нас, живущих в институте студентов, не раз посылали на расчистку военного аэродрома. Занятия в тот день отменялись. Мы садились в военные крытые брезентом грузовики и ехали на аэродром. Каждой бригаде выделялся участок для расчистки от снега летного поля, по краям которого стояли несколько будочек, где около “буржук” в перерывах можно было погреться. Работали обычно до сумерек. Зато по окончании работы нас кормили солдатским обедом да еще с куском хлеба! Для нас, полуголодных студентов, это было радостно»²².

В Москве, Ленинграде, Свердловске, Шатуре, Челябинске, Баку и Ереване работали энергетические техникумы, выпускавшие специалистов среднего звена.

Работники НКЭС были озабочены серьезным дисбалансом, сложившимся в обеспечении энергопредприятий кадрами инженеров и техников после начала военных действий. «До войны в системе Наркомата электростанций СССР работало до 12 000 инженеров разных специальностей, преимущественно энергетиков, и до 8000 техников, составляя соотношение инженеров и техников 1,5 : 1 в пользу инженеров. В настоящее время количество инженеров и техников на предприятиях НКЭС составляет порядка 8000 инженеров и 4000 техников, то есть соотношение тех и других изменилось на 2 : 1 в пользу инженеров. Считая приблизительно нормальным соотношением инженеров и техников в системе НКЭС как 1 : 3, следует сделать вывод, что в настоящее время имеется огромная диспропорция между высшими и средними кадрами энергетических специальностей, работающими в энергетической промышленности», — отмечали работники наркомата²³. Нехватка технических кадров средней квалификации на энергопредприятиях негативно сказывалась

на качестве их работы. Стояла задача преодолеть сложившийся дисбаланс и резко увеличить число техников энергетических специальностей, выпускаемых учебными заведениями НКЭС.

Ситуация осложнялась тем, что достаточно высокий отсев из средних специальных учебных заведений накануне войны резко вырос в условиях военного времени и достиг в 1942/43 учебном году почти 51 % от общего числа учащихся²⁴.

Меры, принятые летом 1943 г. ГКО по созданию условий для подготовки кадров, позволили улучшить процесс обучения, снизить отсев учащихся в некоторых техникумах до 5 %, увеличить продолжительность обучения в средних специальных учебных заведениях энергетического профиля до 3 лет и 7 месяцев. Увеличивалось количество часов на производственное обучение в мастерских, военно-физическую подготовку, изучение иностранных языков становилось обязательным²⁵.

Несмотря на это, техникумы испытывали большие сложности с обеспечением аудиторным, и особенно лабораторным, фондом. Челябинский и Шатурский техникумы, не имея собственной теплотехнической базы, вынуждены были пользоваться лабораториями электростанций, что часто было неудобно по производственным причинам. «...Недостаток оборудования испытывается решительно всеми лабораториями, особенно по специальным дисциплинам...», — отмечалось в отчете техникума в наркомат. Кроме того, учащимся не хватало учебников и тетрадей²⁶.

Невзирая на все трудности, уже в 1943 г. НКЭС планировал увеличение приема в техникумы, укрепление их материально-технической базы и открытие в ближайшие годы новых учебных заведений для решения кадровой проблемы²⁷. Это были необходимые меры, так как выпуск из девяти техникумов НКЭС в 1944 г. составил всего 140 человек²⁸.

Предпринятые НКЭС меры не могли быстро изменить ситуацию в условиях военного времени. Даже в 1945 г. многие техникумы испытывали трудности, связанные с обогревом помещений, питанием учащихся, обеспеченностью учебными материалами. Так, в Свердловском энергетическом техникуме в 1944/45 учебном году были острые проблемы со снабжением топливом. Работая в холодных помещениях в две смены по 8—10 часов, преподаватели

часто болели. «Тем не менее техникум продолжает работать, выпуская специалистов-техников, — писали в отчете представители администрации, — и имеет хорошие отзывы о своих бывших студентах...»²⁹

В последние годы войны положение с подготовкой кадров как в учебных заведениях, так и на предприятиях заметно улучшилось. Однако ежегодный выпуск инженеров и техников в целом для экономики страны в военные годы сократился почти в два раза по сравнению с 1938—1940 гг. Объем подготовки специалистов предвоенного 1940 г. был достигнут высшими учебными заведениями только в 1948 г., а средними специальными — в 1947 г.³⁰

Тем не менее вузы, техникумы, а также инженерно-технические кадры электроэнергетической отрасли справились со всеми задачами, вставшими перед ними в годы войны. В Российской Федерации, несмотря на крупные потери энергетических объектов Ленинградской, Московской, Брянской, Воронежской, Сталинградской и Кольской энергосистем, а также промышленных и коммунальных электростанций западной, северо-западной и юго-западной частей России, выработка электроэнергии в 1945 г. превзошла на 11,2 % выработку 1940 г.³¹

Заключение

Можно сделать вывод, что в конце XIX — начале XX в. в России были заложены основы для качественной подготовки инженеров-энергетиков и это во многом способствовало развитию электроэнергетической отрасли. Советское правительство с первых лет своего существования, в связи с реализацией планов ГОЭЛРО и индустриализации страны, уделяло большое внимание формированию кадров для электростанций. Начали открываться первые профильные высшие и средние специальные учебные заведения, которые обеспечивали энергетику кадрами средней и высшей квалификации. Однако качество подготовки специалистов часто страдало ввиду осуществления форсированной модели развития экономики, что, в свою очередь, негативно сказывалось и на качестве организации энергопредприятий.

Форсированная модель подготовки инженеров и техников была использована и в 1941—1942 гг. в связи с ростом

энерго мощностей, необходимых для организации работы оборонной промышленности. Частично кадровая проблема была решена, однако сложные условия работы учебных заведений приводили к массовому отсеву студентов.

Перелом на фронтах Великой Отечественной войны позволил обратить внимание на качество подготовки кадров для энергетики. С 1943 г., несмотря на трудности военного времени, правительство принимало меры по организации работы вузов и техникумов, налаживанию бытовых условий преподавателей и студентов. В результате в 1941—1945 гг. учебные заведения готовили кадры инженеров и техников, которые организовали бесперебойное снабжение оборонной промышленности и населения электроэнергией, внося тем самым весомый вклад в Победу.

Примечания

¹ См.: *Алексеев В. В.* Электрификация Сибири: историческое исследование. Новосибирск, 1973. Ч. 1: 1885—1950; *Бондаренко А. С.* Энергетика Сибири (1917—1977 гг.). Новосибирск, 1981; *Маклюков А. В.* Электрификация российского Дальнего Востока (конец XIX — середина XX в.). Владивосток, 2018; *Его же.* Становление высшего электротехнического образования на Дальнем Востоке России (1918—1948 гг.) // Образовательный потенциал Тихоокеанской России, XVIII—XXI вв.: (Восьмые Крушановские чтения, 2016 г.). Владивосток, 2017.

² *Иванов А. Е.* Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991. С. 71—72.

³ Сборник статистических сведений по Союзу С.С.Р., 1918—1923: за пять лет работы статистического управления. М., 1924. С. 54.

⁴ *Бутаков И. Н., Воробьев А. А., Щербаков В. К.* 50-летие сибирской энергетики, 1895—1945 // *Электричество.* 1945. № 5. С. 64.

⁵ Российский государственный архив экономики. Ф. 119. Оп. 1. Д. 3. Л. 22.

⁶ *Симонов Н. С.* Начало электроэнергетики Российской империи и СССР как проблема техноценоза. М., 2017. С. 80.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 4. С. 22.

⁸ Государственный архив Ивановской области. Ф. 327. Оп. 4. Д. 18. Л. 67.

- ⁹ Электротехническое образование на новую ступень // *Электричество*. 1941. № 1. С. 6.
- ¹⁰ *Бондаренко А. С.* Указ. соч. С. 77.
- ¹¹ Нижегородская энергетическая система // *Энергия победы: энергетика России в годы Великой Отечественной войны*. М., 2005.
- ¹² *Маклюков А. В.* Электрификация российского Дальнего Востока... С. 216.
- ¹³ *Асмолов Г. Л.* Высокое напряжение // *Энергетики в Великой Отечественной войне: воспоминания старейших энергетиков: сборник статей / сост. А. М. Маринов [и др.]*. М., 1985. С. 57.
- ¹⁴ Московский энергетический институт за 50 лет советской власти. М., 1967. С. 32.
- ¹⁵ ИГЭУ: всегда в развитии, 1918—2018 / под общ. ред. Т. Б. Котловой. Иваново, 2018. С. 29.
- ¹⁶ Московский энергетический институт... С. 32—33.
- ¹⁷ Там же. С. 33.
- ¹⁸ ИГЭУ... С. 30.
- ¹⁹ *Золотарев Т. Л.* Подготовка энергетических кадров // *Электричество*. 1944. № 1—2. С. 5.
- ²⁰ Там же. С. 4.
- ²¹ Там же. С. 7.
- ²² *Грамматина И. С.* Воспоминания выпускницы ИЭИ им. В. И. Ленина 1947 года. Уфа; Волгоград, 2011. С. 18.
- ²³ Российский государственный архив экономики. Ф. 7964. Оп. 7. Д. 40. Л. 29—30.
- ²⁴ Там же. Л. 30.
- ²⁵ Там же. Л. 31.
- ²⁶ Там же. Л. 32—33.
- ²⁷ Там же. Л. 36.
- ²⁸ Там же. Д. 43. Л. 63.
- ²⁹ Там же. Д. 49. Л. 2.
- ³⁰ Страна Советов за 50 лет: статистический сборник. М., 1967. С. 276, 309, 311.
- ³¹ *Жиμεριν Д. Г.* Развитие энергетики СССР. М.; Л., 1960. С. 98.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.46725/IW.2020.2.3

И. Н. Кулешова, В. К. Минников, Е. В. Скрыбина

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АЛЬТРУИСТИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Постановка проблемы

Развитие общества в целом сегодня происходит при все более нарастающем равнодушии, усилении потребительских настроений, рождающих грубый эгоизм, бездушие, несправедливость и жесткость¹.

© Кулешова И. Н., Минников В. К., Скрыбина Е. В., 2020

Кулешова Инна Николаевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет, ladyinna79@mail.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Ivanovo State Polytechnic University).

Минников Вадим Константинович — кандидат психологических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет, mivacom@mail.ru (Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Ivanovo State Polytechnic University).

Скрыбина Елена Владимировна — кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Ивановский государственный политехнический университет, E.gruzdeva@mail.ru. (Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Disciplines, Ivanovo State Polytechnic University).

В то же время становление психологической науки сопровождается плавным переходом от исследований, заключенных в жесткие границы естественно-научной методологии, зримо очерченный круг психических явлений, укладывающихся в нее, к изучению феноменологического многообразия психического, к которому можно отнести рефлексии, духовность и нравственность. Одним из таких феноменов является альтруистическая направленность в социальном взаимодействии, под которой понимается доминирующая мотивационная система, где мотивы альтруизма и связанные с ними моральные переживания выступают как доминирующие.

Многие ученые уже отмечали, что различные социальные слои общества могут быть в той или иной мере носителями определенных ценностей. Если говорить о помогающем поведении, то исследования показывают, что представители интеллигенции в значительной степени являются социальным ядром, групповым носителем альтруистических ценностей. Кроме того, отмечается, что роль интеллигенции в обществе проявляется в создании, поддержании и постоянном развитии духовно-нравственной атмосферы, в стремлении всего общества к духовному благополучию². Поэтому изучение социально-психологических особенностей альтруистического поведения представителей интеллигенции позволяет сделать вывод о том, что специфика и интенсивность его проявлений зависит как от особенностей оценки объектов социального взаимодействия, так и от их личностных характеристик.

Цель данного исследования — изучение социально-психологических особенностей современной российской интеллигенции, связанных с ее готовностью к альтруистическому взаимодействию.

Задачами статьи являются:

- 1) исследование представленности альтруизма как социально-психологического феномена в среде современной интеллигенции;
- 2) рассмотрение места альтруистической мотивации в поведении интеллигентов и их готовности к ее актуализации в различных условиях.

Основные результаты исследования

Базой исследования явились представители интеллигенции, в их числе учителя общеобразовательных школ, медицинские работники, преподаватели высшей школы, сотрудники музеев, практикующие юристы, художники из Санкт-Петербурга, Иванова, Владимира, Ярославля, Костромы, а также студенты старших курсов ивановских вузов (380 респондентов).

Эмпирическое исследование позволило сделать вывод о том, что социально-психологическая особенность альтруистического взаимодействия у представителей интеллигенции заключена в подавляющем одобрении и принятии альтруизма как социального явления. Большинство респондентов демонстрируют полноту социальной установки на альтруизм во всех ее трех составляющих (когнитивной, эмоциональной и поведенческой). Однако готовность быть альтруистичными в микросоциуме превалирует над готовностью проявлять помогающее поведение на уровне больших социальных групп. Так, подавляющее большинство респондентов (92 %) считают, что абсолютный альтруизм уместен прежде всего по отношению к родным, близким и коллегам по работе. Однако готовность быть бескорыстными по отношению к государству может актуализироваться в их представлениях только в условиях крайней необходимости, связанной в первую очередь с наличием экзистенциальной внешней угрозы. Следует также отметить очень незначительную готовность субъектов участвовать в работе организаций, осуществляющих благотворительную деятельность. Таким образом, современная интеллигенция готова актуализировать альтруизм как мотив поведения в основном в микросреде.

Изучение взаимосвязи альтруистической мотивации и личностных черт представителей интеллигенции в целом позволило составить обобщенный психологический портрет субъекта с выраженной готовностью помогать другим. Прежде всего следует проявление таких качеств, как внимательность, дипломатичность, ориентированность на творческий подход к анализу и разрешению ситуации межличностного взаимодействия, в том числе конфликтного. Тем не менее выраженная доверчивость, открытость, добросердечие и общительность сочетаются у таких людей

с настойчивостью и ответственностью, что свойственно субъекту, зрелому в социальном и личностном плане. Так, альтруизм как форма поведения более свойственен субъектам, достигшим определенного уровня самоактуализации. Для них характерно принятие высших ценностей именно самоактуализирующейся личности, таких как познание истины, добра, красоты, отсутствие раздвоенности в принятии решений и выборе жизненного пути, стремление к гармоничным и искренним межличностным взаимоотношениям, отсутствие проявлений манипулятивности, а также высокий уровень базового доверия к людям.

В качестве тенденции следует отметить, что опыт семейного взаимодействия, особенно у зрелых представителей интеллигентов, воспитывающих собственных детей, влияет на формирование таких личностных черт, как более высокий самоконтроль, эмоциональная устойчивость и эмоциональная зрелость, а также преобладание интеллектуальных интересов, т. е. большой практицизм. В то же время несемейным респондентам присущи социальная смелость и активность, в большей степени актуализированное воображение.

Еще одной значимой тенденцией в среде интеллигентов явилась специфика личностных черт, связанных с альтруистической направленностью, в зависимости от возраста. Если для более молодых субъектов (20—30 лет) дополнительной чертой личности является относительная эмоциональная устойчивость и искренность в своих отношениях с людьми в силу большей значимости социальных контактов, то для более старшей группы характерна выраженная тревожность в сочетании с высоким уровнем интеллекта, развитой аналитичностью ума и, как ни парадоксально, готовностью к восприятию нового.

Существует и гендерная специфика в доминирующей мотивации альтруистического поведения интеллигентов. Так, мотивация женщин чаще всего связана с повышением уровня самоуважения, созданием позитивного образа «Я», в то время как мужская мотивация детерминирована особенностями восприятия и оценки ими как самого факта контакта, так и объекта социального взаимодействия, нуждающегося в бескорыстной помощи. Таким образом, у женщин, представляющих интеллигенцию,

в альтруистическом поведении больше выражена интернальность, в то время как у мужчин — экстернальность.

Следует заметить, что основными формально-динамическими характеристиками альтруизма как относительно самостоятельного социально-психологического явления выступают мера, избирательность и парциональность. Но из этих параметров главнейшим для субъектов при социальном взаимодействии является мера (в отношении к другому). Выход за ее пределы может приводить к негативным психологическим последствиям.

Выводы

Очевидно, что понять психологическую сущность альтруизма можно лишь рассматривая взаимосвязь «человек — человек» в виде единой системы, в которой каждый отдельный субъект имеет лишь относительно самостоятельное значение как ее элемент, поскольку данная система порождает качественно иную антологию. При социально-психологическом взаимодействии принятие во внимание факта одновременной направленности человека как вовне, так и вглубь себя имеет принципиальное теоретико-методологическое значение, поскольку психологическая позиция субъекта в таком случае одновременно и социальна, и личностна. Тем не менее значимость (ценность) этих позиций может существенно различаться у взаимодействующих индивидов, проявляясь в мере и в качестве альтруизма, адресованного другим.

Примечания

¹ *Вашанова В. В., Давыденко Э. Н.* Интеллигенция и ее роль в развитии современного общества // Научный прогресс на рубеже тысячелетий: материалы Международной научной конференции. Прага, 2013. С. 203.

² *Иванов А. М.* Духовно-нравственные ценности российской интеллигенции: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Чебоксары, 2007. С. 3.

А. Е. Гладков

**ВОЗВРАЩЕНИЕ ФЁДОРА ТЮТЧЕВА В БАВАРИЮ...
Страничка из воспоминаний
о дипломатической службе**

В начале 2000 г. завершалась моя работа в МГИМО МИД РФ в качестве заместителя первого проректора, начальника отдела международных связей. Я получил назначение в Мюнхен на должность вице-консула Генерального консульства РФ в столице Баварии. Незадолго до отъезда состоялся мой разговор с выдающимся советским международником-германистом В. М. Фалиным. Узнав о предстоящей командировке, он произнес фразу, ставшую, можно сказать, пророческой. «Ну вот, — заметил он, — был в Мюнхене русский поэт-дипломат Фёдор Тютчев, а теперь пришел черед другому поэту-дипломату».

В Генконсульстве наряду с решением текущих вопросов дипломаты также регулярно направляли в Центр документы о различных аспектах политической, экономической, общественной жизни Баварии. Это была обязательная программа. Многие коллеги не выходили за рамки должностной служебной деятельности. Но это был не мой выбор. Мюнхен не просто один из городов Германии. Это особый город с богатой историей, культурой. Его именовали и культурной столицей Германии, и Афинами на Изаре (намек на богатую философскую традицию XIX в.). Меня интересовала культурная жизнь города, я знакомился с представителями политической, культурной элиты, участвовал в различных значимых акциях.

Из крупных проектов, инициированных мной или осуществленных с моим активным участием, в этой статье хотел бы

© Гладков А. Е., 2020

Гладков Александр Евгеньевич — советник первого класса, почетный работник МИД России, почетный член Союза писателей Азербайджана, alexglad@mail.ru (Adviser of the First Class, Honorary Worker of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Honorary Member of the Union of Writers of Azerbaijan).

остановиться на истории с возвращением в баварский культурный оборот имени великого русского поэта и дипломата Фёдора Ивановича Тютчева, осознанием баварцами его значения для их собственной и европейской культуры, наших двусторонних отношений. Тем более что данный проект оказался особенно сложным, длительным по времени решения и потребовал значительных усилий.

Ф. И. Тютчев прожил в Мюнхене более 20 лет, в том числе с 1822 по 1839 г. как дипломат в составе российской дипломатической миссии при королевском дворе Баварии. Он принял активное участие в подготовке и реализации одного из крупнейших событий европейской политики 30-х гг. XIX в. — избрании на греческий престол принца Отто, сына баварского короля Людвига I.

Стихами Тютчева восхищались Александр Пушкин, Николай Некрасов, Фёдор Достоевский, Лев Толстой. Вспомним строки Афанасия Фета из его стихотворения по случаю одного из посмертных тютчевских изданий:

Вот наш патент на благородство,
Его вручает нам поэт;
Здесь духа мощного господство,
Здесь утонченной жизни цвет.

<...>

Но муза, правду соблюдая,
Глядит — а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей.

Поэт и мюнхенский житель, Тютчев, разумеется, не мог не переводить стихи выдающихся поэтов Германии, в частности Генриха Гейне, с которым поддерживал дружеские отношения и которого фактически открыл для русской культуры. Он также перевел произведения Гёте, Шиллера, Гердера, Уланда. На смерть Гёте Тютчев откликнулся замечательным стихотворением, в котором сравнил германского гения с «лучшим листом на древе человечества высокоом».

Произведения русского дипломата и мыслителя также переводились на немецкий язык многими замечательными поэтами Германии. Первый сборник его стихов в Германии был напечатан

еще в 1861 г. Кстати, многие тютчевские строки, которые мы знаем с детских лет, были написаны в Баварии.

Музами поэта и дипломата стали три баварские красавицы: обе его жены — Элеонора (урожденная графиня Ботмер) и, после смерти Элеоноры, Эрнестина (урожденная баронесса фон Пфедфель) Тютчевы, а также подруга юности и друг всей жизни Амалия Крюденер (урожденная графиня фон Лерхенфельд), портретом которой мы можем и сейчас любоваться в знаменитой галерее красавиц Нимфенбургского дворца. Среди этих имен особенно отметим вторую супругу Ф. И. Тютчева, Эрнестину, которая выучила русский язык, собрала и сохранила для последующих публикаций многие произведения поэта (сам автор зачастую к ним относился весьма небрежно).

Выпускник Московского университета, блестяще образованный русский европеец, Тютчев прекрасно знал не только германскую литературу. Он переводил на русский язык произведения Шекспира, Байрона, Гюго, Беранже, сам писал стихи на французском, которым он, разумеется, владел в совершенстве.

5 декабря 2003 г. исполнялось 200 лет со дня рождения Ф. И. Тютчева. Россия готовилась встретить юбилей великого русского поэта, мыслителя и дипломата. Но в Германии сложилась иная ситуация... Мои контакты с представителями местной элиты по прибытии, включая весьма образованных интеллигентных людей, показали, что на «второй Родине» Фёдора Тютчева изрядно подзабыли. Его произведений не было даже в самых крупных и престижных книжных магазинах. При произнесении его имени баварские интеллигенты пожимали плечами, дескать, извините, не слышали. Ставший позднее моим хорошим приятелем заведующий главным отделом культуры Баварского радио профессор Кристоф Линденмайер выразился так: «Тютчев? Мне необходимо устранить определенный культурный дефицит».

Как говорится, работа дурака любит. Вот я и взялся по собственной инициативе за устранение упомянутого баварского дефицита. Надо отдать должное коллегам, руководителю Генерального консульства. Помогать они особенно не помогали, но и не мешали. Когда было необходимо, начальство подписывало подготовленные реляции.

Это был длительный процесс. Состоялись многочисленные беседы с представителями баварских политических, научных и культурных кругов, средств массовой информации, направленные на разъяснение значения Тютчева для европейской и мировой культуры, необходимости достойно отметить его юбилей в Мюнхене. Пришлось регулярно теребить тревожными бумагами и высокое начальство в России, которое по старой русской традиции не торопилось принимать официальные решения и обращаться к баварским властям с конкретными предложениями, что, разумеется, снижало эффективность наших дипломатических усилий в Баварии. Тем не менее постепенно эти усилия стали приносить плоды. У нас появились влиятельные союзники в аппарате правительства Баварии, в руководстве города Мюнхена, Баварского радиовещания, баварских архивов и других ведомств, заявлявшие о готовности поддержать наши проекты и участвовать в них.

Накануне юбилея и в юбилейный год был проведен ряд крупных акций, посвященных Тютчеву, в том числе с участием представителей русскоязычной диаспоры Баварии. Оригинальную акцию, посвященную юбилею, — экспедицию на плато Унтерсберг, где путешествовал Фёдор Иванович, а позднее первый переводчик его стихов Генрих Ное, провели члены мюнхенского клуба «GOROD». В этом походе четверо наиболее непоседливых граждан, включая автора этих строк, совершили восхождение на вершину «Berchtesgadener Thron», где сфотографировались со специально изготовленным по данному случаю вымпелом с изображением поэта.

14 ноября 2003 г. в центре Мюнхена, на Людвигштрассе, в здании Государственного архива Баварии открылась представительная и очень интересная выставка «Фёдор Иванович Тютчев. Поэт, дипломат, мыслитель», экспонировавшаяся до середины декабря. В качестве главных организаторов и участников с баварской стороны выступили Госархив Баварии, с российской — Музей истории г. Москвы (координатор), Государственный музей А. С. Пушкина, подмосковный музей-усадьба «Мураново»; также были представлены документы из архива Министерства иностранных дел России и Российского госархива литературы и искусства. Посетители смогли увидеть многочисленные экспонаты,

свидетельствующие о разносторонних дарованиях Тютчева. В частности, были представлены прижизненные сборники стихов поэта, публикации Тютчева в знаменитом пушкинском «Современнике», автографы, а также документы, касающиеся дипломатической деятельности поэта, его личные вещи и т. д.

В ноябре 2003 г. на радиостанции «Бавария 2» прошел двухчасовой баварско-русский вечер, посвященный поэзии Тютчева, истории, традициям, современному состоянию российско-баварских (немецких) отношений. Также в ноябрьские дни юбилейного года в Университете Регенсбурга состоялась международная научная конференция, посвященная жизни и творчеству Тютчева, с участием специалистов из России, Германии и других стран.

В Дрездене издательство «Thelem» выпустило самый полный на тот день в Германии — около 160 произведений — двуязычный сборник стихов русского поэта «Im Meeresrauschen klingt ein Lied» («Певучесть есть в морских волнах»; редактор и переводчик известный славист профессор Лудольф Мюллер). Дорожку хранящимся в моей библиотеке подарочным экземпляром с трогательным посвящением Л. Мюллера: «Александрю Гладкову, наследнику Тютчева на русской дипломатической службе в Мюнхене».

Список мероприятий юбилея Ф. И. Тютчева в Баварии упомянутыми событиями не исчерпывался. Однако самым сложным было добиться согласия баварских властей на открытие памятника Тютчеву в Мюнхене. Переговоры по данному вопросу продолжались не один месяц. Проект памятника подготовил народный художник России Андрей Ковальчук. На самом деле было даже два проекта — памятника и бюста, как договоримся. Германские власти вообще очень осторожно относятся к установке новых памятников, особенно исполненных в классической манере. Здесь сказывается общий западноевропейский тренд — отказ от классической традиции, уход в абстракцию, постмодернизм и пр. Но также, на мой взгляд, стоит на страже национальная историческая память, отягощенная воспоминаниями о помпезном и вульгарном «искусстве» времен Третьего рейха. Мы замахнулись на серьезный прецедент: в западных землях

Германии после войны деятелям российской культуры «традиционных» фигуративных памятников не ставили.

Мы постепенно приближались к положительному решению, но в определенный момент все оказалось на грани срыва. Однажды мне позвонил мой партнер по переговорам, бургомистр г-н Монатцедер, отвечавший в руководстве города за вопросы культуры, и предложил срочно встретиться. В беседе он сообщил мне, что руководительница одной из организаций российской диаспоры, весьма амбициозная дама, передала обер-бургомистру города абсолютно неприемлимый для Мюнхена проект памятника, поступивший от кого-то из Москвы, проект, вызвавший крайне негативную реакцию главы города. Замечу, что мы с самого начала просили эту общественницу не выступать с несогласованными с Генеральным консульством инициативами, касающимися установки памятника, учитывая деликатность и сложность вопроса. В результате глава города в сердцах заявил своему заместителю, что никакого памятника Тютчеву в Мюнхене не будет. Работа многих месяцев грозила закончиться ничем. Я предложил бургомистру не ставить крест на проекте сразу, выждать некоторое время. На самом деле для меня оставался выбор между двумя опциями: либо ничего не предпринимать, и ничего не будет, либо применить нетрадиционные методы.

В это время в Мюнхене находился посол России в Германии С. Б. Крылов, который остановился в резиденции генконсула. Пришлось нарушить все дипломатические приличия. Приехав домой, я написал письмо Крылову, в котором информировал его о создавшейся ситуации и, разумеется, в вежливой форме, но фактически настойчиво рекомендовал ему направить личные письма главе правительства Баварии и обер-бургомистру Мюнхена, в которых посол со ссылкой на высших руководителей наших стран, на договоренности о культурном сотрудничестве обратил бы внимание баварских руководителей на важность установки в Мюнхене памятника Тютчеву в его юбилейный год. Передал это письмо послу через сотрудницу, обслуживавшую резиденцию. Конечно, это была игра ва-банк с моей стороны: писать послу через голову собственного начальства и диктовать ему, что он должен сделать. Можно

было напроситься на крупные неприятности. Но ситуация требовала решительных действий.

Надо отдать должное г-ну Крылову. Он написал необходимые письма, написал весело, аргументированно и весьма определенно. Сергей Крылов обладал хорошим чувством юмора. Как мне позднее рассказал мой товарищ Владимир Найденов, бывший в то время начальником отдела культуры нашего посольства в Берлине, посол по возвращении из Мюнхена сказал ему: «Володя, мы тут получили указание из Мюнхена направить два письма руководителям Баварии. Надо исполнять».

Баварцы в данной ситуации не могли устоять перед напором из Берлина. 11 декабря 2003 г. с участием премьер-министра Баварии Эдмунда Штойбера, министра иностранных дел России Игоря Иванова, посла России в Германии Сергея Крылова, делегации Брянской области во главе с губернатором Юрием Лодкиным и скульптора Андрея Ковальчука элегантный памятник Фёдору Тютчеву в центре Мюнхена был торжественно открыт. Свершилось! Во время открытия произошло одно маленькое чудо, засвидетельствовавшее благосклонность высших сил к этому событию. День стоял пасмурный. Небо было покрыто плотными облаками. Но в момент, когда Штойбер и Иванов разрезали ленты на полотне, покрывавшем памятник, и оно упало, секунда в секунду облака расступились и на площадку хлынули потоки света. Фёдор Иванович с нами поздоровался.

Примерно за месяц-полтора до торжественного акта нам удалось убедить баварцев в необходимости сооружения именно фигуративного полноценного памятника. Они были настроены на вариант поскромнее — бюст. Но убедившись, что им не удастся сломить сопротивление этих упрямых русских, капитулировали. Разумеется, сильным аргументом стал сам проект народного художника России московского скульптора А. Ковальчука: элегантный молодой Тютчев с тросточкой и цилиндром, истинный денди на прогулке. Таким он был, прибыв в 1822 г. в Мюнхен в Русскую дипломатическую миссию в качестве внештатного атташе. Кстати, благодаря этому памятнику парк, в котором его установили, называвшийся «Сад финансов» (Finanzgarten), был официально переименован в «Сад поэтов» (Dichtergarten).

А. Н. Ковальчук. Памятник Ф. И. Тютчеву в Мюнхене

Юбилейный тютчевский 2003 год и события, связанные с ним, — уже история. Но остался памятник, новые книги. Останется также что-то еще, нематериальное... Полагаю, многие баварцы

открыли для себя великолепные тютчевские стихи, почувствовали, как мы близки друг другу в наших истоках, в наших чувствах... Да и если мы сами лишний раз снимем с полки любимую книгу и перечитаем в сумрачный осенний вечер, так располагающий к философским размышлениям о жизни, хотя бы вот это:

Есть в светлости осенних вечеров
Умильная таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь,
Над грустно-сиротеющей землею,
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный ветер порою,
Ущерб, изнеможенье — и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья...

то, право, поймем: есть смысл в таких юбилеях и есть смысл в них участвовать.

Р. С. Похоже, что после упомянутых событий автор этих строк стал считаться среди коллег кем-то вроде эксперта по установке памятников российским деятелям культуры в Германии. Так, в начале 2004 г. мне позвонил наш дипломат из Генерального консульства в Лейпциге с вопросом, что нужно сделать, чтобы добиться установки памятника Ф. М. Достоевскому в Дрездене. Мы подробно обсудили ситуацию. Памятник писателю был установлен в 2006 г. с участием Президента РФ и Федерального канцлера Германии.

Вот такие события произошли в самом начале XXI в. на юге Германии, в Свободном государстве Бавария (официальное наименование федеральной земли «Freistaat»).

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

DOI: 10.46725/IW.2020.2.5

Н. М. Филатов

ПРЕЗИДЕНТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ БРАУНШВЕЙГ АВГУСТ МЕРГЕС: ПУТЬ РАБОЧЕГО-ИНТЕЛЛИГЕНТА

Общие положения

Прошедшие в Германии мероприятия, посвященные вековому юбилею революции 1918—1919 гг., показали, что дискуссия среди отечественных историков об оценке ее значения до сих пор не завершена и слабо касается регионального аспекта¹. Если истории Баварской и Бременской советских республик² уже посвящены даже монографии, то об оказавшемся не менее радикальным центре событий — герцогстве Брауншвейг из-за его малых размеров не написано ни одной специальной статьи (за исключением кратких информативных сведений³), хотя на берегах Окера целых 99 дней существовала социалистическая республика со своим президентом и первым Советом народных комиссаров на немецкой земле.

Чтобы продолжить заполнение исторической лакуны биографий лидеров советских республик в Германии, автор данной

* © Филатов Н. М., 2020

Филатов Николай Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Filatov@pspu.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at the Department of National and General History, Archeology, Perm State Humanitarian Pedagogical University).

статьи предлагает политический портрет Августа Мергеса, президента Социалистической республики Брауншвейг, возглавлявшего ее с 10 ноября 1918 г. по 22 февраля 1919 г.

Начало жизненного пути А. Мергеса

Август Эрнст Рейнгольд Мергес родился 3 марта 1870 г. в маленьком городке Мальштатт-Бурбах, современной составной части Саарбрюккена⁴. Его отец, Николаус Мергес, был мясником, сочинившим и издавшим учебное пособие по изготовлению колбасных и мясных продуктов. Мать Августа, Анна Шнайдер, умерла вскоре после его рождения⁵.

Это были смутные времена: 19 июля 1870 г. французский император Наполеон объявил войну королевству Пруссия. После обстрела французами в августе Мальштатт-Бурбаха многие его жители бежали. В это время отец Августа был призван на военную службу и мальчик попал в приемную семью, где от недоедания заболел рахитом.

Имея вследствие этого рост всего 147 см, сутулость и подволакиваемую ногу, он с раннего возраста сделался объектом насмешек своих сверстников, которые обзывали его хромым Августом (Krummer August) или маленьким горбуном, на что подростку приходилось постоянно отругиваться⁶. Не могущий дать физический отпор насмешникам, Август научился полагаться на свою способность заражать людей убеждениями. Благодаря его остроумию и ораторскому искусству в будущем он стал одним любимым, другими ненавидимым организатором и оратором рабочего движения.

Пока же по совету отца шестилетний Август учится в начальной школе Идар-Оберштайна. Позже семья Мергесов переехала в Мелле, входивший тогда в прусскую провинцию Ганновер. Самым большим желанием Августа было посещать среднюю школу и продолжить образование дальше, но для этого не было денег, и отец отправил 14-летнего юношу учиться пошиву одежды в Бремен⁷. Однако стремление к знаниям и образованию осталось, о чем писал сам Август: «Хотя я со всем усердием посвятил себя профессии портного, но каждый свободный час использовал для пополнения знаний, обогащаясь чтением научных и политических книг, которые сделали меня убежденным социал-демократом»⁸.

Ученичество А. Мергеса завершилось в 1886 г. В то время он уже выступал в качестве оратора профсоюзов и социал-демократии и поэтому подвергся первым арестам за нарушения Искключительного закона против социалистов. Согласно этому закону, в 1878—1890 гг. в Германской империи запрещалась деятельность социалистических и социал-демократических организаций вне рейхстага и ландтагов⁹.

После завершения обучения в Бремене Мергес продолжил образование в швейной академии в Берлине, но из опасения «окончательно подорвать здоровье», если он продолжит работать портным, оставил ее¹⁰. Поскольку Августу не хватало средств на среднюю школу, он написал письмо Георгу фон Фольмару, члену рейхстага и председателю баварской социал-демократии. В нем говорилось, что 21-летний портной хотел бы получить научное образование, чтобы в будущем служить делу социалистов. Депутат, по-видимому, не был готов оказать ему финансовую поддержку, потому что Август оставался со своими иглками, нитками и тканями, а когда закончилось время работы подмастерьем в Бремене, отправился странствовать по рейху, как это было принято в то время¹¹.

В 1899 г. Август переехал в Деллигсен округа Гандерсхайм, где до 1906 г. работал портным. Там он женился на Минне Гермес, родившей ему трех сыновей (Альфред, 1899 г. рождения, Вальтер, 1901 г., Отто, 1905 г.) и двух дочерей (Маргарет, 1903 г., Лисбет, 1907 г.)¹².

С 1906 г. А. Мергес стал оплачиваемым чиновником Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в Хильдесхайме и Альфельде-на-Лайне, где управлял профсоюзным домом. Среди прочего он участвовал в демонстрациях рабочих против трехклассного избирательного права и за демократические и равные выборы в герцогстве Брауншвейг. С 1908 по 1910 г. Мергес избирался в городской совет Деллигсена, где успешно агитировал за СДПГ¹³.

В 1911 г. А. Мергес со своей семьей перебрался в Брауншвейг, где был зарегистрирован сначала экспедитором на улице Маршталль, позже на Ольшлегерн, а с 1917 г. до самой смерти на Альтевикринг 70. Начав с рекламодателя, бывший портной стал издателем и редактором социал-демократической газеты «Брауншвейгский друг народа» («Braunschweig Volksfreund»).

Позднее он все же сообщал о себе как о портном мастерской, организованной его дочерью Маргарет (по мужу Крулл)¹⁴.

Агитация против Первой мировой войны (1914—1918 гг.)

В начале 1915 г. Август Мергес, Август Тальгеймер и Зепп Эртер основали Революционный клуб Брауншвейга, близкий к оппозиционной группе «Интернационал», причем первые двое напрямую контактировали с ее берлинским «Централем»¹⁵. В Революционный клуб вошло около 15 человек, которые были против поддержки исполкомом СДПГ войны. Половину из них составляли представители СДПГ и профсоюзов, другая была из оппозиционного Образовательного объединения молодежных работников, для которых Мергес стал примером для подражания¹⁶.

9 июня 1915 г. Август был одним из первых, кто подписал протестное письмо, в котором группа «Интернационал» потребовала от руководителей СДПГ прекратить поддержку политики войны¹⁷. В начале 1916 г. Революционный клуб сменил название на Группу Спартака Брауншвейга. Ей удалось внедрить своих надежных людей на все предприятия города. В том же году Мергес подвергся так называемому защитному аресту за антивоенную деятельность¹⁸.

В 1917 г. СДПГ распалась на Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ) и СДПГ (большинства). Причем из 3 тыс. ее членов у социал-демократов осталось только 100 человек¹⁹. Мергес, естественно, оказался среди «независимцев», одновременно являясь членом Союза Спартака и активно сотрудничая с интернациональными коммунистами Германии²⁰. К концу Первой мировой войны Мергес руководил основанным спартаковцами «дезертирским центром», который представлял убежище покинувшим фронт, выдавал им поддельные паспорта и талоны на питание.

Перед вступлением Германии в войну чуть более трети из 465 тыс. жителей герцогства приходилось на его столицу Брауншвейг, живописно расположившуюся между рукавов небольшой реки Окер. Город был всемирно известен основанной в 1903 г. фабрикой по производству моторных грузовиков и автобусов,

брауншвейгским пивом, кровяной колбасой и медовыми пряниками, в нем было десять площадей, украшенных многочисленными памятниками Средневековья и Нового времени²¹.

Война разрушила размеренный порядок кайзеровского рейха: даже терпеливый немецкий народ устал от кровавой бойни и готов был откликнуться на любые слухи. Когда 3 ноября 1918 г. в столицу герцогства пришла весть о самом известном противнике войны Карле Либкнехте, только что выпущенном из тюрьмы, на Леонхардплац в Брауншвейге собралась тысяча человек. Выступить на митинге довелось не опальному депутату рейхстага, а Августу Мергесу²².

Ноябрьская революция и Социалистическая республика Брауншвейг (ноябрь 1918 — апрель 1919 г.)

Будучи умелым оратором и агитатором, А. Мергес уже 7 ноября вступил в контакт с группой из 300 вооруженных матросов, прибывших из Килия и занявших местный железнодорожный вокзал²³. На следующий день в семь часов утра с помощью мятежных моряков было захвачено помещение редакции «Braunschweig Volksfreund», который левые радикалы превратили в собственный рупор. В этот же день они заставили отречься от престола последнего герцога Брауншвейга Эрнста-Августа и уже на следующие сутки изгнали его из города со всей семьей²⁴.

Очевидец так описывал смену власти в герцогстве, прошедшую без единой капли крови, без единой царапины горожан: перед воротами замка установили стол, на который помогли взобраться маленькому хромому человеку с неизменной длинной сигарой в мундштуке и револьвером в кобуре, хотя все знали, что он за свою жизнь птицы не обидел. Это и был Август Мергес, произнесший пронзительным голосом свою самую пламенную речь²⁵. Социалистическая республика Брауншвейг была провозглашена 8 ноября 1918 г.²⁶

После отречения герцога политическое руководство взял на себя Совет рабочих и солдат во главе с «гусаром» Эмилем Шютцем (на самом деле пехотинцем и журналистом по профессии). Всего два дня спустя, 10 ноября 1918 г., созданный накануне исключительно из членов НСДПГ Совет рабочих и солдат сформировал правительство провозглашенной Социалистической

республики Брауншвейг, названное совнаркомом. Первым президентом республики по предложению З. Эртера²⁷ единогласно избрали А. Мергеса.

В состав правительства вошли восемь «народных комиссаров»: инженер Карл Эккардт (вопросы труда), слесарь Густав Герек (обеспечение продовольствием), служащий Август Юнке (юстиция), торговый доверенный Майкл Мюллер (транспорт и торговля, 28 января 1919 г. его сменил Рудольф Лёр), переплетчик Зепп Эртер (внутренние дела и финансы), матрос из рабочих Густав Розенталь (революционная оборона, 28 января 1919 г. его сменил Херлинг), редактор Август Веземейер (комендант Брауншвейга)²⁸ и единственная женщина, первая женщина-министр в истории Германии, Минна Фасхауэр (народное образование)²⁹.

Совет рабочих и солдат в Брауншвейге решил по российскому образцу создать Красную гвардию. В ее состав вошли более тысячи человек. Основная задача красногвардейцев, помимо защиты республики, состояла в том, чтобы восстановить и поддерживать закон и порядок и обеспечить возвращение в бывшее герцогство фронтовиков. Гвардия, допустившая случаи обысков в домах и конфискации еды у населения и критикуемая буржуазной прессой, уже 14 ноября была переименована в «Фольквер»³⁰.

23 ноября 1918 г. Мергес принял участие в имперской конференции Совета народных уполномоченных в Берлине, назвав ее авангардом контрреволюции. Он и представитель города Готы оказались единственными, кто выступил против созыва Национального собрания³¹. С другой стороны, коллега Мергеса по правительству З. Эртер с самого начала высказывался в пользу избранного народом парламента, который должен был выступать в качестве дополнительного органа наряду с Советом. Еще 15 ноября 1918 г. Брауншвейгский Совет рабочих и солдат принял закон о выборах, предоставляющий всем лицам старше 20 лет тайное, равное и прямое избирательное право.

22 декабря 1918 г. в Брауншвейге состоялись выборы в государственный парламент, это были первые выборы в Германии после распада империи. Однако их результаты оказались совершенно неожиданными для НСДПГ: хотя до тех пор местная организация была доминирующей политической силой, она получила только 14 из 60 мест, СДПГ (лидер Генрих Яспер) — 17, буржуазным

Земельному выборному союзу и Немецкой народной партии досталось 29 мест³². Несмотря на данный результат, Совет рабочих и солдат не стал передавать свои полномочия новому, демократически избранному государственному парламенту.

1 января 1919 г. Союз Спартака и другие левые революционные группы основали Коммунистическую партию Германии (КПГ), в составе которой оказался и наш герой³³. Вскоре после этого в Берлине началось спонтанное восстание, продолжавшееся с 5 по 12 января и после кровопролитных сражений разгромленное войсками фрейкора. На массовой демонстрации 7 января в Брауншвейге столичным спартаковцам была выражена поддержка. Местные коммунисты заняли помещения буржуазных газет и штабы буржуазных партий. Совет рабочих и солдат объявил, что прусские войска, все перевозки которых проходят через железнодорожный узел Брауншвейга, будут разоружены.

Убийство Розы Люксембург и Карла Либкнехта в Берлине сотрудниками гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии 15 января 1919 г. привело к тому, что по всей Германии произошли массовые военные беспорядки. В Брауншвейге 20 января против политического убийства протестовали 30 тыс. человек. Ситуация в городе тогда заметно обострилась.

Брауншвейгские «независимцы» и спартаковцы выступили под лозунгом «Бегом от Берлина!» Ввиду происшедших в столице событий Совет рабочих и солдатских депутатов Брауншвейга выдвинул идею создания Северо-Западной Германской республики, которую столичные власти, естественно, назвали атакой на единство империи³⁴. Эта республика должна была состоять из десяти социалистических свободных государств: Саксонии, Тюрингии, Гессена, Рейнланд-Вестфалии, Ганновера, Ольденбурга, Бремена, Брауншвейг-Люнебурга, Гамбурга с Шлезвиг-Гольштинией и Альтмарка с Ангальтом³⁵. Данный вопрос 25 января 1919 г. вынесли на обсуждение брауншвейгского конгресса представителей вышеназванных земель. Все участники, кроме членов НСДПГ, отклонили проект³⁶.

На выборах в Национальное собрание 19 января 1919 г. А. Мергес, наряду с А. Хампе и Г. Яспером, был направлен в качестве представителя от Брауншвейга в высший региональный суд³⁷.

25 января 1919 г. президента Социалистической республики Брауншвейг избрали окружным председателем НСДПГ³⁸.

Радикальное правительство Брауншвейга, по мнению П. Кукука, выражало сильные симпатии не только берлинским повстанцам, но и бременским революционерам³⁹, провозгласившим еще 10 января советскую республику на берегах Везера, однако не смогло оказать им существенную помощь. По воспоминаниям К. Яннака, в Бремен добрался только брауншвейгский биплан, который сел на занятую белогвардейцами территорию⁴⁰. 4 февраля 1919 г. Бременская советская республика пала.

На февральских выборах в земельный парламент буржуазные партии получили большинство мест и на учредительном заседании 10 февраля отменили статью 14 проекта конституции, предусматривавшую осуществление Советом рабочих и солдат «высшей законодательной власти». Мергес увидел в этом предательство революции и 22 февраля 1919 г. сложил с себя полномочия на всех занимаемых постах, отказавшись, таким образом, от поста президента Социалистической республики Брауншвейг⁴¹.

Сразу после отставки, 28 февраля, А. Мергес со своими сторонниками проводит собрание и провозглашает на нем советскую республику в Брауншвейге, однако уже на следующий день ландтаг отменил данное решение, назначив на 4 марта предварительное голосование по поднятому вопросу. За немедленное создание советской республики высказалось 3481 человек, 3013 — против, но из-за недостаточного участия рабочих в опросе репутация революционеров продолжала падать не только среди буржуазного населения Брауншвейга⁴².

В начале апреля 1919 г. обстановка в городе вновь резко обострилась. Правительство в Берлине констатировало: «Брауншвейг с конца 1918 г. был политическим центром коммунистического движения и источником всех трудностей для осуществления текущей работы правительства рейха»⁴³. После того как шахтеры в Рурской области объявили забастовку, а 7 апреля была провозглашена Мюнхенская советская республика, в Брауншвейге 9 апреля также объявили всеобщую забастовку на всей территории бывшего герцогства.

Собравшиеся в этот день на Замковой площади спартаковцы призвали, с одной стороны, к свержению коалиционного

правительства в Брауншвейге, с другой — к установлению правления Советов по всей Германии. Для этого были выдвинуты следующие требования: вся власть рабочим Советам, низложение «правительства убийц» Эберта — Шейдемана, связь с Российской и Венгерской советскими республиками, роспуск Национального собрания и всех государственных собраний, вооружение «рабочей силы», освобождение всех политзаключенных. Совет рабочих земли добавил еще три требования: немедленное начало социализации через введение рабочих Советов, роспуск всех добровольческих корпусов, создание народной армии⁴⁴.

В ответ имперское правительство для прекращения всеобщей забастовки, одним из лидеров которой был Мергес, направило 17 апреля 1919 г. в Брауншвейг 10-тысячный добровольческий корпус, укрепленный легкими орудиями и самолетами, под командованием генерала Меркера⁴⁵. В отличие от столицы рейха и вольного Бремена, вооруженного сопротивления фрейкоровцы в бывшей герцогской вотчине не встретили. Чтобы избежать ареста, недолговечный президент социалистической республики сначала ушел в городское подполье, а затем бежал в Берлин⁴⁶.

Деятельность в левацких коммунистических и синдикалистских организациях в 1920—1933 гг.

До 1920 г. Мергес входил в состав Коммунистической партии Германии (КПГ), после вышел из нее и стал одним из основателей левого коммунистического союза и малочисленной Коммунистической рабочей партии Германии (КРПГ)⁴⁷. Являясь некоторое время членом правления КРПГ, Август был сторонником «федералистского меньшинства», призывая к роспуску коммунистических партий и формированию «союзов» и резко выступая против любой централизации, в том числе и международной.

Когда 10 марта 1920 г. в Германии вспыхнул так называемый Капповский путч (мятеж, предпринятый консервативными силами против правительства Веймарской республики), рабочие всех заводов в Шенингене приняли участие во всеобщей забастовке, к ним 12 марта присоединились сельскохозяйственные рабочие в 18 местах вокруг города. Находящийся в этом нижнесаксонском городе А. Мергес держал речь на митинге 15 марта. Митинг был созван

по решению сформировавшегося комитета действий, который фактически взял власть в свои руки. После завершения митинга многие участники двинулись к арсеналу с требованием передать рабочим оружие. Ночью в город прибыли войска рейхсвера и прекратили осаду местных военных. На следующий день во время митинга был застрелен командир народного ополчения.

На основании произошедшего инцидента полковник Стахов выдал ордер на арест А. Мергеса, которого обвинили в том, что он «подстрекал рабочих к насильственному разоружению законной армии»: «В результате произошли беспорядки и вооруженные столкновения, в которых было несколько убитых и раненых». Однако рабочие не позволили задержать своего главного оратора, который успел 16 марта выступить еще и на собрании в Шёппенштедте⁴⁸.

В июле 1920 г. А. Мергес отправился в Москву на Второй конгресс Коминтерна, чтобы договориться там с Отто Рюле о приеме КРПГ в Третий Интернационал. Первоначально коминтерновский исполком хотел предоставить этой делегации совещательный голос и призвал ее принять участие в Конгрессе. В предварительных обсуждениях с членами исполкома Лениным, Бухариным и Зиновьевым Мергес и Рюле отвергли «Условия приема в Коммунистический Интернационал»⁴⁹. Оба немецких коммуниста выступали против централизованной и бюрократической структуры Интернационала и не хотели мириться с зависимостью отдельных партий от «центра силы». «Условия приема», сформулированные Коминтерном, противоречили взглядам КРПГ на взаимоотношения между партией, классом и массами, на вопросы о парламентаризме и профсоюзах. Еще до начала конгресса Мергес и Рюле уехали из Москвы. Заставшее немецких гостей на обратном пути новое приглашение от исполнительного комитета с заверением в том, что рабочая партия Германии получит полное право голоса без каких-либо требований, не изменило их решения. Дома поведение лидеров партии было подвергнуто жесткой критике, в результате они со своими сторонниками были исключены из КРПГ⁵⁰.

Позднее на нескольких лекциях в разных немецких городах Мергес рассказал о своем отрезвляющем опыте путешествия по Советскому Союзу. Его вывод с позиций наших дней можно считать провидческим: «Хотя Россия является страной, которая первой

осуществила социальную революцию, она станет последней страной, которая осуществит социализм»⁵¹.

Затем Мергес на короткое время вновь вступил в КПП, а по возвращении в Брауншвейг с октября 1921 г. работал в анархо-синдикалистском Союзе свободных рабочих Германии, куда входило около двадцати человек, в том числе бывшая министр образования Социалистической республики Брауншвейг Минна Фасхауэр. Они оба выступали в качестве спикеров на собраниях союза⁵². По словам сына Мергеса, его отец был также активным участником «Красной помощи»⁵³, существовавшей под эгидой КПП в 1924—1936 гг.⁵⁴ В 1926 г. Мергес являлся одним из организаторов Спартакистской лиги левых коммунистических организаций и ее первой и единственной всегерманской конференции в Геттингене⁵⁵. Союз Спартака № 2 был создан после различных расколов из бывшей парламентской группы Франца Пфемферта и Оскара Канеля, объединившейся с ультралевым Промышленным союзом транспортников Ивана Каца⁵⁶.

К концу существования Веймарской республики Мергес прекратил заниматься активной партийной деятельностью, считая, что в политику должна прийти молодежь⁵⁷.

Участие А. Мергеса в борьбе против нацистского режима (1933—1945 гг.)

В связи с захватом власти национал-социалистами в 1933 г. Август написал листовку, озаглавленную «Гитлер означает войну и разрушение», которую его сын Вальтер и Освальд Бергер напечатали и распространили перед офисом по трудоустройству. Тем не менее А. Мергес и М. Фасхауэр вскоре пришли к убеждению, что сопротивление национал-социализму в ситуации того времени, когда массы не хотели и слышать о коммунистической революции, означало лишь «биться головой о стену и создавать мучеников»⁵⁸.

Другие члены группы анархо-синдикалистского союза, такие как каменщик Герман Шаде, в основном собирали вокруг себя молодых людей для проведения акций против нацистов. Группа сопротивления Шаде — так называемый Союз коммунистического совета — собиралась конспиративно и первоначально не осуществляла никаких внешних действий. В нее также входили

члены СДПГ, КПГ и ранее неорганизованная молодежь⁵⁹. Шаде привлек в свою группу и А. Мергеса. Хотя последний и не желал из-за своего возраста и политических воззрений участвовать в активной революционно-антифашистской борьбе, но консультировал молодежь по текущим проблемам. В 1934 г. группа начала выпускать и распространять различные брошюры («Сигнал к борьбе», «Красный протест», «Коричневая чума»), в создании которых принимал участие и Мергес⁶⁰.

В декабре того же года четыре члена группы были арестованы полицией. В апреле 1935 г. последовало задержание еще шестнадцати человек, в том числе А. Мергеса и М. Фасхауэр. Во время жестокого обращения при допросах бывшего президента республики Брауншвейг гестапо повредило ему тазобедренный сустав. Когда Августу запретили лечение гнойной раны, он больше не мог ходить и испытывал сильные боли.

Мергесу было предъявлено обвинение в государственной измене. По распоряжению нацистского руководителя Д. Клаггеса судебный процесс провели не в Берлине, а в Брауншвейге. А. Мергес в 1937 г. был приговорен к трем годам тюремного заключения в Вольфенбюттеле⁶¹, но его сыну Альфреду удалось уговорить местный суд оставить отца под домашним арестом. По условиям последнего инвалиду не разрешали выходить из дома и показываться из окон, тем не менее недвижимый арестант неоднократно на короткое время задерживался гестапо.

В 1944 г. Альфред тайно перевез отца в летний домик под Брауншвейгом, где тот провел последние два года своей жизни. 6 марта 1945 г. А. Мергес скончался от последствий костного туберкулеза, развившегося в результате жестокого обращения со стороны нацистов⁶².

Заключение

Немецкий политик и революционер Август Эрнст Рейнгольд Мергес (1870—1945) — один из главных героев Ноябрьской революции в провинциальной Германии. Он избирался президентом Социалистической республики Брауншвейг, депутатом веймарского Национального собрания и ландтага Брауншвейга,

после 1933 г. являлся членом группы сопротивления нацистскому режиму, жестоко пострадал от него.

На наш взгляд, имя истинного рабочего-интеллигента Августа Мергеса достойно быть вписанным в историю наряду с прославившими брауншвейгскую землю средневековым королем Генрихом Львом, выдающимся немецким драматургом и просветителем XVIII в. Готхольдом Лессингом, конструктором и автозаводчиком Генрихом Бюссингом.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Попов И. Д.* Региональная политика Германии периода Веймарской республики (1918—1933) в советской и постсоветской историографии // Научный диалог. 2019. № 8.
- ² *Застенкер Н.* Баварская Советская республика. М., 1934; *Полтавский А. С.* Баварская Советская республика. М., 1959; *Ватлин А. Ю.* Советское эхо в Баварии: историческая драма 1919 г.: в 6 гл., 5 карт. и 20 док. М., 2014; *Филатов Н. М.* Вольный Бремен: от средневекового совета до совнаркома 1919 г. Пермь, 2018.
- ³ *Цветков Г.* Киль, Брауншвейг и Эссен в Ноябрьской революции // Борьба классов. 1933. № 11. С. 98—99.
- ⁴ Biographien sozialdemokratischer Parlamentarier in den deutschen Reichs- und Landtagen 1867—1933. URL: http://zhsf.gesis.org/biosop_db/biosop_db.php (дата обращения: 19.12.2018).
- ⁵ *Janzen D.* Kindheit und Jugend (1870—1899). URL: <http://augustmerges.info/2018/04/13/kindheit-und-jugend/> (дата обращения: 19.12.2018).
- ⁶ *Rother B.* Die Sozialdemokratie im Land Braunschweig 1918 bis 1933. Bonn, 1990. S. 274.
- ⁷ Handbuch der verfassungsgebenden deutschen Nationalversammlung Weimar 1919: biographische Notizen u. Bilder. Berlin, 1919. S. 218.
- ⁸ Цит. по: *Janzen D.* Op. cit.
- ⁹ Archivar erinnert an die “Spenger Schlacht”. URL: https://www.nw.de/lokal/kreis_herford/spenge/20968639_Erinnerung-an-die-Spenger-Schlacht.html (дата обращения: 20.12.2018).
- ¹⁰ *Janzen D.* Op. cit.
- ¹¹ *Bein R.* Braunschweig Stadt und Herzogtum 1890—1918: Materialien zur Landesgeschichte. Braunschweig, 1985. S. 239.
- ¹² August Merges. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/August_Merges#Weblinks (дата обращения: 14.12.2018).

- ¹³ *Bein R.* Braunschweig Stadt und Herzogtum... S. 239.
- ¹⁴ August Merges.
- ¹⁵ Braunschweiger Volksfreund. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Braunschweiger_Volksfreund (дата обращения: 13.08.2019).
- ¹⁶ *Bourrinet P.* Lexikon des deutschen Rätekommunismus 1920—1960. Paris, 2017. P. 159.
- ¹⁷ August Merges.
- ¹⁸ *Berger P.* Brunonia mit rotem Halstuch. Novemberrevolution 1918/19 in Braunschweig. Hannover, 1979. S. 110.
- ¹⁹ Braunschweiger Volksfreund.
- ²⁰ *Kolb E.* Die Arbeiterräte in der deutschen Innenpolitik 1918—1919. Frankfurt am Main; Berlin; Wien, 1978. S. 48.
- ²¹ *В-в В.* Брауншвейг // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., 1891. Т. 4А (8). С. 613—614; Т. 1 (1). С. 312.
- ²² Novemberrevolution in Braunschweig. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Novemberrevolution_in_Braunschweig (дата обращения: 14.12.2018).
- ²³ *Kolb E.* Op. cit. S. 294.
- ²⁴ Эрнст Август Брауншвейгский. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эрнст_Август_Брауншвейгский (дата обращения: 06.12.2018).
- ²⁵ *Homo (Wagner R.).* Zigeunerblut im Aktenschrank: Biographischer Roman. Jena, 1924. S. 217—218.
- ²⁶ Illustrierte Geschichte der deutschen November Revolution 1918/1919. Berlin, 1978. S. 113.
- ²⁷ Sepp Oerter. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Sepp_Oerter (дата обращения: 08.08.2019).
- ²⁸ *Цветков Г.* Указ. соч. С. 98; August Merges.
- ²⁹ Minna Faßhauer. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Minna_Fa%C3%9Fhauer (дата обращения: 08.12.2018).
- ³⁰ Novemberrevolution in Braunschweig.
- ³¹ Illustrierte Geschichte der deutschen... S. 199.
- ³² Novemberrevolution in Braunschweig.
- ³³ August Merges.
- ³⁴ Novemberrevolution in Braunschweig.
- ³⁵ *Шелавин К.* Авангардные бои западногерманского пролетариата: очерки германской революции 1918—1919 годов. Л., 1930. Ч. 2. С. 228.
- ³⁶ Novemberrevolution in Braunschweig.
- ³⁷ August Hampe. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/August_Hampe (дата обращения: 18.12.2018).
- ³⁸ Volksfreund. 1919. 29. Januar.
- ³⁹ *Kuckuk P.* Bremen in der Deutschen Revolution 1918—1919: Revolution, Rätereublik, Restauration. Bremen, 1986. S. 174—175.

- ⁴⁰ *Jannac K.* Wir kämpften in Bremen für die Räterepublik // Kuckuk P. Revolution und Räterepublik in Bremen. Frankfurt am Main, 1969. S. 153.
- ⁴¹ Novemberrevolution in Braunschweig.
- ⁴² Illustrierte Geschichte der deutschen... S. 328.
- ⁴³ Novemberrevolution in Braunschweig.
- ⁴⁴ Illustrierte Geschichte der deutschen... S. 383, 403.
- ⁴⁵ Zerrissene Zeiten — Krieg, Revolution. Und dann? Braunschweig, 1916—1923. URL: https://www.imhof-verlag.de/media/catalog/product/pdfs/Zerrissene-Zeiten_Blick-ins-Buch (дата обращения: 12.08.2019); Illustrierte Geschichte der deutschen... S. 404.
- ⁴⁶ August Merges.
- ⁴⁷ *Ihlau O.* Die Roten Kämpfer. Ein Beitrag zur Geschichte der Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik und im Dritten Reich. Erlangen, 1969. S. 174.
- ⁴⁸ Geschichtskommission der DKP Niedersachsen // Blätter zur Geschichte der niedersächsischen Arbeiterbewegung. Hannover, 1980. № 1. S. 5 f.
- ⁴⁹ *Ленин В. И.* Тезисы ко II Конгрессу Коммунистического Интернационала // Полное собрание сочинений. М., 1981. Т. 41.
- ⁵⁰ August Merges.
- ⁵¹ Цит. по: *Bein R.* Braunschweig Stadt und Herzogtum... S. 239.
- ⁵² *Bock H. M.* Syndikalismus und Linksradikalismus von 1918—1923: Zur Geschichte und Soziologie der Freien Arbeiter-Union Deutschlands (Syndikalisten) der Allgemeinen Arbeiter-Union Deutschlands und der Kommunistischen Arbeiterpartei Deutschlands // Marburger Abhandlungen zur Politischen Wissenschaft. Meisenheim am Glan, 1969. Bd. 13.
- ⁵³ *Bein R.* Widerstand im Nationalsozialismus: Braunschweig 1930 bis 1945. Braunschweig, 1985. S. 111.
- ⁵⁴ Rote Hilfe Deutschlands. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Rote_Hilfe_Deutschlands (дата обращения: 13.08.2019).
- ⁵⁵ *Ihlau O.* Op. cit. S. 174.
- ⁵⁶ Spartakusbund linkskommunistischer Organisationen. URL: https://de.wikipedia.org/wiki/Spartakusbund_linkskommunistischer_Organisationen (дата обращения: 13.08.2019).
- ⁵⁷ *Bein R.* Widerstand im Nationalsozialismus... S. 111.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ August Merges.
- ⁶¹ *Bourrinet P.* Op. cit. P. 161.
- ⁶² Biographien sozialdemokratischer Parlamentarier...

В. Л. Черноперов, С. М. Усманов

**СИЛА И БЕССИЛИЕ
«ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ»:
СЛУЧАЙ РАЛЬФА ДАРЕНДОРФА**

Введение

Ральф Густав Дарендорф (1929—2009) — один из самых известных европейских интеллектуалов XX века. Он умер в восьмидесятилетнем возрасте, пройдя долгий путь в науке, политике и общественной деятельности. Его имя уже вошло в учебники по целому ряду дисциплин гуманитарного цикла — прежде всего по социологии, политической науке и философии.

Однако в современной России о Дарендорфе пишут не столь часто, как в недавнем прошлом. Так было и при его жизни. Впрочем, немало написано о его концепции социального конфликта или о каких-то других разработках по конкретным проблемам политологии и социологии¹. Гораздо меньше внимания российские исследователи уделяли интеллектуальной биографии этого крупного германского ученого и общественного деятеля. Между тем она очень интересна. Ральф Дарендорф работал в университетах и исследовательских центрах не только Германии, но и Великобритании и Соединенных Штатов. Был принят в члены Британской академии, Академии наук США и Российской академии наук. Дарендорф был также известным политическим деятелем, парламентарием, занимал высокие посты в структурах

© Черноперов В. Л., Усманов С. М., 2020

Черноперов Василий Львович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, vlchernoperov@rambler.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of General History and International Relations Department, Ivanovo State University).

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, orvozi@rambler.ru (Dr. Sc. (History), Professor at General History and International Relations Department, Ivanovo State University).

евроинтеграции и даже получил в Великобритании титул лорда с правом заседания в верхней палате парламента. Такой опыт, казалось бы, заслуживает внимания российских исследователей. Однако желающих осмыслить жизнь и труды этого яркого европейца у нас в стране совсем немного².

Авторы статьи уже не раз выражали свою точку зрения по данной проблеме³. Причем сознавая и то, насколько это мнение отличается от впечатлений и оценок большинства других исследователей — не только отечественных, но и зарубежных. Приходится признавать, что наш взгляд на труды и свершения Р. Дарендорфа оказывается более критическим, чем у наших коллег. Вместе с тем полученные нами замечания от рецензентов⁴ побуждают нас вернуться к данной тематике, тем более что за прошедшие годы появились интересные исследования о Дарендорфе. Что само по себе показательно и является свидетельством актуальности творчества германского интеллектуала и в наши дни. Так что феномен Дарендорфа заслуживает более глубокого осмысления.

Методы

Прежде всего для изучения столь насыщенной интеллектуальной биографии, какой она была у Ральфа Дарендорфа, уместно использовать просопографический метод. Здесь речь должна идти не просто о выяснении основных вех жизни и судьбы интересующей нас персоны. Необходимо обратиться к прояснению главных мировоззренческих основ и особенностей самой личности Дарендорфа, выявить исторический контекст его деятельности, стиль его мышления. И те акценты, которые он расставлял в своей интерпретации реальности.

Кроме того, в научном поиске по данной теме для нас весьма полезными оказываются исследовательские практики и инструменты, предоставляемые интеллектуальной историей. В частности, мы используем контекстуализм Квентина Скиннера. Как отмечал этот британский исследователь, для воссоздания интенций и предпочтений различных лиц, проявляющихся в их речевых актах, необходимо установить некие «языковые конвенции», в рамках которых и выражаются такие акты высказывания.

Можно сказать, что исследователю необходимо проработать контекст тех понятий и высказываний, которые «вращаются» вокруг того или иного автора⁵.

Отчасти, как и в других наших работах, мы использовали также приемы феноменологической дескрипции Эдмунда Гуссерля. Они дают возможность в значительной мере исключить в ходе конкретного анализа все эмпирическое, все чуждое по отношению к изучаемому предмету⁶. А значит, сделать более ясным и определенным истолкование таких ключевых концептов нашего анализа, как «свобода» или «интеллектуал».

Результаты

В нашей главной работе по творчеству Ральфа Дарендорфа, опубликованной в 2016 г., мы пришли к следующим выводам. Во-первых, интеллектуал, активно включающийся в политическую борьбу, начинает быстро иссякать как ученый, как независимый исследователь и аналитик, подчас превращаясь в выразителя тех или иных политических идей. Во-вторых, карьерный рост, включенность интеллектуала в политическую систему приводят его, несмотря на популярность и известность, в группу, которую мы определяем, вслед за Чарльзом Райтом Миллсом, как «бессильные люди». Бессилие таких людей, как Дарендорф, при всей их популярности и политическом весе — в осознании невозможности перейти существующие границы, очерченные интересами западной политической элиты и власти. Такое «бессилие» обеспечивает интеллектуалу вполне комфортное состояние внутри существующей системы, и это становится для него составной частью его жизни⁷.

Такие выводы показались слишком жесткими некоторым рецензентам наших изысканий. В частности, нижегородские исследовательницы Л. В. Софронова и А. В. Хазина отмечают: «...трудно согласиться с их довольно суровой оценкой творческого пути известного германского интеллектуала Р. Дарендорфа. Хотя В. Л. Черноперов и С. М. Усманов очень подробно аргументируют свой взгляд на наследие Дарендорфа в качестве примера “бессилия интеллектуала”, заслуги германского ученого можно, на наш взгляд, оценить существенно выше — и по влиянию

на мировую политическую науку, и по тем проблемам, которые он в свое время поставил»⁸.

Это замечание, как нам представляется, не затрагивает сути наших прежних соображений, поскольку мы никак не отрицали ни значимости поставленных Дарендорфом научных проблем, ни его воздействия на мировую политическую науку. Его «бессилие» относилось к другой сфере — политике и общественной жизни. Но, как мы старались показать, такого рода «бессилие» стало сказываться со временем и на его творческой продуктивности.

В 2017 г. в Германии вышла обстоятельная биография Р. Дарендорфа, принадлежащая перу научного сотрудника Ольденбургского университета им. К. фон Осецкого Франциске Майфорт⁹. Настоящая книга — это диссертация, защищенная исследователем в Берлинском свободном университете. Ф. Майфорт, хорошо ориентирующаяся в историографии проблемы, получив доступ к материалам, преданным в 2010 г. Федеральному архиву в Кобленце семьей Дарендорфа¹⁰, смогла подготовить исследование, которое принесло ей широкое признание. В частности, престижную в Фонде Фридриха Науманна премию имени В. Э. Келлнера¹¹, которая вручается за труды по истории и идейным основам либерализма. Кроме того, книга Ф. Майфорт породила немалое число рецензий¹².

Многие ведущие германские издания вновь стали заинтересованно обсуждать наследие Р. Дарендорфа и его творческий путь, а также воздействие этого интеллектуала на политическую, общественную и научную жизнь Федеративной Республики Германии. Читая тексты Майфорт и рецензии на ее книгу-диссертацию, трудно отделаться от мысли, что германские коллеги ведут речь о каком-то другом человеке, нам практически неизвестном. Для примера процитируем рецензию известного германского историка и политолога Александра Галлуса: «Он [Дарендорф] был странником между мирами: будь то между Германией и Великобританией; между социологией с четкими профессиональными барьерами и нацеленным на публичную критику диагнозом своего времени; между наукой, политикой и управлением научными исследованиями; между сформированными под влиянием его отца Густава социал-демократическими позициями и либеральными убеждениями»¹³.

С мнением А. Галлуса перекликаются слова профессора Манфреда Гёртемакера. Этот специалист по истории XX века, также выделяя у рассматриваемого немецко-британского ученого и государственного деятеля «универсализм» и «трансграничность между наукой, политикой и публицистикой», писал: «Дарендорф... личность, которая на границе размышления и поступка всегда искала новые темы и вызовы и которая не боялась конфликтов и разломов в своей биографии»¹⁴. Сама Ф. Майфорт, опираясь на разноязычные варианты мемуаров Дарендорфа и следуя логике его рассуждений, также характеризует своего героя как «транснационального интеллектуала», который «сидит между стульями» и последовательно преодолевает границы политической, академической и общественной сфер¹⁵.

Напомним, что мы в наших работах, напротив, старались показать Дарендорфа как одного из тех «бессильных людей», которые, несмотря на свой мощный интеллектуальный потенциал, не способны перейти те невидимые границы, которые очерчивают им интересы западной политической элиты. Так что сам собой напрашивается вопрос: значит, нам нужно пересмотреть категоричность нашей оценки личности и трудов германского (или «транснационального») интеллектуала?

На наш взгляд, серьезных оснований для этого все-таки не обнаруживается. Действительно, мы не были ранее знакомы с некоторыми текстами Дарендорфа и весьма любопытными обстоятельствами его жизненного пути, но это не меняет самого главного. А именно того, какой духовный, нравственный и политический выбор сделал этот всемирно известный ученый где-то в середине своей жизни. И он об этом свидетельствовал сам.

В довольно странной и не совсем обычной для Дарендорфа по стилистике и тематике книге 2006 г. «Искушения несвободы» он прямо именуется прошедшее после Второй мировой войны шестидесятилетие «блистательным»¹⁶. Показательное признание, которое трудно себе представить в дискурсе многих других западных интеллектуалов. Мало того, Ральф Дарендорф оправдывал даже самые непривлекательные действия власть имущих в Европе и на Западе в целом.

В 2003 г. вопреки резким протестам многих европейских общественных деятелей и даже политиков Дарендорф поддержал

вторжение коалиционных сил во главе с США и Великобританией в Ирак. Очень выразительна та аргументация, которую в данном случае использовал маститый ученый: «Один из важнейших моментов, которые я подчеркнул в своей книге девяностых годов под названием “Размышления о революции в Европе” также применима к Ираку. Дорога, которая ведет от краха диктаторского режима, основанного на идеологии, в сторону более либерального порядка, проходит через долину слез. Поэтому, вероятно, ситуация будет еще хуже, прежде чем они (жители Ирака) смогут увидеть улучшение»¹⁷.

Оправдано ли такое суждение? Ведь сегодня только отгородившийся шорами от мира не может не признать, что вторжение западной коалиции в Ирак и смена режима привели не только к гибели тысяч и тысяч людей, но и способствовали рождению и укреплению такого уродливого явления, как террористическая организация «Исламское государство» (запрещена в России), и поставили под вопрос существование государств региона. Впрочем, Р. Дарендорф здесь до известной степени последователен, поскольку для него «либерализм и демократия соединились в формуле: демократия означает конфликт, а конфликт означает свободу»¹⁸. Стремление к свободе и демократии, как отмечал М. Гёртемакер, были у Дарендорфа «непоколебимы» и всегда «неразрывно связаны»¹⁹. А при такой позиции, по-видимому, уже не столь важно, сколько за эту свободу и демократию можно положить жизней. Ведь главный итог — выстраивание строя близкого и понятного западному либеральному мышлению.

Поэтому, на наш взгляд, вполне логично, что Р. Дарендорф к концу жизни все явственнее становился обычным «апологетом» так называемого Запада. Он решительно поддержал распад социалистической системы в Европе, новые нарождающиеся режимы и их лидеров, а также глобализацию, несмотря на нередко трагические для многих народов последствия этих процессов. Кроме того, выступил с одобрением весьма неблагоприятных действий НАТО и транснациональных корпораций. Обращаясь к российским читателям в декабре 2001 г. Дарендорф заявлял: «Многие важные вопросы решаются за пределами национальных государств. Кто принимал решения о военных действиях в Афганистане? США? Только отчасти. Решал блок НАТО, в котором

в определенной форме участвует и России (упоминание России здесь является явным преувеличением. — В. Ч., С. У.). Кто создает новые рабочие места в том или ином регионе? Транснациональные корпорации, в совет директоров которых входят представители разных стран. Политика вышла за национальные границы. Но проблема в том, что нельзя механически перенести имеющиеся национальные институты на общее, глобальное пространство»²⁰. Пожалуй, в данном случае Дарендорфа нельзя не признать поистине «транснациональным интеллектуалом».

Обсуждение

Итоги жизненного пути и интеллектуальных поисков Р. Дарендорфа представляются нам достаточно однозначными. С ним случилось нечто похожее на то, что американский социолог и общественный деятель Чарлз Райт Миллс еще в 1944 г. описывал так: «Все больше интеллектуалов работает внутри властной бюрократии и на тех немногих, кто принимает решения. Даже если интеллектуал не нанят этими структурами открыто, шаг за шагом, разными путями обманывая самого себя, он стремится сделать так, чтобы в печати его мнения соответствовали ограничениям, наложенным такими организациями и их сотрудниками»²¹.

Но, пожалуй, в случае с Дарендорфом все обстояло еще более драматично. Скорее всего, его духовная и интеллектуальная эволюция была обусловлена не только давлением существующей системы, как это случается чаще всего, но и собственными увлечениями нашего героя, т. е. *профессора* Дарендорфа.

Даже в упоминавшейся выше последней прижизненной книге «Искушения несвободы. Интеллектуалы во времена испытаний» германский мыслитель изрядно удивил экспертов и рецензентов. Он высказал здесь целый ряд соображений, которые шли вразрез с его прежними позициями. На это обстоятельство обратил внимание, в частности, исследователь из Геттингенского университета Даниэль Морат: если ранее для Дарендорфа теория в контексте интеллектуальной критики социальных проблем была важнее добродетели, то в своей последней книге он основывается

как раз на добродетелях, образцом выражения которых он делает Эразма Роттердамского²².

Действительно, в книге «Искушения несвободы. Интеллектуалы во времена испытаний» тематика и аргументация автора выглядят необычно для Дарендорфа. Прежде всего он стремится обеспечить своим размышлениям о предназначении публичного интеллектуала глубокий исторический контекст. В этой связи он представляет жизнь и творчество мыслителя, жившего на пять веков раньше, — Эразма Роттердамского — образцом для тех публичных интеллектуалов, кто имеет иммунитет против искушений своего времени, особенно искушений несвободы. Он цитирует следующую фразу Эразма: «Я люблю свободу и не хочу служить никакой партии»²³. Таким образом, Дарендорф представляет Эразма предтечей апологетов либерализма.

Переходя затем в век двадцатый, германский ученый пытается найти в нем настоящих эразмианцев, так сказать, выразителей духа либерализма. И обретает «блистательное трио» — Карла Поппера, Раймона Арона и Исаию Берлина, в наибольшей степени обладавших, по его впечатлению, добродетелями свободы, к тому же «сердечно» ему близких²⁴. Далее в веренице героев следуют Ханна Арендт и Норберто Боббио, которые, дескать, эразмианцы «с определенными ограничениями». Теодор Адорно показал лишь следы причастности к эразмианцам, полагал Дарендорф. Теодору Эшенбургу для полного вхождения в сообщество не хватило «либерального понимания противоречий жизни». Артур Костлер и Мане Шпербер стали, по мнению Дарендорфа, решительными и безоговорочными эразмианцами только после отхода от идеологии коммунизма. В его списке также два англичанина — Стефан Шпендер и Джордж Оруэлл. В общем, по Дарендорфу, только те могут считаться принадлежащими к эразмианцам, кто выдержали испытание временем²⁵.

Все эти рассуждения Р. Дарендорфа выглядят достаточно странно, удивляя довольно грубым нормативизмом и субъективизмом. Собственно, какие интеллектуальные и нравственные основания имел германо-британский профессор, чтобы так судить своих именитых современников? Видимо, данное обстоятельство вызвало смущение и у исследователей творчества немецкого ученого²⁶. Позже они очень неохотно упоминали

книгу «Искушение несвободы». Так, Франциска Майфорт в сокращенной англоязычной версии своей работы об этом интеллектуале ее вообще не упоминает²⁷. И только наша соотечественница, воронежская исследовательница А. В. Глухова дважды очень подробно и с явным восхищением представляет читателю данный труд Р. Дарендорфа²⁸.

На наш взгляд, согласиться с интерпретацией личности и наследия Эразма Роттердамского в книге «Искушения несвободы» никак нельзя. Как показывают основательные исследования жизни и трудов знаменитого голландского гуманиста шестнадцатого века, он отнюдь не являлся какой-то ходячей добродетелью. Он был живым человеком со своими пристрастиями и слабостями, что, конечно, совсем не делает его менее симпатичным в глазах настоящих эразмианцев (а не тех, кого «назначил» без их согласия сэр Ральф). Таких эразмианцев было немало и при жизни Эразма, и в последующие времена. Это были люди, не очень-то похожие на героев книги «Искушение несвободы». Достаточно только привести факт из переписки Эразма Роттердамского с его английским современником Джоном Колетом, где он упрекает своего английского друга в скупости за то, что так и не выплатил ему всей обещанной суммы²⁹. Что же, по-видимому, имел определенные основания Мартин Лютер, чтобы так отзываться о великом голландце: «Человеческое заботит его больше, нежели божественное»³⁰.

Очень произвольным выглядит и ранжирование Р. Дарендорфом интеллектуалов двадцатого столетия. Думается, книгу «Искушения несвободы» вообще не стоит рассматривать как научное исследование. В сущности, по своему жанру это калейдоскоп развернутых эссе, местами переходящих в памфлеты. Видимо, автору хотелось более прямолинейно и откровенно, нежели это позволяют обычные правила научной этики, выразить свои предпочтения, сокровенные надежды, а подчас и обиды.

Тогда многое в этой несколько необычной для Дарендорфа книге становится значительно более понятным. Ведь, несмотря на все громкие успехи и в науке, и в общественно-политической деятельности, его жизненный путь отнюдь не был столь уж однозначным. Были у Дарендорфа и конфликты, и размежевания, и разрывы. Характерно, что в нынешней Великобритании имя сэра

Ральфа, несмотря на все его прежние награды и регалии, упоминают не очень часто. С европейскими политиками полного взаимопонимания у него тоже не было, и с евробюрократами ему пришлось расстаться.

Здесь можно вспомнить историю с его критическими статьями о чиновничестве общеевропейских структур Брюсселя, опубликованными в германской прессе летом 1971 г., т. е. в период пребывания Дарендорфа в кресле еврокомиссара. Не решаясь выступить открыто, он публиковал материалы под псевдонимом «Wieland Eurora», а когда данный факт раскрылся и разразился скандал, заявил возмущенным коллегам и парламентариям, что он-де «не чиновник». Наконец, и в современной Германии не все и не всегда о Дарендорфе отзываются восторженно. Так, рецензент все той же биографии Дарендорфа в газете «Ди Вельт», как нам кажется, не без иронии пишет, что в свое время на кабриолете и с молодой женой профессор Дарендорф выглядел как «немецкий Кеннеди», но в конце концов этому «вундеркинду», настоящему счастливчику все же не повезло: он «играл со слишком большим количеством мячей» и «большинство этих мячей были слишком легкими для него». В результате сам Дарендорф вынужден был признать, что он не завершил многих дел, не сделал многого. Он видел, что его «любимый трансатлантический дух не пустил глубоких корней в Федеративной Республике»³¹. Эту мысль уже после смерти германо-британского интеллектуала на излете первого десятилетия XXI в. и на более широких пространствах продолжают развивать некоторые авторы, называющие себя дарендорфианцами. Например, профессор Оксфордского университета Ян Зелонка, который в выходе Великобритании из Европейского союза и укреплении популистских (национальных/националистических) сил в Польше, Австрии, Голландии и других странах видит антилиберальную контрреволюцию. И повинна в этом современная элита ЕС, которая предала идеи Дарендорфа и его единомышленников и, желая сохранить власть, дошла до присваивания некоторых частей из политических программ популистов — этих открытых противников либерализма³². Создавшееся положение, по мнению Я. Зелонки, требует переизбрания руководства ЕС и скорейшей разработки новой концепции развития Союза на незыблемых ценностях свободы,

демократии и открытости границ. Кстати, подобные заявления не только углубляют дискуссии в Евросоюзе о его будущем, но и вызывают у части так называемого аналитического сообщества к словам Я. Зелонки с трудом скрываемые настороженность и недоумение³³.

Заключение

Подводя итог, мы хотели бы во многом повторить и акцентировать наши прежние наблюдения, касающиеся интеллектуальной и политической биографии Ральфа Дарендорфа.

Не так просто ответить на вопрос о том, дала ли Дарендорфу политическая деятельность, особенно в рядах либералов в Германии и в Великобритании, нечто принципиально ценное как исследователю, как аналитику.

Все-таки настоящему ученому для точной, более или менее непредвзятой оценки событий и явлений нужна определенная от них дистанция. В том числе и в тех пределах, какие уже веками в Европе обеспечивала университетская автономия. Если же интеллектual находится внутри политической системы, тем более — в самом ее ядре, критическая острота его постигающего реальность разума обычно притупляется. Но даже если и в таких условиях критический разум интеллектуала останется состоятельным и действенным, тогда сам интеллектуал вполне может идти на своего рода самоограничение, прибегая к фигуре умолчания или корректируя свои анализы и выводы в духе обязательных для нынешней Европы принципов толерантности, политкорректности и мультикультурализма.

Между тем Р. Дарендорф после Второй мировой войны стал одним из наиболее заметных проводников именно этих ценностей в европейскую общественно-политическую жизнь. И следует признать, небезуспешно. В то же время, если сравнивать его научные труды 1950—1960-х гг. и многочисленные публикации начиная с 1970-х гг., невольно обращаешь внимание на тот факт, что за последние тридцать лет германский ученый свои работы все чаще посвящал конкретным вопросам политической жизни. В них все меньше становилось по-настоящему глубокой аналитики и все больше обоснований ценностей западной демократии,

особенно идей либерализма. Неслучайно его самое популярное произведение, если судить по количеству переводов на иностранные языки, — «Размышления о революции в Европе», 170-страничная книжка³⁴.

По крайней мере, нам трудно назвать здесь что-то схожее с его сугубо научными трудами 1950—1960-х гг. о взглядах Карла Маркса или о критике марксизма Максом Вебером, о классах и классовом конфликте в индустриальном обществе, о демократии в ФРГ или о проблемах свободы. Исключением стала, пожалуй, лишь книга «Социальный конфликт», увидевшая свет в 1992 г. и являвшаяся, по сути, продолжением и итогом его прежних научных изысканий.

Задумывался ли Дарендорф над проблемой разграничения призвания интеллектуала/ученого и политика, на что обращал внимание еще Макс Вебер? По-видимому, иногда задумывался. Во всяком случае, нам известны его слова о том, что для человека, занимающегося наукой, происходит удвоение (усложнение) мира. Причем эти два мира не пригодны для совмещения, за исключением смены опыта. В полной мере эти слова приложимы к ученому и политику.

Примечания

¹ См., напр.: *Биканин К. Т.* Теория господства, конфликта Р. Дарендорфа: [методическое пособие для изучающих курс политологии и социологии]. Самара, 1997; *Кольба А. И.* После 2009: современные тенденции управления социальными конфликтами в контексте теории Р. Дарендорфа // Политическая экспертиза. 2011. Т. 7, № 1; *Светлов В. А., Семенов В. А.* Конфликтология: учебное пособие. СПб., 2011. Разд. 1.5: «Диалектический метод» в конфликтологии Ральфа Дарендорфа. С. 61—75; *Семенов В. А.* История зарубежной конфликтологии: в 2 т.: учебник для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр., доп. М., 2018. Т. 2, гл. 5: «Диалектический метод» в конфликтологии Ральфа Дарендорфа. С. 48—61; *Степанова В. А.* Социальные конфликты по Ральфу Дарендорфу и способы их разрешения // Экономика и социум. 2014. № 2—4 (11); *Стоякина Е. Д.* Конфликтологические воззрения Р. Дарендорфа и М. Вебера // Там же. 2015. № 2—5 (15).

- ² *Миняжев П.* Памяти Ральфа Дарендорфа: «Не пытайтесь упрощать мир, в котором живете...» // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8, № 2.
- ³ Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: коллективная монография / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново, 2014. С. 20—22; Интеллигенты и интеллектуалы — такие разные... и похожие: проблема самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века: коллективная монография / отв. ред. В. С. Меметов, В. Л. Черноперов. Иваново, 2016. С. 30—36; *Chernoperov V., Usmanov S.* The powerlessness of intellectual: Ralf Dahrendorf's experience // *American Scientific Journal*. 2016. Vol. 7, № 7.
- ⁴ *Софронова Л. В., Хазина А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы — такие разные... и похожие // Диалог со временем. 2018. № 64. С. 349.
- ⁵ *Skinner Q.* Meaning and understanding in the history of ideas // *History and Theory*. 1969. Vol. 8, № 1.
- ⁶ Подробнее см.: *Усманов С. М.* Безысходные мечтания: русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX — начале XX века. Иваново, 1998. С. 35.
- ⁷ *Chernoperov V., Usmanov S.* Op. cit. P. 66.
- ⁸ *Софронова Л. В., Хазина А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы... С. 349.
- ⁹ *Meifort F.* Ralf Dahrendorf: Eine Biographie. München, 2017.
- ¹⁰ *Ibid.* S. 15.
- ¹¹ Franziska Meifort. URL: <https://uol.de/franziska-meifort> (дата обращения: 10.02.2020).
- ¹² См., напр.: *Gallus A.* Franziska Meifort: Ralf Dahrendorf. URL: www.sehepunkte.de/2018/09/30743.html (дата обращения: 12.01.2020); *Schmid T.* Come back! URL: https://www.welt.de/print/die_welt/literatur/article170129475/Come-back.html (дата обращения: 12.01.2020).
- ¹³ *Gallus A.* Op. cit.
- ¹⁴ *Görtemaker M.* Der Vielseitige: Grenzgänger zwischen Wissenschaft und Politik // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2018. 10. Juli. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/politische-buecher/franziska-meifort-ralf-dahrendorf-15682660.html> (дата обращения: 12.01.2020).
- ¹⁵ *Meifort F.* Ralf Dahrendorf: Eine Biographie. S. 21, 22; *Eadem.* The border crosser: Ralf Dahrendorf as a public intellectual between theory and practice // *Societa Mutamento Politica*. 2019. Vol. 10, № 19. P. 67.
- ¹⁶ *Dahrendorf R.* Versuchungen der Unfreiheit: die Intellektuellen in Zeiten der Prüfung. Bonn, 2006. S. 20.

- ¹⁷ *Dahrendorf R.* Lo stretto passaggio alla democrazia // *La Repubblica*. 2003. 17 aprile.
- ¹⁸ *Meifort F.* Ralf Dahrendorf: Eine Biographie. S. 12.
- ¹⁹ *Görtemaker M.* Op. cit.
- ²⁰ Ральф Дарендорф: «Любой министр имеет личные интересы» // *Известия*. 2001. 17 декабря.
- ²¹ *Миллс Ч. П.* Бессильные люди: роль интеллектуалов в обществе // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2014. № 2 (94). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2014/2/bessilnye-lyudi.html> (дата обращения: 20.01.2020).
- ²² *Morat D.* Rezension zu: Dahrendorf, Ralf: *Versuchungen der Unfreiheit. Die Intellektuellen in Zeiten der Prüfung*. München, 2006. URL: www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-8500 (дата обращения: 20.01.2020).
- ²³ *Dahrendorf R.* *Verchungen der Unfreiheit*. S. 85.
- ²⁴ *Ibid.* S. 40.
- ²⁵ *Ibid.* S. 92—93.
- ²⁶ *Augstein F.* Auch eine Versuchung Ralf Dahrendorf hat einen liberalen Club gegründet, er heißt «Societas Erasimiana», und nicht jeder darf Mitglied werden // *Süddeutsche Zeitung*. 2006. 14. März. URL: https://www.buecher.de/shop/freiheit/versuchungen-der-unfreiheit/dahrendorf-ralf/products_products/detail/prod_id/20749013/#reviews (дата обращения: 21.01.2020); *Kaube J.* Club der Unversuchbaren: Ralf Dahrendorfs vorsoziologisches Plädoyer für die Freiheit // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2006. 6. März. URL: https://www.buecher.de/shop/freiheit/versuchungen-der-unfreiheit/dahrendorf-ralf/products_products/detail/prod_id/20749013/#reviews (дата обращения: 21.01.2020).
- ²⁷ *Meifort F.* The border crosser: Ralf Dahrendorf as a public intellectual between theory and practice. P. 67—76.
- ²⁸ *Глухова А. В.* Искушения несвободы: (интеллектуалы во времена испытаний) // *Вестник Воронежского государственного университета*. Сер.: Философия. 2009. № 1, 2; *Ее же.* А. В. Заповедь эразмийца, или Что значит быть интеллектуалом во времена испытаний. Ч. 1 // *Политическая экспертиза*. 2011. Т. 7, № 4; *Ее же.* Заповедь эразмийца, или Что значит быть интеллектуалом во времена испытаний. Ч. 2 // *Политическая экспертиза*. 2012. Т. 8, № 1.
- ²⁹ *Софронова Л. В., Хазина А. В.* Ренессансный ученый в интеллектуальных и социальных практиках: (по переписке Джона Колета и Эразма 1512—1513 гг.) // *Интеллигенция и мир*. 2014. № 3. С. 107.
- ³⁰ Цит. по: *Гагарин А. С.* Одиночество как экзистенциал человеческого бытия в воззрениях Эразма Роттердамского и «отцов» Реформации //

Вестник Омского государственного педагогического университета.
Гуманитарные исследования. 2018. № 1 (18). С. 17.

³¹ *Schmid T.* Op. cit.

³² См.: *Nowicki M.* Brexit się nie uda do zapłacenia będą gigantyczne rachunki // MSN Wiadomości. 2018. 16 stycznia. URL: <https://www.msn.com/pl-pl/wiadomosci/swiat/„brexit-się-nie-uda-do-zapłacenia-będą-gigantyczne-rachunki”/ar-AAuKIImv?li=BBr5MK7&ocid=iehp> (дата обращения: 21.01.2020); *Rosner A.* Lepiej zapytać, dlaczego ten elektorat porzucił PO dla PiS // Wyborcza magazyn. 2018. 5 maja. URL: <https://wyborcza.pl/magazyn/7,124059,23356122,prof-jan-zielonka-prosze-ostroznie-z-ich-elektorat-lepiej.html> (дата обращения: 21.01.2020).

³³ См., напр.: *Buchsteiner J.* Die Zukunft Europas: Vom Versagen der Eliten // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2018. 16. April. URL: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/ist-die-eu-am-ende-vom-versagen-der-liberalen-eliten-15543248.html> (дата обращения: 21.01.2020).

³⁴ *Chernoperov V., Usmanov S.* Op. cit. P. 66.

Д. И. Муренко

ОСОБЕННОСТИ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОВЕТА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ НОВОСИБИРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА В 1960-х гг.

Введение

Современное российское общество, переживающее длительный период цивилизационной трансформации своих основ, с неизбежностью обращается к необходимости не только социальной, но и научной рефлексии относительно преемственности поколений и разрывов с советской эпохой для переосмысления того ценного в ее наследии, что обеспечивает возможности сегодняшнего развития страны и общества. С данных позиций примечательна судьба советов молодых ученых (СМУ), которые появились в 1960-х гг. и, как рудимент советского прошлого, прекратили свою деятельность после 1991 г. Однако они были восстановлены спустя восемь лет. Сейчас во всех институтах Сибирского отделения Российской академии наук работают на общественных началах советы научной молодежи, объединяющие сотрудников в возрасте до 35 лет. Актуальность исследования истории СМУ напрямую связана с тем, что в последнее время все чаще обсуждаются возможности молодых ученых влиять на проводимую в стране научную политику, а также необходимость популяризации науки на разных уровнях¹. К тому же изучение истории институциональной поддержки молодых ученых важно для предотвращения утечки умов за рубеж, вследствие чего перед государством в глобальном масштабе встает задача активного формирования мотивации и создания благоприятных условий для привлечения молодых людей в научную инновационную деятельность².

© Муренко Д. И., 2020

Муренко Денис Игоревич — аспирант, Институт истории СО РАН, г. Новосибирск, denismurenko@yandex.ru (Post-graduate student, Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk).

Историками деятельность советов молодых ученых как важного новационного компонента советской научной политики практически не изучалась. Какие-либо серьезные научные исследования по данной теме отсутствуют. Отметим лишь недавно вышедшую статью А. Н. Сорокина, в которой анализируются значение и роль ВЛКСМ в консолидации и координации научных исследований в рамках деятельности СМУ в г. Томске³. Также необходимо отметить статью В. П. Николашина и А. Б. Рожнова, предпринявших попытку выявить основные причины создания советов молодых ученых и специалистов и обозначить их роль в общественно-политической и научно-исследовательской деятельности научного сообщества⁴. По мнению авторов, история создания СМУ уходит корнями в середину XX в., а начало 1960-х гг. характеризовалось их распространением в академических институтах, в том числе СО АН СССР. При этом авторы статьи упустили важный факт — СМУ были организованы впервые в Новосибирском научном центре и своим становлением напрямую связаны с историей создания СО АН СССР.

Отдельные неточности характерны не только для научных публикаций, но и для интернет-ресурсов. Так, на официальном сайте Совета научной молодежи СО РАН содержится информация о том, что первым председателем Совета молодых ученых СО АН СССР был Ю. И. Журавлев, тогда еще молодой кандидат физико-математических наук из Института математики СО АН СССР, а в будущем выдающийся советский и российский ученый-математик, академик РАН⁵. Не подвергая сомнению значительный вклад Ю. И. Журавлева в становление не только СМУ, но и олимпиадного движения, все-таки отметим, что первым председателем, согласно архивным документам, был сотрудник Института автоматики и электроники Л. А. Тимонен⁶.

Цель исследования — на основе комплекса документальных и нарративных источников (воспоминания участников движения) осуществить историческую реконструкцию основных факторов, обусловивших создание и развитие СМУ в Новосибирском научном центре. Задачи данной работы заключаются в том, чтобы рассмотреть структурно-функциональную динамику СМУ, определить возможности и степень их влияния как на процессы

профессиональной социализации молодых ученых, так и на другие формы их общественной активности.

Трудности в изучении истории советов молодых ученых объясняются крайне узкой источниковой базой. Как правило, на начальном этапе своего становления заседания СМУ не протоколировались. Весьма затрудняет поиск тот факт, что фонды научного архива Сибирского отделения, вследствие ряда непродуманных решений в рамках реформирования РАН, ныне недоступны для исследователей. Между тем стенограммы заседаний Президиума СО АН, принимавшиеся решения и материалы к ним могли бы пролить свет на многие детали деятельности СМУ и первых конференций молодых ученых. Ввиду обозначенных факторов основными источниками по данной теме выступили материалы фондов комсомольских организаций Советского района Новосибирска, периодическая печать тех лет, опубликованные воспоминания, а также интервью с бывшими молодыми учеными 1960-х гг.

Методология исследования представлена историко-сравнительным и историко-хронологическим методами с учетом принципов историзма и объективности.

Становление и развитие советов молодых ученых Новосибирского научного центра

Генезис такой формы объединения научной молодежи, как совет молодых ученых, объясняется несколькими факторами: во-первых, естественным стремлением молодежи профессионально социализироваться, выделиться, заявить о себе; во-вторых, спецификой развития Новосибирского научного центра (ННЦ), который сконцентрировал в себе значительные силы молодежи.

Как известно, 18 мая 1957 г. Совет министров СССР принял постановление об организации Сибирского отделения Академии наук. В реализации этой задачи значительная ставка делалась на активность и самоотверженность молодежи, поэтому в 1959 г. строительство Академгородка было объявлено Всесоюзной комсомольской стройкой.

Из-за большого наплыва молодежи комсомольская организация научного центра быстро росла. Современники отмечали, что «люди буквально сотнями приходили»⁷. Так, к 1 октября

1958 г. в новые институты ННЦ было принято 924 человека, в том числе 422 научных сотрудника. Темпы прироста численности кадров были самыми высокими в 1959 г. и составляли 91 % по отношению к 1958 г.⁸ С момента организации Сибирского отделения и до середины 1961 г. численность научных сотрудников увеличилась в 6,5 раза⁹.

Прирост кадров осуществлялся в основном за счет притока «молодой крови». К 1962 г. средний возраст научных сотрудников ННЦ был 32—33 года¹⁰. Значительную прослойку составляла молодежь комсомольского возраста — 28 % от общего числа научных сотрудников¹¹. Вспоминая общие собрания в конференц-зале СО АН, один из первых председателей Совета — Л. А. Бокуть, сегодня доктор физико-математических наук, профессор, отмечал, что «там сидело несколько сотен молодых людей»: «Первый набор сотрудников на 95 % состоял из молодых ученых, поэтому даже 30-летние считались уже старыми, а те, кому было 50—60, это уже были академики»¹².

Молодые ученые, приехавшие из столичных вузов, отличались большими амбициями. У каждого было много энергии и желания внести свой творческий вклад в разные области знаний. Так, Ю. В. Немировский, выпускник МГУ, доктор физико-математических наук, в прошлом один из первых сотрудников Института гидродинамики, вспоминал: «Мы сюда ехали, понимая, что за пределами Москвы кругом развал. Мы ехали поднимать окраину, причем прежде всего в культурном плане. Я, когда приехал, был потрясен, что в Новосибирске на сто человек только двое имели высшее образование»¹³.

Личные амбиции каждого приехавшего молодого ученого совпадали с общими целями создания Сибирского отделения — нести науку и знание на периферию страны. Для реализации этой задачи в основу формирования СО АН был заложен принцип интеграции науки и образования, широкого использования в обучении кадрового потенциала и материальной базы академических институтов, многоуровневой системы отбора, подготовки и воспроизводства кадров высшей квалификации, а также целенаправленной поддержки молодежи¹⁴.

Таким образом, на начальном этапе существования Новосибирского научного центра сложилась уникальная ситуация,

когда практически любая молодежная инициатива встречала самое положительное одобрение со стороны руководства Сибирского отделения. Одной из таких инициатив стала первая конференция молодых ученых, которая прошла в апреле 1960 г. в здании театра «Красный факел» под руководством член-корреспондента, впоследствии академика Г. И. Будкера. Председателем оргкомитета конференции был знаменитый математик академик С. Л. Соболев. На семи секциях было прочитано около 196 докладов, в обсуждении которых приняли участие около двух тысяч человек. На заседаниях секций присутствовало более 500 представителей из различных промышленных предприятий города¹⁵. Мысль о своеобразных молодежных конференциях, по одной версии, впервые родилась в 1959 г. у научных сотрудников Института геологии и геофизики¹⁶. Согласно воспоминаниям М. С. Качана, одного из организаторов профсоюзного движения в Академгородке, это комитет комсомола СО АН СССР первый выступил с инициативой провести такую конференцию, а председатель Сибирского отделения М. А. Лаврентьев ее поддержал¹⁷.

Вторая конференция молодых ученых, состоявшаяся в апреле 1961 г., была уже «грандиознее» по количеству секций, докладов, участников и по качеству исследований. Всего работали 10 секций, где было прочитано 386 докладов. Как вспоминали участники, программа конференции с трудом уместилась на страницах пригласительного билета, а тезисы докладов, выпущенные издательством СО АН СССР, составили том из 19 печатных листов¹⁸. Однако по другим данным, озвученным бывшим членом бюро комитета комсомола СО АН Э. Д. Бергманом, сборник докладов долго не хотели печатать в типографии СО АН, не помогло даже обращение к академику С. А. Христиановичу, который посчитал, что молодежная конференция — это зона ответственности С. Л. Соболева. Комсомольцам пришлось лично прийти на прием к первому секретарю обкома партии Ф. С. Горячеву, который тут же вызвал директора первой типографии на Красном проспекте и распорядился, чтобы «завтра все было готово»¹⁹.

Первые конференции проходили с большим энтузиазмом, и в течение нескольких лет они являлись одним из движущих стимулов профессионального роста для научной молодежи. Участники получали специальные дипломы в твердой обложке, которые

скорее походили на диплом о высшем образовании. Для некоторых молодых ученых это была хорошая возможность сделать самостоятельную статью и «опубликоваться без своего начальника в неременном соавторстве»²⁰.

Согласно воспоминаниям бывших участников, молодежные конференции отличались атмосферой определенной свободы, позволявшей поднимать различные темы, которые в последующем, начиная уже с третьей конференции, особенно если они касались секретных разработок, стали фиксироваться спецчастью. По словам Э. Д. Бергмана, помимо открытых молодежных конференций, существовали еще и закрытые конференции, которые заканчивались выпуском нумерованных сборников, распространявшихся среди ограниченного круга ученых, имевших доступ к данной тематике. Засекречиванию подлежали не только сборники конференций, но и тетрадки, в которых участники могли вести записи во время обсуждения докладов. Тетрадь запрещалось выносить из зала конференции, а работать с ней можно было только по линии спецчасти²¹.

После проведения второй молодежной конференции для многих стало очевидно, что взаимодействие между учеными различных направлений следует развивать и в период между конференциями. К тому же на этапе формирования научного центра было важно создать горизонтальные связи и обмен информацией между институтами. Так родилась идея организовать Совет молодых ученых, который должен был стать неким подобием постоянно действующего оргкомитета конференции.

Этим его функции, конечно, не ограничивались, поскольку в начале 1960-х гг. перед СО АН вплотную встала задача формирования собственной системы подготовки научных кадров. В условиях быстрорастущего научного центра эффективной система могла быть только при условии комплексности, охвата всех уровней и ступеней подготовки исследователей: от довузовского образования до кадров высшей квалификации²². Советы молодых ученых органично вписывались в эту систему, поскольку научная молодежь в составе СМУ одновременно выступала и как объект профессиональной социализации, так и как субъект, который мог действовать на всем этапе подготовки кадров, особенно если это касалось уровня школы или университета.

Совет молодых ученых был создан решением бюро комитета комсомола СО АН СССР 8 сентября 1961 г. Его первым председателем стал, как это отмечено выше, Л. С. Тимонен. Основными целями Совета являлись: объединение творческих усилий молодых ученых различных специальностей, особенно в области поисковых работ и новых научных направлений, ускорение научно-технического прогресса путем мобилизации усилий молодых ученых на внедрение результатов научных работ в народное хозяйство, содействие росту молодых специалистов. Также Совет должен был проводить обмен опытом своей работы с другими молодежными организациями СССР и зарубежных стран²³.

Совет молодых ученых являлся общественной молодежной организацией при комитете ВЛКСМ СО АН СССР. Основной единицей Совета были творческие группы, которые входили в состав пяти секторов: общественно-экономического, физико-математического и технического, химического и геологического, биологического, а также сектора научной пропаганды. Для выполнения своих задач Совет подразделялся на научно-исследовательский отдел, отдел связи с производством, отдел молодых специалистов и аспирантов.

Общее руководство Советом осуществлял председатель, который проводил свою работу по плану, утвержденному Президиумом и комитетом ВЛКСМ СО АН. Совет молодых ученых состоял из трех десятков членов, рекомендованных комсомолом научных организаций и имевших срок полномочий — один год. Предполагалось, что заседания Совета должны проходить не реже одного раза в два месяца²⁴.

Идея создания Совета молодых ученых зародилась среди руководителей комитета ВЛКСМ СО АН, поскольку, как отмечали современники, в те годы комсомольскую организацию возглавлял очень инициативный первый секретарь сотрудник Института органической химии Б. И. Мокроусов, который на общих собраниях часто любил себя называть одним из руководителей Сибирского отделения²⁵. По словам Э. Д. Бергмана, Б. И. Мокроусов был самый настоящий фанатик с «квадратными глазами» и он искренне верил, что может что-то изменить в комсомоле²⁶.

По мысли Б. Мокроусова, СМУ должны были помочь в осуществлении открытий на стыках наук. В одной из газетных

заметок он писал: «Наука сегодняшнего дня — это поприще для коллективов ученых, ученый-одиночка становится архаизмом. Одним из способов интенсификации деятельности научной молодежи служит общение, особенно с видными исследователями. Не менее важно общение молодежи между собой, что стимулирует ее самостоятельный поиск и оригинальные творческие решения»²⁷.

Таким образом, Совет должен был помочь молодежи найти свое место в науке. С этой целью им были организованы тематические циклы лекций «Биология для математиков» и «Математика для биологов». «Никаких барьеров не было, — вспоминал один из бывших членов Совета член-корреспондент РАН В. В. Пухначев. — Считалось нормой послушать математика или химика. Например, был такой химик В. М. Муравьев, который придумал установку, где можно было бы изучать реакции второго порядка, но у него отсутствовала математическая база под его идеи. Я ему объяснил, что можно сделать, и мы вместе поработали. Этой работой я наиболее горжусь, те знания, которые я получил как специалист по прикладной математике, оказались очень кстати»²⁸.

На междисциплинарных семинарах выступали с докладами не только начинающие исследователи, но и известные ученые старшего поколения. Как отмечали свидетели этих семинаров, «слушателей набивалось полным-полно, из них добрая половина — студенты университета, были и совсем юные — фымыштата»²⁹. Понимая, что пополнением науки является молодежь, комитет комсомола и Совет молодых ученых выступили организатором работы со школьниками и студентами. Среди школьников и учителей была развернута пропаганда достижений науки и техники, организована сеть научных и технических кружков. В Новосибирске при поддержке комсомола СО АН создавались лектории для школьников и учителей по физике, биологии, современным достижениям науки.

Первые же удачные межинститутские семинары натолкнули на мысль, что необходимо проводить такие встречи в более свободном формате и на собственной площадке. Предполагалось, что базой для этих встреч будет служить молодежное кафе. Для организации дискуссионного заведения даже был специально создан «совет кафе», который возглавил член Совета молодых ученых А. И. Бурштейн. Поначалу «совет кафе» занимался разработкой технического и художественного оформления кафе³⁰.

В последующем эта инициатива родила всем известный клуб-кафе «Под интегралом».

Практически с самого своего зарождения в Академгородке опыт СМУ стал тиражироваться на другие регионы. Первым таким регионом явился Новосибирск, поскольку еще на одной из первых конференций ВЛКСМ СО АН прозвучало несколько деловых выступлений представителей городских организаций, предложивших для решения производственных вопросов привлекать интеллект молодежи академических институтов. Руководство комитета комсомола СО АН решило, что эти связи с производственными организациями необходимо развивать, и выступило с идеей создания городского совета научной молодежи³¹. Через городской совет комсомольцы-ученые стали налаживать связь с производственными предприятиями города для оказания им помощи. Через несколько лет это вылилось в более совершенную форму организации — научно-производственное объединение «Факел»³².

После выхода на городской уровень советы молодых ученых совершили «триумфальное шествие» по всем научным центрам СССР. Делегации комсомольцев из пяти-шести человек во главе с заместителем секретаря парткома СО АН СССР И. А. Молетотовым ездили по стране и делились своим опытом работы. Постепенно начинание комсомольцев Академгородка переросло во всесоюзное движение, и в 1967 г. при ЦК ВЛКСМ был создан Всесоюзный совет молодых ученых, председателем которого стал переехавший работать в Москву Ю. И. Журавлев.

Учитывая очень высокий процент научной молодежи, руководство комсомола ННЦ обратило внимание руководства Академии на целесообразность иметь в ученых советах представителей молодых ученых. Это вошло в практику почти во всех ученых советах АН СССР. На четвертой комсомольской конференции комитета ВЛКСМ СО АН в ноябре 1963 г. Б. И. Мокроусовым даже поднимался вопрос о том, чтобы существенно расширить права Совета молодых ученых, предоставив ему возможность проверять деятельность молодых сотрудников и давать рекомендации дирекциям институтов и Президиуму СО АН, и при этом избавить Совет от работы со школьниками, возложив ее полностью на комитет комсомола³³.

Однако не все молодые ученые отнеслись с энтузиазмом к идеи создания очередного контролирующего органа, что воспринималось как продолжение комсомольской «нагрузки», от которой многие старались избавиться. Спустя год после создания СМУ, несмотря на то, что они провели третью конференцию молодых ученых в апреле 1962 г., семинары молодых ученых на стыке наук, симпозиум, посвященный открытию научного центра, далеко не все комсомольцы понимали место и роль этой организации в научном процессе. В ноябре 1962 г. на очередной комсомольской конференции комитета ВЛКСМ СО АН доклад Б. И. Мокроусова об успехах деятельности советов у одной части слушателей вызвал лишь иронию и улыбки, поскольку у молодежи СМУ ассоциировались со строительно-монтажным управлением, у другой — вопрос: «На что нам этот СМУ, если есть заведующий лабораторией?»³⁴

Даже среди комсомольского руководства сохранялась некоторая неясность в понимании целей существования советов и их конкретной деятельности. Это объяснялось тем, что СМУ являлись экспериментальной, несколько необычной для комсомола формой общественной работы. В Москве даже предполагался созыв Всесоюзного совещания молодых научных сотрудников, на котором должны были обсуждаться вопросы организации советов молодых ученых³⁵.

Действительно, в работе Совета молодых ученых ННЦ были определенные трудности. Существовала опасность механического включения лабораторий, отделов или групп, связанных с конкретными методами исследования, в институты совершенно иного профиля. Далеко не все научные учреждения охотно относились к приему заказов из других институтов или к совместному использованию приборов. Поэтому, по мысли Мокроусова, нужно было искать более подвижные формы организации исследований. Таким примером в какой-то мере была попытка формирования поисковых групп. В свое время были созданы: группа по разработке теоретического аппарата исследований неравновесных явлений в природе, социологическая группа, группа по исследованию структуры научной теории и группа по биоэнергетике.

Несмотря на некоторые успешные начинания первых лет, к середине 1960-х гг. работа Совета молодых ученых, как тогда

писали современники, «заглохла», поскольку правление не переизбиралось, а комитет ВЛКСМ СО АН «непростительно забыл о существовании Совета»³⁶. Секретарь обкома ВЛКСМ А. Б. Слуцкий отмечал: «Совет не пополняется новыми членами, которые вносили бы свежую струю, развивали его деятельность. Совет с самого начала не оказывал достаточной помощи насущным практическим делам, не развернул широкую научную пропаганду. О работе Совета было много разговоров и мало практических дел»³⁷. Подобная критика явно противоречит тем данным о деятельности СМУ, которые были изложены выше. По мнению Л. А. Бокутя, до обкома ВЛКСМ доходила не вся информация, и зачастую СМУ не приписывали себе многие общественно важные дела, поскольку они делались теми же людьми, но по линии ВЛКСМ³⁸.

Однако определенный спад активности СМУ действительно произошел. Это было вызвано рядом причин.

Во-первых, к середине 1960-х полностью исчерпали себя конференции молодых ученых в том формате, в котором они приводились ранее. Еще в 1962 г. предпринимались попытки изменить практику проведения конференций, поскольку количество докладов ежегодно росло, их отбор велся неудовлетворительно. Так, если на второй конференции было заслушано 386 докладов, то на третьей уже 586³⁹. Новое положение о конференции предписывало в одной подсекции рассматривать не более 10 докладов, повысить роль оппонентов, а также проводить конференцию раз в два года. В апреле 1964 г. состоялась последняя, четвертая конференция молодых ученых Академгородка, поскольку в декабре этого же года Президиум СО АН признал «нецелесообразным на современном уровне развития научного центра проведение такой конференции в масштабах всего отделения»⁴⁰. Перед комсомолом ставилась задача проводить подобные конференции непосредственно в институтах, особенно в недавно организованных, и приглашать на них сотрудников отраслевых НИИ и инженерно-технических работников предприятий⁴¹. Вообще сама идея молодежных конференций стала очень популярна в те годы, и немалую роль в их популяризации сыграли СМУ. Параллельно с этим формировалась идея проведения студенческих конференций. В 1963 г. в Новосибирском государственном

университете (НГУ) прошла первая, ставшая затем ежегодной конференция «Студент и научно-технический прогресс».

Во-вторых, в начале 1960-х гг. основное внимание комитета комсомола было переключено на организацию физико-математических олимпиад и физико-математической школы при НГУ. Организационно олимпиады осуществлял оргкомитет при Совете молодых ученых СО АН СССР, опираясь на молодых ученых и студентов НГУ. Во все районы Сибири рассылались письма с задачами по математике и физике. Отбором наиболее интересных ответов школьников занимались молодые ученые. Затем бюро комитета ВЛКСМ стало формировать бригады из сотрудников институтов, которые ездили в разные регионы Сибири для проведения школьных олимпиад по физике и математике. Наиболее талантливых ребят приглашали в Академгородок для участия в летних олимпиадах. Создатели этого движения планировали передать дальнейшую практическую работу по олимпиадам студентам НГУ, поступившим туда через систему олимпиад и физико-математическую школу. Однако реализовать это в последующие годы не получилось, что привело к довольно сильной деградации олимпиадного движения⁴².

В-третьих, со временем научно-производственная работа стала перетекать в комиссии по руководству первичными организациями ВЛКСМ и контролю над ними. В задачу этих комиссий входила организация научно-производственной работы в институтах, содействие администрации в налаживании трудовой дисциплины и правильной организации труда молодежи, установление шефства над работами, передаваемыми на внедрение, и налаживание связей с комитетами комсомола организаций, куда направлялись работы. По сути, в компетенции этих комиссий и оказались вопросы научного роста молодежи, учебы сотрудников институтов. Они также занимались налаживанием обмена информацией между институтами, относящейся к планам проведения научных семинаров, симпозиумов, коллоквиумов, конференций, развиваемых в институтах современных методов научных исследований, наличия оборудования и установления возможностей его использования другими научными коллективами⁴³.

В феврале 1965 г. состоялся второй пленум комитета ВЛКСМ СО АН, который должен был решить вопрос о путях

дальнейшего развития Совета молодых ученых. Перед комитетом стояла задача найти конкретные вопросы, которыми должен был заниматься Совет. По мнению комиссии горкома ВЛКСМ, «этого сделано не было, доклад был подготовлен плохо, в результате пленум оказался на грани срыва»⁴⁴. Подтверждением сказанного служит тот факт, что стенограмма пленума занимает всего две страницы, а вместо доклада первого секретаря представлены лишь тезисы. По отрывочным данным можно судить, что на пленуме звучали речи о свертывании работы научной молодежной организации⁴⁵. Тем не менее было принято решение о восстановлении работы Совета на новой основе, хотя, по существу, речь шла о возобновлении прежних форм работы. При этом был избран новый председатель Совета — Л. А. Бокуть и образовано новое правление из девяти человек, в числе которых оказался один из будущих основателей НПО «Факел» И. И. Коршевер.

Весной 1965 г. в советах молодых ученых намечилось некоторое оживление. Для успешного обмена информацией о развитии науки в смежных областях были воссозданы обзорные лекции для молодых специалистов. Совместно с горкомом ВЛКСМ Они начали подготовку к проведению общегородской конференции молодых ученых, которая должна была состояться в январе 1966 г. Также СМУ пытались установить связи со студенческими научными обществами: молодые ученые становились кураторами перспективных проектов, разрабатываемых студентами⁴⁶.

Однако во второй половине 1960-х ничего значительного, кроме ставших популярными по всей стране конференций молодых ученых, изобретено не было. Лавров эти конференции комсомолу не принесли, ибо стали конференциями второго сорта, так как серьезные работы шли на более значимые, «взрослые» конференции. В дальнейшем, по мере становления институтов и университета, олимпиадное движение все более деградировало, общественные инициативы сужались, а советы молодых ученых как параллель ученых советов институтов постепенно отходили на второй план. К тому же не произошло главного в эволюции СМУ: они так и не смогли по-настоящему стать для научной молодежи опорой и инструментом в решении проблем этоса науки, охарактеризованных Р. Мертоном как принцип «социологической амбивалентности», при котором реальные взаимоотношения

между людьми науки существенно отличаются от предполагаемых по нормам⁴⁷. СМУ никак не могли влиять на те ситуации, когда молодым ученым приходилось сталкиваться с пренебрежительным отношением к себе, когда по причине молодости их не допускали к серьезной творческой работе, когда поощрялись только те исследования, которые не затрагивали основ науки, а лишь способствовали разрешению частных проблем, когда считалось, что молодой специалист может быть только помощником, но никак не самостоятельным исполнителем⁴⁸.

Выводы

Отметим, что оценка деятельности советов молодых ученых — весьма непростая задача. Сказывается узость источниковой базы и отсутствие статистических данных, по которым можно было бы сделать качественный и количественный анализ их работы. Единственно возможной формой оценки деятельности СМУ является сопоставление изначальных целей создания этой организации и фактических результатов.

Советы действительно смогли сблизить молодых ученых, работавших в различных областях науки, возможно, за этим не всегда следовали значительные научные открытия, но это создавало горизонтальные связи между разными научными школами. СМУ являлись действующей площадкой для обретения новых знакомств и контактов, которые в дальнейшем помогали в решении многих научных и социальных проблем. Развитие этого направления даже привело в последующем к созданию клуба-кафе «Под интегралом». Советы, используя свои методы междисциплинарного взаимодействия, формировали у молодых ученых универсальные идеалы и нормы, которые, по М. Полани, можно характеризовать как «неявное знание», проявляющееся в практической деятельности, передающееся путем личных контактов и существующее в виде навыков, умений⁴⁹.

Опыт СМУ в организации конференций молодых ученых оказался востребован спустя десятилетия. В трудные для Сибирского отделения 1990-е гг. бывшие, уже «сильно повзрослевшие» члены Совета молодых ученых из Института математики возродили общегородские молодежные конференции в том формате,

в каком они проходили в начале 1960-х. Всего с 1994 по 2000 г. было проведено четыре Сибирских конгресса по прикладной и индустриальной математике.

Сложно оценить точно, какую роль в профессиональном становлении сыграли советы молодых ученых для основной массы их членов, однако показательным является тот факт, что многие из тех, кто активно участвовали в деятельности СМУ, сделали весьма успешную научную карьеру, стали академиками, докторами наук, руководителями научных институтов и отдельных научных подразделений. Даже Б. И. Мокроусов, благодаря шефству комсомола над СМУ, продвинулся по служебной лестнице — перешел на работу в Новосибирский обком ВЛКСМ и вскоре переехал в Москву.

Тем не менее главная задача СМУ — содействие внедрению результатов научных работ в народное хозяйство — на практике оказалась не реализована по причине отсутствия для этого реальных инструментов и механизмов. Дело в том, что эта задача изначально была слишком масштабна для подобного молодежного объединения. Однако многие идеи и наработки легли потом в основу работы НПО «Факел».

Таким образом, на начальном этапе своего существования советы молодых ученых являлись и инструментом профессиональной социализации, и своеобразной матрицей по воспитанию кадров и воспроизводству идей, которые в дальнейшем смогли не только «прорасти» в научно-образовательной сфере, но и дать импульс для развития экономической и общественно-политической активности молодежи.

Примечания

¹ Наука в Сибири. 2019. № 12.

² Семенова Е. Б. «Утечка умов» как процесс социальной мобильности // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Общественные науки. 2016. Т. 2, вып. 3.

³ Сорокин А. Н. ВЛКСМ как драйвер и механизм развития молодежной науки в СССР: опыт Томского областного совета молодых ученых и специалистов в 1970—1980-е гг. // Российская молодежь: от комсомола к современным формам политической организации: материалы

- межрегиональной научно-практической конференции (Новосибирск, 30—31 октября 2018 г.). Новосибирск, 2018.
- ⁴ *Николашин В. П., Рожнов А. Б.* Советы молодых ученых и специалистов: история и особенности развития // Ученые записки Тамбовского отделения РОСМУ. 2017. Т. 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovety-molodyh-uchenyh-i-spetsialistov-istoriya-i-osobennosti-razvitiya> (дата обращения: 01.02.2020).
 - ⁵ История создания, воссоздания и деятельности Совета научной молодежи СО РАН. URL: <http://sibsnm.ru/history.html> (дата обращения: 01.02.2020).
 - ⁶ Государственный архив Новосибирской области. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 85. Л. 53. Далее: ГАНО.
 - ⁷ Из интервью с С. М. Николаевым, полученного в Новосибирске 19.11.2008 г. Хранится в личном архиве Д. И. Муренко.
 - ⁸ *Куперитох Н. А.* Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х — 1960-е гг.) / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск, 1999. С. 38.
 - ⁹ Российская академия наук. Сибирское отделение: исторический очерк / Е. Г. Водичев, С. А. Красильников, В. А. Ламин и др. Новосибирск, 2007. С. 174—175.
 - ¹⁰ ГАНО. Ф. П-1317. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.
 - ¹¹ Там же.
 - ¹² Из интервью с Л. А. Бокутем, полученного в Новосибирске 24.01.2020 г. Хранится в личном архиве Д. И. Муренко.
 - ¹³ Из интервью с Ю. В. Немировским, полученного в Новосибирске 03.02.2009 г. Хранится в личном архиве Д. И. Муренко.
 - ¹⁴ Российская академия наук. Сибирское отделение. С. 9.
 - ¹⁵ ГАНО. Ф. П-1317. Оп. 1. Д. 3. Л. 51.
 - ¹⁶ Молодость Сибири. 1961. № 51.
 - ¹⁷ *Качан М. С.* Первые шаги, 1960. URL: <https://www.proza.ru/2017/01/24/545> (дата обращения: 01.02.2020).
 - ¹⁸ Молодость Сибири. 1961. № 51.
 - ¹⁹ Из интервью с Э. Д. Бергманом, полученного в Новосибирске 09.12.2019 г. Хранится в личном архиве Д. И. Муренко.
 - ²⁰ Там же.
 - ²¹ Там же.
 - ²² Российская академия наук. Сибирское отделение. С. 202.
 - ²³ ГАНО. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 85. Л. 53—57.
 - ²⁴ Там же.
 - ²⁵ Из интервью с Л. А. Бокутем.
 - ²⁶ Из интервью с Э. Д. Бергманом, полученного в Новосибирске 05.03.2009 г. Хранится в личном архиве Д. И. Муренко.
 - ²⁷ За науку в Сибири. 1964. № 23.

- ²⁸ Из интервью с В. В. Пухначевым, полученного в Новосибирске 13.02.2020 г. Хранится в личном архиве Д. И. Муренко.
- ²⁹ *Евладов Б. В., Мошкин С. И.* Золотая долина. Академгородок: репортаж из Новосибирского научного центра. М., 1966. С. 87.
- ³⁰ ГАНО. Ф. П-1317. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.
- ³¹ *Николаев С. М.* Первые годы жизни Академгородка // И забыть по-прежнему нельзя...: сборник воспоминаний старожилов Академгородка. Новосибирск, 2007. С. 39.
- ³² НПО «Факел»: как это было. URL: <http://npo-fakel.su/img/fakel.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).
- ³³ ГАНО. Ф. П-1317. Оп. 1. Д. 14. Л. 38.
- ³⁴ За науку в Сибири. 1962. № 48.
- ³⁵ ГАНО. Ф. П-1317. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.
- ³⁶ За науку в Сибири. 1965. № 12.
- ³⁷ Там же. 1964. № 49.
- ³⁸ Из интервью с Л. А. Бокутем.
- ³⁹ ГАНО. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 108. Л. 3.
- ⁴⁰ Там же. Ф. П-1317. Оп. 1. Д. 21. Л. 8—9.
- ⁴¹ Там же. Л. 9.
- ⁴² *Гинзбург И. Ф.* Воспоминания о физфаке МГУ, НГУ, ФМШ и олимпиадах // Выпускники МГУ в Новосибирском научном центре СО РАН, 1957—2007. Новосибирск, 2007. С. 33.
- ⁴³ ГАНО. Ф. П-1317. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.
- ⁴⁴ Там же. Д. 27. Л. 14.
- ⁴⁵ Там же. Ф. П-308. Оп. 1. Д. 124. Л. 2.
- ⁴⁶ За науку в Сибири. 1967. № 37.
- ⁴⁷ См.: *Мирская Е. З.* Этнос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этнос науки: сборник статей / отв. ред.: Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М., 2008. С. 128—129.
- ⁴⁸ За науку в Сибири. 1962. № 30.
- ⁴⁹ См.: *Губанова Е. О.* Неявное знание: сущность и виды // Научный потенциал: работы молодых ученых. 2010. № 4. С. 253.

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

DOI: 10.46725/IW.2020.2.8

А. Ю. Суслов

**«ЭТОГО НЕ ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ,
НО ЭТО БЫЛО»: НОВАЯ КНИГА
ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕРРОРА 1917—1953 гг. В СССР**

**Рец. на кн.: Литвин А. Л. Российская
историография государственного террора
в стране, 1917—1953. М.: Собрание, 2019. 364 с.**

Работа известного российского историка, заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Татарстан, заслуженного профессора Казанского университета А. Л. Литвина «Российская историография государственного террора в стране, 1917—1953» подводит определенный итог его многолетним исследованиям в области изучения различных аспектов советской карательной политики данного периода, а также историографии этих сюжетов¹. А. Л. Литвин — признанный специалист в области политической истории России XX в. и историографии, авторитетный археограф и педагог, создатель научной школы. Широко известны его труды по истории крестьянства, красного и белого террора (в частности, посвященные обстоятельствам покушений на В. Володарского, М. С. Урицкого и В. И. Ленина в 1918 г.), российских социалистических партий, советской и зарубежной историографии, Гражданской войны, органов ВЧК — НКВД.

© Суслов А. Ю., 2020

Суслов Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного, муниципального управления и социологии, Казанский национальный исследовательский технологический университет, plusha131333@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of the Public, Municipal Administration and Sociology, Kazan National Research Technological University).

Книгу «Российская историография государственного террора в стране, 1917—1953» составляют статьи разных лет, опубликованные в сборниках и журналах, с необходимыми дополнительными комментариями. В 2019 г. она вышла двумя изданиями (второе — дополненное и уточненное), что свидетельствует о несомненном общественном интересе к данной проблематике².

Современную российскую историографию государственно-го террора характеризуют, по мнению Литвина, несколько тенденций. Во-первых, будучи самой популярной темой 1990-х гг., изучение террора в современной российской науке и публицистике пользуется все меньшей популярностью. Можно говорить о завершении определенного этапа в осмыслении террора историками, да и обществом (388). Во-вторых, «архивная революция» 1990-х гг. оставила заметный след в российской и международной историографии террора: историки до сих пор работают с теми материалами, которые смогли и успели опубликовать тогда; публикация документов зачастую опережала и даже заменяла их осмысление (389—390). Это касается материалов показательных процессов, переписи 1937 г., воспоминаний выживших в годы репрессий. Были осуществлены масштабные проекты «Советская деревня глазами ВЧК — ОГПУ — НКВД, 1918—1939. Документы и материалы в 4 томах», «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы в 5 томах, 1927—1939», 10-томный труд российских и зарубежных исследователей «“Совершенно секретно”: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.)», фундаментальное документальное издание по истории ГУЛАГа в семи томах и т. д. Появились в печати документы из личного архива Сталина, материалы Центрального архива ФСБ РФ, а также многочисленные региональные публикации. Все это создает основу для научных исследований репрессивной природы советского тоталитаризма; более того, как отмечает А. Л. Литвин, публикация документов стала наиболее важным достижением историков последних лет (188).

Выпуск в свет значительного объема документов советской эпохи, особенно материалов ВЧК — ОГПУ — НКВД, вызвал дискуссию о степени доверия к приводимым в них данным. Этому вопросу в книге Литвина также уделено внимание. По его мнению, даже в действительно сфальсифицированных следственных делах

политических судебных процессов и лиц, осужденных по политическим мотивам, можно встретить подлинные документы (110—111). Методика работы с ними сложна, так как на практике трудно использовать правило, предложенное в свое время историком Н. Н. Покровским, согласно которому в тенденциозном источнике наиболее достоверны сведения, противоречащие тенденции, наименее совпадающие с ней: зачастую в документе отсутствуют сведения, хоть как-то противоречащие позиции обвинения (139). Методику работы с советскими судебно-следственными фальсифицированными источниками невозможно выработать без использования палеографических, графических данных, без содержательного анализа каждого документа в отдельности с учетом характеристик следователей, идеологических задач и ведомственных установок очередного этапа массовых репрессий. Возможно, единой методики анализа этих документов выработать вообще не удастся в силу разных условий их создания. Для интерпретации следственных дел необходимы поиски в сфере психоанализа, изучение скрытых источников информации. Тем не менее А. Л. Литвин справедливо убежден в необходимости публиковать эти материалы как важное свидетельство беззакония и произвола тоталитарной эпохи.

Трудно согласиться с замечанием Литвина в адрес составителей документальных сборников об отсутствии фондовых публикаций (405—406). На наш взгляд, такие публикации приведут к появлению в печати массы малозначащих документов и поставят под сомнение археографический профессионализм историков, который и заключается в отборе для выпуска в свет наиболее важных источников. Фондовые публикации оправданны тогда, когда их появление дает возможность рассмотреть вошедшие в них документы как единый делопроизводственный комплекс, позволяющий взглянуть на проблему в целом.

Как отмечает А. Л. Литвин, изучение Большого террора в 1990-х гг. стимулировалось на государственном уровне, а официальная историография и неофициальная память подпитывали друг друга и создавали общее поле. Вполне логично, что первые масштабные работы российских исследователей о массовом терроре стали появляться только в 2000-х гг. (395). Однако из этого следует, что уровень научных дискуссий сейчас должен отличаться

от популярной истории, — но научное поле стало «интернационализированным» и работает с разными парадигмами, а российское общественное поле отброшено назад, практически в конец 1980-х гг. Причины данного обстоятельства А. Л. Литвин видит в том, что тогда это идеологически соответствовало доминировавшему государственному пониманию будущего развития страны; сейчас же возврат к парадигме «славной истории сильного государства» происходит через реабилитацию и нормализацию роли И. В. Сталина (400—401, 408).

Таким образом, дискуссия о «1937-м» была и остается не просто конкуренцией интерпретаций прошлого, а борьбой за выбор путей будущего развития России. Литвин анализирует в этой связи восприятие в отечественной науке зарубежных работ по истории сталинизма Р. Такера, М. Малия, Ш. Фицпатрик, Э. Эпплбаум, Й. Баберовски и других. По его мнению, продвигавшие социальную историю западные историки-ревизионисты оказали меньшее воздействие на развитие российской историографии террора, чем историки «тоталитарной» школы (396), как в силу давления советской историографии, слишком долго формировавшей положительный образ сталинского периода, так и потому, что их исследования появились в переводах на русский позднее. В итоге западные авторы, обсуждавшие между собой вопросы в рамках спора «тоталитаристов и ревизионистов» (сторонников политической либо социальной истории), оказались вовлечены в современные политические дискуссии между российскими обвинителями и реабилитаторами Сталина. Вопрос о выборе оптимальной исследовательской модели изучения сталинизма, очевидно, нуждается в дополнительном рассмотрении с учетом обоснованных предложений многих историков о возможности примирения сторонников этих подходов, сочетания разных типов анализа и массовых процессов, и партийно-политических аспектов.

Обширный раздел «Этого не должно было быть, но это было» (представленный автором вместо предисловия) посвящен нескольким наиболее сложным и дискутируемым моментам в российской историографии государственного террора. Первый сюжет связан с вопросом о происхождении террора, его источнике. Литвин отвергает точку зрения, согласно которой источник террора оказывается не в режиме, а в самих массах: их отсталая политическая

культура неизбежно воспроизводит такой режим, который институционно оформляет массовую агрессию и коллективное пренебрежение к индивидуальности. По его мнению, события 1991 г., феномен эмиграции из СССР опровергают миф о рабски послушном населении страны, а в массовых репрессиях виновен прежде всего полицейский режим удержания власти (24).

Анализируя историю СССР, нельзя обойти вниманием специфику советского тоталитаризма. Данной теме посвящены исследования многих отечественных и зарубежных авторов, в том числе тех, кто выступает с критикой доктрины тоталитаризма, считая ее «схоластической конструкцией», «суррогатом общественной мысли периода холодной войны» (С. В. Кудряшов). Стоит согласиться с мнением Литвина, что «можно найти другое слово для объединения группы европейских диктаторских государств той поры, но это наиболее точное» (25—26). Тоталитарная модель далеко еще не исчерпала свой потенциал (при всей справедливости многих критических замечаний в ее адрес), тем более что она прошла несколько этапов в своем развитии. Специфика советской тоталитарной системы, состоящая в неограниченной власти лидера, создании партократического государства, массовом терроре, позволяет считать ее одной из худших разновидностей режима, а попытки вывести СССР сталинского периода из этой категории лишены полноценной научной аргументации (26).

Другой вопрос связан с широко дискутируемой темой ответственности за репрессии, к которым прибегали участники Гражданской войны в России в 1918—1922 гг. Какой террор «хуже» — данный вопрос волновал как современников, так и последующих исследователей этих событий. А. Л. Литвин придерживается точки зрения о равной ответственности сторон за террор: «Разумеется, происхождение красного и белого террора в те годы имело свою специфику, но именно нравственно и тот и другой были одинаково жестоки и античеловечны. Какая разница для жертвы террора, во имя чего ее лишают жизни без всяких на то оснований: во имя коммунизма или демократического устройства страны?» (13). Некорректно само сравнение: один террор лучше (хуже) другого (19). Формы и методы террора были различны, но их использовали и большевики, и приверженцы Учредительного собрания, и собственно Белое движение.

В книге также подробно рассмотрены сюжеты, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина, судебными процессами над социалистами-революционерами в 1922 г. и меньшевиками в 1931 г., различными аспектами изучения красного и белого террора, истории ВЧК, обстоятельствами покушений на В. Володарского, М. С. Урицкого и В. И. Ленина в 1918 г., убийством С. М. Кирова, биографиями Ф. Каплан и Г. Ягоды. Эти проблемы вызывают острые дискуссии в отечественной науке и публицистике, зачастую отличаются полярными оценками и эмоциональной окрашенностью.

Из всего многообразия рассмотренных вопросов обратим внимание на сюжет с покушением на жизнь В. И. Ленина 30 августа 1918 г. и роль в этом Ф. Каплан. В советской историографии эту женщину считали эсеркой, стрелявшей в Ленина; эмигрантские и часть современных исследователей полагают, что Каплан не была членом партии социалистов-революционеров и в Ленина не стреляла. Называются имена тех, кто мог это совершить: правые эсеры Л. Коноплева, В. Новиков, левый эсер А. Протопопов. А. Л. Литвин посвятил покушению 30 августа 1918 г. немало работ, в том числе выступил одним из публикаторов следственного дела Ф. Каплан (два издания — 1995 и 2003 г.)³. По его мнению, Каплан к покушению на Ленина никакого отношения не имела, была больной, полуглухой и полуслепой истеричной женщиной «с глубоко несчастной судьбой» (278). Документы судебного процесса над правыми эсерами 1922 г., который носил политический, а не юридический характер, не могут рассматриваться в качестве доказательства ее вины. В современной историографии есть и другие версии. Так, К. Н. Морозов и А. Ю. Морозова, составители сборника документов «Три брата (То, что было)», посвященного братьям Савинковым, высказали точку зрения, что к покушению на Ленина 30 августа 1918 г. был причастен Б. В. Савинков⁴. О том, что стреляла именно Ф. Каплан, К. Н. Морозов писал в нескольких статьях⁵. Он полагает, что, будучи членом партии социалистов-революционеров (ПСР), Ф. Е. Каплан с весны 1918 г. обращалась к ее видным руководителям с предложением совершить покушение на Ленина, но убедившись в невозможности получить разрешение на партийный акт (с правом на допросе объявить акт

совершенным по поручению партии и назвать себя членом партии), пошла на индивидуальный акт (от своего имени и под свою ответственность с выходом из партии), на который ей было дано разрешение от члена ЦК ПСР и члена Московского бюро ЦК ПСР Д. Д. Донского, поручившего Г. И. Семенову оказать ей содействие (чем он и воспользовался для выхода за допустимые рамки), и именно Каплан стреляла в Ленина. По мнению Литвина, ни Савинков, ни правые эсеры не имели к этому покушению никакого отношения; невозможно аргументировать доказательства руководства Савинковым террористическими актами против большевистского руководства в 1918 г., опираясь на явно сфальсифицированные данные Г. Семенова и саморекламу Савинкова (270—277). На наш взгляд, в этом запутанном вопросе трудно надеяться на обнаружение новых документов, которые смогут окончательно прояснить ситуацию, поэтому любой сценарий покушения на жизнь Ленина остается гипотезой с более или менее оправданными предположениями. Однако стоит согласиться с А. Л. Литвиным, что аргументация К. Н. Морозова явно недостаточна.

В заключении автор рассматриваемого сборника выражает надежду, что Сталин и его режим управления страной будут официально осуждены и никогда не будут реабилитированы. Он подчеркивает: «Десталинизация — это не призыв “топтать” историю страны и народов, ее населяющих. Это скорее стремление сделать все, чтобы подобное не повторилось. Наверное, нужно понимать, что борьба со сталинизмом и методами его управления — это один из главных мотивов создания в России наконец настоящего демократического государства, в котором молодежь хотела бы жить...» (429).

Известная российская исследовательница Л. П. Репина отмечает, что «историография, как и историческая память, изменяется со временем в связи с нуждами и потребностями общества»⁶. Работа по историографии должна подводить итоги изучения темы и давать необходимые ориентиры для дальнейшего научного поиска. Насыщенная мыслями и фактами книга А. Л. Литвина ставит трудные вопросы, побуждает к размышлениям и стимулирует новые исследования.

Примечания

- ¹ *Литвин А. Л.* Запрет на жизнь. Казань, 1993; *Его же.* Красный и белый террор в России, 1918—1922 гг. Казань, 1995; *Его же.* Российская историография Большого террора // У источника: [сборник] / отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1997. Вып. 1; *Литвин А. Л., Кип Дж.* Эпоха Иосифа Сталина в России: современная историография. М., 2009; *Litvin A.* Writing History in Twentieth-Century Russia: A View from Within / transl., ed. by J. L. H. Keep. Houndmills; Basingstoke, 2001; *Литвин А. Л.* Этап пройден?: 1937 год в истории России: ретроспективные размышления // *Ab Imperio.* 2017. № 1.
- ² *Литвин А. Л.* Российская историография государственного террора в стране, 1917—1953. М., 2019; *Его же.* Российская историография государственного террора в стране, 1917—1953. 2-е изд., доп. и уточн. М., 2019. Далее ссылки на первое издание данной работы приводятся в тексте статьи с указанием страниц в круглых скобках.
- ³ Фанни Каплан, или Кто стрелял в Ленина?: сборник документов. Казань, 1995; Дело Фани Каплан, или Кто стрелял в Ленина? 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.
- ⁴ Три брата: (то, что было): сборник документов / сост., предисл. и коммент. К. Н. Морозова, А. Ю. Морозовой. М., 2019. С. 103.
- ⁵ *Морозов К. Н.* «Я не Шарлотта Корде, но жить без действия надоело»: новые свидетельства и штрихи к портрету и биографии Фанни Ефимовны Каплан // Петербургский исторический журнал. 2018. № 3; *Его же.* Ф. Е. Каплан и покушение на В. И. Ленина 30 августа 1918 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2018. № 3.
- ⁶ *Репина Л. П.* Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 403.

С. М. Усманов

**ЦЕРКОВЬ, ЭКУМЕНИЗМ, АМЕРИКА В ПЕРЕПИСКЕ
ПРОТОИЕРЕЕВ ГЕОРГИЯ ФЛОРОВСКОГО
И АЛЕКСАНДРА ШМЕМАНА**

**Рец. на кн.: Шмеман А., прот., Флоровский Г., прот.
Письма 1947—1955 годов / сост., пред.
П. Гаврилюка. М.: Изд-во Православ.
Свято-Тихон. гуманит. ун-та, 2019. 446 с.**

В 2019 г. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет выпустил в свет очень содержательное издание. Его подготовил профессор Университета святого Фомы в г. Сент-Пол (США), доктор богословия Павел Гаврилюк. Профессор Павел Гаврилюк, будучи известным исследователем творческого наследия отца Георгия Флоровского¹, в ходе своих трудов как раз и смог разыскать и подготовить к изданию ранее неопубликованную переписку двух видных церковных деятелей русского зарубежья.

Первым в данной публикации писем двух церковных интеллектуалов назван протоиерей Александр Шмеман — известный проповедник, православный богослов, миссионер, автор ярких сочинений о русской культуре. Но еще более значительной личностью являлся протоиерей Георгий Флоровский. Он был, наверное, самым знаменитым православным богословом XX столетия, признанным и за пределами православного мира. Достаточно вспомнить, что в пятидесятые — семидесятые годы прошлого столетия отец Георгий являлся профессором Гарвардского, а затем и Принстонского университетов.

© Усманов С. М., 2020

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Ивановский государственный университет, orvozi@rambler.ru (Dr. Sc. (History), Professor at General History and International Relations Department, Ivanovo State University).

Подготовленное профессором Павлом Гаврилюком издание включает 62 послания отца Александра Шмемана и 26 — отца Георгия Флоровского. Кроме того, книга содержит вступительную статью и подробные комментарии составителя. Надо учесть, что опубликованная переписка отражает только сравнительно небольшую часть духовной и интеллектуальной биографии как отца Георгия, так и отца Александра. Содержательно она существенно уступает переписке того же протоиерея Георгия Флоровского с архимандритом Софронием (Сахаровом) во второй половине пятидесятых — начале шестидесятых годов прошлого века² — и по глубине тематики, и по основательности обсуждения духовных и церковных проблем своего времени. И это понятно, ведь отец Александр Шмеман был еще молод в годы своего диалога с отцом Георгием (ему было около тридцати лет или немного больше), и его очень занимала житейская суета (чего не скажешь об архимандрите Софронии). Вот почему в письмах протоиерея Александра Шмемана так много практических вопросов, прежде всего о его переезде с семьей в Америку и грядущем обустройстве в ней.

Тем не менее опубликованная профессором Гаврилюком переписка двух знаменитых протоиереев очень интересна, поскольку ярко отражает дух своего времени и многие аспекты самосознания и деятельности русской эмиграции. В ней явственно проступают личности незаурядных церковных интеллигентов, общественных деятелей и ученых. Помимо всего прочего, проясняются некоторые существенные черты истории русской эмигрантской интеллигенции. Конечно, в контексте трудов и судеб двух основных действующих лиц, а частично и некоторых других.

Прежде всего данная переписка отражает ту значительную роль, которую сыграл отец Георгий Флоровский в переезде супругов Шмеманов в Америку и их обустройстве при Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке. Спустя годы все это стало видеться иначе. И в этой связи очень показательны мемуары супруги отца Александра Шмемана Юлиании, согласно которым все это произошло как бы само собой, по решению четы Шмеманов, хотя и было приглашение отца Георгия из-за океана³. Из переписки же видно, насколько большие усилия приложил Флоровский для убеждения Шмемана и его обустройства

в Нью-Йорке. Нам данное обстоятельство не кажется чем-то незначительным. Речь идет о том, как отец Георгий Флоровский лично трудился для формирования в Америке качественной православной духовной школы, которая бы могла быть обращена и к самим американцам.

Вместе с тем опубликованная переписка делает более понятными причины конфликта протоиерея Александра Шмемана и протоиерея Георгия Флоровского, что привело к вынужденному уходу отца Георгия из Свято-Владимирской семинарии в 1955 г. В одном из писем ярко выражена позиция отца Александра: «По моему разумению Семинария есть прежде всего и выше всего заведение воспитательное, причем целью ее является воспитание будущих священников. Думаю, что на земле нет большей ответственности. Здесь буквально каждая мелочь имеет бесконечное значение. Это воспитание, дальше, я мыслю только в атмосфере любви, доверия и применения к индивидуальным особенностям каждого» (письмо от 22 февраля 1952 г.)⁴.

В меньшей степени в данной переписке выявлена точка зрения отца Георгия. Разве что в письме от 25 января 1953 г. можно отчасти увидеть его позицию. В нем Флоровский пишет Шмеману о его свояке (муже сестры жены) Н. Н. Озерове, студенте Свято-Владимирской семинарии: «Скажите Озерову, что он непременно должен сдать экзамен по еврейскому до начала нового семестра и продолжить его в будущем семестре у Майленберга. Он ни о чем не думает! Майленберга в будущем году не будет, и, стало быть, пункты этого года вообще пропадают. Кроме того, если он не получит в этом году 12 пунктов, в будущем году он не сможет взять пунктов достаточно, чтобы закончить программу на Master of Arts. Будущий же год, 1953—1954, должен быть последним его годом и в семинарии. Стипендия для него не может продолжаться бесконечно. Всего этого он не сообщает. Реальных же оснований откладывать нет. Скажите ему, что это мое решительное приказание. Он должен это сделать»⁵.

Впрочем, составитель издания профессор Павел Гаврилюк дает возможность читателю в большей степени представить себе взгляд на эту проблему отца Георгия Флоровского. Составитель цитирует одну из статей отца Георгия 1949 г., где он, в частности, подчеркивает: «Нам недостаточно одной только профессиональной

школы для обучения нескольких священнослужителей, которые умели бы только служить службы и исполнять требы. <...> Нам требуется школа пророков, которые бы обладали духовной и интеллектуальной силой. Нам нужно создать группу людей, которые могли бы и желали пойти в мир для того, чтобы принести истинное знание, истинное понимание, горячую уверенность и способность убеждения»⁶.

Как нам представляется, обстоятельства и содержание конфликта двух видных церковных деятелей зарубежья выходят далеко за пределы личных отношений двух священников. Дело здесь не только во взглядах и характерах отца Александра и отца Георгия, но и в том, как понимать сущность духовного просвещения и соотношение образовательных и воспитательных аспектов в духовном и светском образовании. Профессор П. Гаврилюк во вступительной статье очень определенно выразил свою точку зрения на этот счет⁷. Если внимательно ознакомиться с публикуемыми письмами обоих пастырей, позиция отца Александра выглядит отнюдь не столь убедительной. Даже на фоне «тяжелого характера» отца Георгия. В конце концов, протоиерей Георгий Флоровский был весьма успешен в своих педагогических трудах в Гарварде, Принстоне, а также и в греческой семинарии. Он имел немало учеников, двое из которых являются крупными фигурами православного богословия XX века: митрополит Иоанн (Зизиулас) и протоиерей Иоанн Романидис.

Новые оттенки добавляет знакомство с перепиской двух протоиереев и нашим представлениям об экуменическом движении. В ней обнаруживаются любопытные подробности собраний и съездов экуменистов, характеристики различных деятелей этого движения. А главное — становится очевидной степень эмоциональной вовлеченности обоих протоиереев в экуменические дебаты, когда горячо переживались даже малейшие нюансы многочисленных конференций и встреч. При всем том содержательная ценность этой части переписки представляется не слишком значительной.

Еще одна немаловажная тема данной переписки — это Америка. Для обоих пастырей она стала не то чтобы второй, а самой настоящей родиной. Кстати, в данном отношении обозреваемая нами переписка представляет собой еще одно свидетельство

процесса добровольной американизации, который прошли и немало других наших соотечественников. Отец Александр, как человек достаточно молодой и, так сказать, душевно пластичный, невольно выражает это даже самым языком своих писем. Достаточно быстро из них почти исчезают прежде весьма часто попадавшиеся галлицизмы. И им на смену водворяется английский язык. Вообще для семьи Шмеманов американизация произошла очень легко, быстро и даже триумфально (по своим результатам). Особенно прямо и бесхитростно это проявилось в уже упомянутых нами мемуарах Юлиании Шмеман.

Но и отец Георгий ценил Америку очень высоко. Позднее он напишет отцу Софронию (Сахарову), что «очень доволен» своим преподаванием в Гарварде⁸. Для сравнения отметим упоминание отцом Георгием своего ухода из Свято-Владимирской семинарии при «обстоятельствах малоправдоподобных»⁹. Добавим, что это именно Флоровский добился преподавания в Свято-Владимирской семинарии только на английском языке, в то время как в другой православной семинарии — Свято-Тихоновской в г. Саут-Кейнан (штат Пенсильвания) — обучение велось еще довольно долгое время на русском. Да и общая тональность упоминаний отцом Георгием американских благотворителей, духовных лиц неправославных вероисповеданий, университетской профессуры, американских студентов практически всегда позитивна.

А вот о России и Флоровский, и Шмеман, как правило, отзываются очень сдержанно. Отец Георгий, к примеру, в письме отцу Александру 19 декабря 1949 г. прямо неприязненно упоминает о русских «Ди-Пи» (перемещенных лицах из России, попавших в Америку после Второй мировой войны)¹⁰. Не вызывает похвал у обоих отцов и русская эмиграция.

Впрочем, мы не хотели бы принижать интеллектуальную насыщенность и авторское своеобразие опубликованной переписки протоиереев Георгия Флоровского и Александра Шмемана. В ней поставлено немало значимых вопросов, затронуты актуальные и для нашего времени темы. Можно надеяться, что это привлечет к их личностям большее внимание нашей интеллигенции. Как бы ни относились эти видные деятели русского зарубежья

к России XX века, их творчество остается нашим достоянием, весьма ценным и в настоящее время, и на перспективу.

Так что можно выразить благодарность составителю и публикатору данной переписки профессору Павлу Гаврилюку, написавшему ценные и очень тщательные комментарии к интеллектуальному диалогу талантливых церковных и общественных деятелей. Очень интересны также иллюстрации из рецензированного издания. Особенно впечатляют фотографии отца Георгия, зримо демонстрирующие превращение несколько мешковатого «старообразного» русского эмигранта в простеньких круглых очках в respectable профессора-экумениста с характерной американской улыбкой.

Думается, данное издание окажется весьма нужным и полезным тем богословам, философам, историкам и культурологам, кто в будущем еще будет основательно изучать общественную мысль, богословие и культуру XX столетия.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Гаврилюк П.* Георгий Флоровский и религиозно-философский ренессанс. Киев, 2017; *Его же.* О полемическом использовании концепта «Запад» в православном богословии на примере неопатристического синтеза прот. Георгия Флоровского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 1, Богословие. Философия. 2010. № 1 (29).
- ² *Софроний (Сахаров), архим.* Переписка с протоиереем Георгием Флоровским. М., 2008.
- ³ *Шмеман И.* Моя жизнь с отцом Александром. М., 2008. С. 84.
- ⁴ *Шмеман А., прот., Флоровский Г., прот.* Переписка 1947—1955 годов / сост., пред. П. Гаврилюка. М., 2019. С. 340.
- ⁵ Там же. С. 348.
- ⁶ Там же. С. 37.
- ⁷ Там же. С. 82—94.
- ⁸ *Софроний (Сахаров), архим.* Указ. соч. С. 128, 136.
- ⁹ Там же. С. 27.
- ¹⁰ *Шмеман А., прот., Флоровский Г., прот.* Указ. соч. С. 178.

АННОТАЦИИ И МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Капустина О. В. К вопросу о пенсионном обеспечении советских педагогов в 1920-х гг.: (пенсии за выслугу лет и персональные) // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 9—24.
ББК 63.3(2)613-2

Рассмотрены основные проблемы, с которыми столкнулись органы социального страхования на этапе становления пенсионного обеспечения советских педагогов за выслугу лет. Предпринята попытка определить в пенсионной системе, созданной для школьных работников в 1920-х гг., место персонального обеспечения. Для решения поставленных задач использованы нормативные акты, регулировавшие пенсионное обеспечение работников народного просвещения, документы органов социального страхования и социального обеспечения, а также пенсионные дела персональных пенсионеров.

Автор приходит к выводу, что в 1920-х гг. пенсии за выслугу лет, выплачиваемые через систему социального страхования, стали основным видом пенсионного обеспечения советских педагогов. Наиболее существенные проблемы, возникавшие в ходе пенсионирования работников просвещения, были связаны с недостаточностью страховых средств и жестким ограничением круга возможных получателей пенсий. При этом сам факт предоставления учительству первоочередного права на пенсионное обеспечение (до ввода обеспечения рабочих и служащих по возрасту) с последующим расширением перечня должностей и учреждений, работа в которых давала право на пенсию, говорит о признании государством важности деятельности школьных работников для развития народного хозяйства. Персональное обеспечение в период с 1923 по 1929 г. было инструментом, позволявшим решать наиболее сложные вопросы пенсионного обеспечения педагогов, так как не опиралось на какие-либо жестко определенные списки должностей и учреждений. Однако после распространения права на пенсионное обеспечение за выслугу лет практически на все категории советских учителей персональное пенсионное обеспечение стало предоставляться им в исключительных случаях.

Ключевые слова: ликвидация неграмотности, педагог (учитель, школьный работник), пенсия, размер пенсии, выслуга лет, персональное пенсионное обеспечение.

Котлова Т. Б., Будник Г. А., Королева Т. В. Подготовка энергетических кадров в конце XIX в. — 40-х гг. XX в. — основа успешного функционирования электроэнергетики в период Великой Отечественной войны // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 25—39.
ББК 63.3(2)622-2

Обобщен материал по вопросам подготовки российских инженеров и техников в высших и средних специальных учебных заведениях с конца XIX в. до 1945 г. Развитие отечественного высшего и среднего специального образования можно рассматривать как единый процесс, имеющий определенные этапы. В годы Великой Отечественной войны в учебных заведениях преподавали, а в энергетике работали инженеры и техники, профессиональное становление которых связано с дореволюционным периодом истории России, а также многочисленные кадры специалистов, подготовленных в довоенные годы. Эта проблема имеет актуальный характер, ее исследовательский потенциал не исчерпан, но публикаций научного характера на общероссийском уровне недостаточно.

Авторы приходят к выводу, что в конце XIX — начале XX в. в России были заложены основы для качественной подготовки инженеров-энергетиков и это во многом способствовало развитию электроэнергетической отрасли. Советское правительство с первых лет своего существования, в связи с реализацией планов ГОЭЛРО и индустриализации страны, уделяло большое внимание формированию кадров для электростанций. Однако качество подготовки специалистов было достаточно низким ввиду осуществления форсированной модели развития экономики, что, в свою очередь, негативно сказывалось и на качестве организации энергопредприятий.

Форсированная модель подготовки инженеров и техников была использована и в 1941—1942 гг. в связи с ростом энерго мощностей, необходимых для организации работы оборонной промышленности. С 1943 г., несмотря на трудности военного времени, правительство принимало меры по организации работы вузов и техникумов, налаживанию бытовых условий преподавателей и студентов. В результате в 1941—1945 гг. учебные заведения готовили кадры инженеров и техников, которые организовали бесперебойное снабжение оборонной промышленности и населения электроэнергией, внося тем самым весомый вклад в Победу.

Ключевые слова: инженеры, техники, энергетика, вузы, техникумы, Великая Отечественная война, индустриализация, ГОЭЛРО.

Кулешова И. Н., Минников В. К., Скрабина Е. В. Социально-психологические особенности альтруистической мотивации современной интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 40—44.
ББК 60.543.132.1

Актуальность исследования помогающего поведения вызвана тем, что социальная среда современного мира становится все более конкурентной. В этой ситуации особенно важной оказывается выработка личностных стратегий, позволяющих безболезненно адаптироваться к изменяющимся условиям социального бытия, способствующих сохранению целостности и индивидуальности субъекта. Сама логика развития психологической науки обуславливает изучение такого феномена, как альтруистическое поведение, механизмов его функционирования, закономерностей формирования, роли в жизни субъекта социального взаимодействия. Каждый человек, делая свой жизненный выбор, исходит из оснований собственного внутреннего мира. В этой связи исследование проблем альтруизма становится особо значимой задачей социальной психологии.

Целью работы является изучение социально-психологических особенностей современной российской интеллигенции, связанных с ее готовностью к альтруистическому взаимодействию. Задачи статьи — исследование представленности альтруизма как социально-психологического феномена в среде современной интеллигенции, рассмотрение места альтруистической мотивации в поведении интеллигентов и их готовности к ее актуализации в различных условиях.

Используя анкетирование, а также батарею психодиагностических методик, обработанных с применением статистических процедур (количественного, корреляционного, факторного и регрессионного анализа), авторы установили, что существует взаимосвязь готовности к помогающему поведению с личностными психологическими особенностями представителей интеллигенции различных половозрастных и социально-демографических групп. Определено, что потенциал помогающего поведения связан с индивидуальным опытом семейного взаимодействия. Выявлены потенциальные условия, при которых может актуализироваться альтруистическая мотивация у различных представителей интеллигенции. Установлены основные формально-динамические характеристики альтруизма как относительно самостоятельного социально-психологического явления.

Ключевые слова: психология интеллигенции, социальная мотивация, личностные особенности, альтруистическая направленность.

Гладков А. Е. Возвращение Фёдора Тютчева в Баварию... : страничка из воспоминаний о дипломатической службе // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 45—53.
ББК 63.3(2)52-6

Представленный материал — это воспоминания профессионального дипломата, советника первого класса, почетного работника МИД России и поэта А. Е. Гладкова о юбилейных торжествах в Баварии, посвященных 200-летию со дня рождения Ф. И. Тютчева.

Ф. И. Тютчев известен широкой общественности прежде всего как талантливый русский поэт. Меньше о нем знают как о дипломате. Между тем он и на этом поприще проявил свои таланты. Фактом признания поэтических и дипломатических заслуг Ф. И. Тютчева стали программы празднований дня его рождения в 2002—2003 гг. на государственном уровне не только в России, но и за рубежом. В частности, в Баварии, с которой поэт и дипломат был тесно связан более 20 лет. Кульминацией в череде юбилейных мероприятий в этой федеральной земле должно было стать открытие памятника Ф. И. Тютчеву в Мюнхене. Именно данный сюжет и положен в центр воспоминаний.

Публикуемые материалы уникальны. Прежде всего приводимыми фактами большой работы, осуществляемой российскими дипломатами по достойной встрече дня рождения Ф. И. Тютчева в Германии. Работы, которая обычно скрыта от широкой общественности и с деталями которой специалисты смогут познакомиться после открытия архивов лишь через десятилетия. Данные слова в полной мере приложимы также к воспоминаниям о действиях руководства Мюнхена по установке памятника Ф. И. Тютчеву.

Отличительной стороной представленных мемуаров является отчетливо просматривающаяся личная глубокая симпатия Е. А. Гладкова к Ф. И. Тютчеву, ради открытия памятника которому он решился даже на известный карьерный риск. И такая симпатия неслучайна. Оба — дипломаты и поэты, оба служили в Баварии и хорошо ее знали. Оба немало сделали по расширению и углублению российско-германских связей, по созданию за рубежом позитивного образа России. Этим же благородным целям призваны послужить и публикуемые воспоминания.

Ключевые слова: Ф. И. Тютчев, поэт, дипломат, А. Е. Гладков, С. Б. Крылов, Бавария, Мюнхен, российско-германские отношения.

Филатов Н. М. Президент Социалистической республики Брауншвейг Август Мергес: путь рабочего-интеллигента // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 54—68.
ББК 63.3(4Гем)61-8

В современной российской историографии слабо затрагивается региональный аспект революции в Германии 1918—1919 гг., а такое государственное образование, как Социалистическая республика Брауншвейг, и ее акторы вообще не рассматриваются. Цель статьи — дать политический портрет президента 99-дневной республики на берегах Окера Августа Мергеса (1870—1945). Автор опирается прежде всего на иностранные источники и литературу. В работе используются историко-хронологический и историко-сравнительный методы исследования. Рассматриваются годы учебы, работа портным и первые шаги молодого человека в Социал-демократической партии Германии, занятие журналистской деятельностью. Во время Первой мировой войны А. Мергес с группой товарищей основал Революционный клуб Брауншвейга, который занимался антимилитаристской агитацией. В статье показано огромное влияние Мергеса на ход революционных событий в герцогстве, приведшее его на пост президента Социалистической республики Брауншвейг. Говорится о мероприятиях советского правительства, позиции противников созыва Национального собрания Германии 19 января 1919 г., попытке провозглашения 28 февраля советской республики в Брауншвейге. Описывается, как 17 апреля с вводом добровольческого корпуса в бывшее герцогство А. Мергес скрывается из города и до 1933 г. сосредоточивается на работе в левацких коммунистических и синдикалистских организациях. После прихода к власти нацистов в Германии он являлся последовательным противником их режима, неоднократно арестовывался и умер по причине жестокого обращения в заключении. Делается вывод, что рабочий-интеллигент А. Мергес — один из главных героев Ноябрьской революции в Брауншвейге, не допустивший на посту президента социалистической республики пролития крови в городе в отличие от правительств республик Бремена и Баварии.

Ключевые слова: Ноябрьская революция в Германии, Социалистическая республика Брауншвейг, Август Мергес, Веймарская республика, нацистский режим.

Черноперов В. Л., Усманов С. М. Сила и бессилие «транснациональных интеллектуалов»: случай Ральфа Дарендорфа // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 69—83.
ББК 63.3(4)6-283.2

Имя германо-британского интеллектуала Ральфа Дарендорфа хорошо известно философам, политологам, историкам и особенно социологам во всех частях света. Правда, после смерти его перестали столь же часто, как прежде, упоминать на страницах научных и общественных изданий. И лишь в последние годы наблюдается своего рода возвращение Р. Дарендорфа. Настоящая публикация также лежит в русле данного процесса. Кроме того, авторы статьи представленным материалом постарались ответить на критические замечания, высказанные ранее в отношении их оценок деятельности Р. Дарендорфа, а также вступить в значную дискуссию с зарубежными специалистами, и прежде всего с Франциской Майфорт, написавшей об этом интеллектуале содержательное и оригинальное исследование.

Теоретический и методический инструментарий публикации составили в основном просопографический метод, контекстуализм Квентина Скиннера и феноменологическая дескрипция Эдмунда Гуссерля. Настоящей статьей авторы стремятся углубить и в очередной раз апробировать разработанную ими концепцию деления западных интеллектуалов на три группы — «бессильных людей», «независимых экспертов» и «аутсайдеров-нонконформистов». В результате авторы приходят к выводам, которые в целом совпали с уже обнародованными ими ранее: Р. Дарендорф, несмотря на всю свою активность, смелость заявлений и известность, оказался в когорте «бессильных людей». В наибольшей степени это утверждение относится к его участию в политической и общественной жизни. Он не смог и, вероятно, не желал вырваться из колеи политической стратегии западной элиты. По мнению авторов статьи, «бессилие» Дарендорфа — это трезвое осознание невозможности перейти вполне реально существующие границы, очерченные интересами западной политической элиты и структурами существующей власти. Приняв эти правила игры и прилагая максимум интеллектуальных усилий к защите или оправданию политического курса коллективного Запада, Р. Дарендорф постепенно становился все менее продуктивен как мыслитель, особенно в сравнении с трудами 1950-х — 1960-х гг.

Ключевые слова: Ральф Дарендорф, интеллектуалы, западная элита, «бессильные люди».

Муренко Д. И. Особенности зарождения и развития Совета молодых ученых Новосибирского научного центра в 1960-х гг. // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 84—100. ББК 72.3(2)6

Феномен молодежного активизма, являющийся объектом исследования социальных и гуманитарных наук, находит свое преломление и применительно к научно-образовательной сфере. Для социальной истории предметом особого внимания выступает ретроспективный анализ механизмов вхождения в науку молодежи как важнейшего условия обеспечения преемственности поколений и устойчивости динамики научно-образовательных процессов. Признанием своей успешности Сибирское отделение Академии наук в немалой мере было обязано созданию условий для соединения активности молодежной когорты с институциональной основой — советами молодых ученых. Целью исследования является реконструкция истории создания и развития таких советов в Новосибирском научном центре в 1960-х гг. В публикации рассмотрены структура этих советов, главные методы и формы работы, определена степень их влияния на различные стороны адаптации входившей в профессиональную научную среду молодежи. В работе преимущественно используются историко-хронологический и историко-сравнительный методы. Главным фактором генезиса советов молодых ученых стало основание Сибирского отделения АН СССР и строительство новосибирского Академгородка. Поскольку данные советы, как и другие молодежные инициативы того времени, были рождены «оттепелью», нарастание консервативных тенденций в обществе во второй половине 1960-х гг. не могло не сказаться на работе этой организации. Тем не менее в статье указывается, что на начальном этапе своего существования советы молодых ученых являлись не только инструментом успешной профессиональной социализации, но и своеобразной матрицей по воспитанию кадров и воспроизводству идей, которые в дальнейшем «проросли» в научно-образовательной сфере и дали импульс для развития экономической и общественно-политической активности молодежи.

Ключевые слова: молодой ученый, научное творчество, профессиональное становление, социализация, комсомол, олимпиадное движение, Сибирское отделение АН СССР.

Сулов А. Ю. «Этого не должно было быть, но это было»: новая книга об историографии государственного террора 1917—1953 гг. в СССР // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 101—108. Рец. на кн.: *Литвин А. Л.* Российская историография государственного террора в стране, 1917—1953. М.: Собрание, 2019. 264 с. ББК 63.1(2)6

Статья посвящена книге известного российского историка А. Л. Литвина об историографии государственного террора 1917—1953 гг. Анализируются основные сюжеты, затронутые в работе, — тенденции современной историографии, публикация источников советского периода и методика работы с ними, проблема соотношения красного и белого террора, специфика отечественного тоталитаризма. Рассматривается дискуссия о покушении на жизнь В. И. Ленина 30 августа 1918 г., различные версии и подходы. Обращается внимание на значимость поставленных проблем для современного российского общества.

Ключевые слова: государственный террор, В. И. Ленин, политические репрессии, Советский Союз, сталинизм, историография.

Усманов С. М. Церковь, экуменизм, Америка в переписке протоиереев Георгия Флоровского и Александра Шмемана // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 109—114. Рец. на кн.: *Шмеман А., прот., Флоровский Г., прот.* Письма 1947—1955 годов / сост., пред. П. Гаврилюка. М.: Изд-во Православ. Свято-Тихон. гуманитар. ун-та, 2019. 446 с. ББК 63.3(2)6-362

Автор рецензирует впервые изданную Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом переписку 1947—1955 гг. двух известных церковных деятелей русского зарубежья — протоиерея Александра Шмемана и протоиерея Георгия Флоровского. Отмечаются заслуги составителя сборника доктора богословия, профессора Университета святого Фомы в г. Сент-Пол (США) Павла Гаврилюка, разыскавшего письма в американских архивах, тщательно их прокомментировавшего и написавшего содержательную вступительную статью. Автор рецензии выделяет три крупные темы в опубликованной переписке Шмемана и Флоровского: проблемы Церкви, экуменизм и отношение

к Америке. По мнению рецензента, переписка двух знаменитых протоиереев очень интересна, поскольку ярко отражает дух своего времени, а также многие аспекты самосознания и деятельности русской эмиграции во Франции и США в середине XX в. В ней явственно проступают личности незаурядных церковных интеллигентов, общественных деятелей и ученых. Автор подчеркивает различие во взглядах отца Александра и отца Георгия на духовное образование, его особенности и конкретные задачи. Вместе с тем в рецензии отмечается близость в понимании Флоровским и Шмеманом проблем экуменизма. Наконец, рецензент считает данную переписку одним из показательных свидетельств того процесса американизации, который переживала русская эмиграция после Второй мировой войны.

Ключевые слова: протоиерей Георгий Флоровский, протоиерей Александр Шмеман, переписка, Свято-Владимирская семинария, экуменизм, Америка.

ANNOTATIONS AND MATERIALS FOR CITING

Kapustina O. V. On the issue of pensions for Soviet teachers in the 1920s: (Long-service pensions and personal pensions), *Intelligentsia and the World*, no. 2, 2020, pp. 9—24.

The article deals with the main problems faced by the social insurance authorities at the stage of formation of pension provision for Soviet teachers for long service. An attempt is also made to determine the place of personal pension provision in the pension system created for school employees in the 1920s. To solve these tasks, we used the normative acts regulating the pension provision of public education workers, documents of social insurance and social security bodies, and pension Affairs of personal pensioners.

The author concludes that in the 1920s, long-service pensions paid through the social insurance system became the main type of pension provision for Soviet teachers. The most significant problems encountered in the course of education workers' pensions were related to insufficient insurance funds and strict restrictions on the number of possible recipients of pensions. At the same time, the fact that the teacher was granted the primary right to pension (before the introduction of the provision of workers and employees by age) and the subsequent expansion of the list of positions and institutions in which the right to pension was granted indicates the recognition by the State of the importance of the activities of school workers for the development of the national economy. Personal pension provision in the period from 1923 to 1929 was a tool that allowed solving the most complex issues of teachers' pension provision, since it did not rely on any clearly defined lists of positions and institutions. After extending the right to long-service pensions to almost all categories of Soviet teachers, personal pension provision was granted to them in exceptional cases.

Keywords: elimination of illiteracy, teacher (school employee), pension, pension amount, length of service, personal pension provision.

References

- Degtyarev G. P. Pensionnoye obespecheniye gosudarstvennykh sluzhashchikh v Rossiyskoy imperii v XVIII—XIX vekakh: Istoricheskiye vekhi, *Pensiya*, no. 12, 1997, pp. 61—65.
- Krupskaya N. K. Mesto likvidatsii bezgramotnosti v politprosvetrabote, in: Krupskaya N. K. *Pedagogicheskiye sochineniya*: in 10 vols, vol. 9, Moscow: Izdatelstvo Akademii pedagogicheskikh nauk, 1960, pp. 138—141.

- Krupskaya N. K. Potrebnosti pervonachalnogo narodnogo obrazovaniya, in: Krupskaya N. K. *Pedagogicheskiye sochineniya*: in 10 vols, vol. 9, Moscow: Izdatelstvo Akademii pedagogicheskikh nauk, 1960, pp. 195—197.
- Midonova Ye. A. *Optimalnoye sochetaniye interesov gosudarstva i lichnosti v pensionnom obespechenii pedagogicheskikh rabotnikov*. Available at: Spravochno-pravovaya sistema “KonsultantPlyus”.
- Nagovitsyn I. Sotsialnoye obespecheniye v RSFSR, *Izvestiya*, 31 marta, 1928.
- Narodnoye khozyaystvo v SSSR v 1980 godu*, Moscow, 1981.
- Narodnoye prosveshcheniye v SSSR*, Moscow: Tsentralnoye statisticheskoye upravleniye, 1929.
- Programma Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bolshevikov) 1919 g., in: *Vosmoy s'ezd RKP(b): Protokoly*, Moscow: Gospolitizdat, 1959, pp. 400—401.
- Isvakova I. V. *Pensionnoye zakonodatelstvo Rossii v sovetskiy period (oktyabr 1917g. — 1928 g.)*, Moscow, 2015.
- Strumilin S. G. *Na planovom fronte 1920—1930 gg.*, Moscow: Gospolitizdat, 1958.
- Za leninskoye otnosheniye k uchitelstvu, *Pravda*, 7 oktyabrya, 1930.

Kotlova T. B., Budnik G. A., Korolyova T. V. The training of power engineering personnel in the late XIX — 40s of the XX century — the basis for the successful functioning of the electric power industry during the Great Patriotic War, *Intelligentsia and the World*, no. 2, 2020, pp. 25—39.

The article summarizes material on the training of Russian engineers and technicians in higher and vocational secondary educational institutions from the end of the XIX century to 1945. The development of the domestic higher and vocational secondary education can be considered as a single process having certain stages of development. During the Great Patriotic War, engineers and technicians taught in educational institutions, and engineers worked in the power industry whose professional becoming was connected with the pre-revolutionary period of Russian history, as well as numerous specialists trained in the pre-war years. This problem is relevant, its research potential has not been exhausted, but scientific publications are not enough nationwide.

The authors come to the conclusion that in the late XIX and early XX century in Russia the basis for the quality training of power engineers was laid largely contributing to the development of the electrical power industry. The Soviet government since its very establishment, in connection with the implementation of plans of the State electrification of Russia

and the industrialization of the country, paid great attention to the organization of personnel for power plants. However, the quality of training specialists was rather low due to the implementation of the forced model of economic development, which in its turn negatively affected the quality of energy enterprises organization.

A forced model of training engineers and technicians was used in 1941—1942 in relation to the growth of energy capacities necessary for the work of defense industry. Since 1943, despite the difficulties of wartime, the government took measures to arrange the work of universities and technical school, to establish the living conditions of teachers and students. As a result, in 1941—1945, educational institutions trained engineers and technicians who organized an uninterrupted supply of electricity to the defense industry and population, thereby making a significant contribution to the Victory.

Keywords: engineers, technicians, power engineering, higher educational institutions, Great Patriotic War, industrialization, the State electrification of Russia.

References

- Asmolov G. L. Vysokoye napryazheniye, in: *Energetiki v Velikoy Otechestvennoy voyne: Vospominaniya stareyshikh energetikov*: Sbornik statey, comp. by A. M. Marinov [et al.], Moscow: Energoizdat, 1985.
- Bondarenko A. S. *Energetiki Sibiri (1917—1977 gg.)*, Novosibirsk: Nauka, 1981.
- Butakov I. N., Vorobyev A. A., Shcherbakov V. K. 50-letiyе sibirskoy energetiki, 1895—1945, *Elektrichestvo*, no. 5, 1945, pp. 64—65.
- Elektrotekhnicheskoye obrazovaniye na novuyu stupen, *Elektrichestvo*, no. 1, 1941, pp. 5—6.
- Energiya pobedy: Energetika Rossii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny*, Moscow: Izdatel A. S. Akchurin, 2005.
- Grammatina I. S. *Vospominaniya vypusknitsy Ivanovskogo energeticheskogo instituta imeni V. I. Lenina 1947 goda*, Ufa, Volgograd, 2011.
- Ivanov A. Ye. *Vysshaya shkola Rossii v kontse XIX — nachale XX veka*, Moscow, 1991.
- Ivanovskiy gosudarstvennyy energeticheskiy universitet: Vsegda v razvitii, 1918—2018*, ed. by T. B. Kotlova, Ivanovo: Referent, 2018.
- KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov, konferentsiy i plenumov Tsentralnogo komiteta*, vol. 4, Moscow: Politizdat, 1984.
- Maklyukov A. V. *Elektrifikatsiya rossiyskogo Dalnego Vostoka (konets XIX — seredina XX v.)*, Vladivostok: Izdatelstvo Dalnevostochnogo federalnogo universiteta, 2018.

- Maklyukov A. V. Stanovleniye vysshego elektrotekhnicheskogo obrazovaniya na Dalnem Vostoke Rossii (1918—1948 gg.), in: *Obrazovatelnyy potentsial Tikhookeanskoy Rossii, XVIII — XXI vv.*: (Vosmyye Krushanovskiye chteniya, 2016 g.), Vladivostok: Dalnauka, 2017, pp. 139—148.
- Moskovskiy energeticheskiy institute za 50 let sovetskoy vlasti*, Moscow: Energiya, 1967.
- Sbornik statisticheskikh svedeniy po Soyuzu S.S.R, 1918—1923: Za pyat let raboty statisticheskogo upravleniya*, Moscow: Izdaniye Tsentralnogo statisticheskogo upravleniya, 1924.
- Simonov N. S. *Nachalo elektroenergetiki Rossiyskoy imperii i SSSR kak problema tekhnotsenoza*, Moscow: Infra-Inzheneriya, 2017.
- Strana Sovetov za 50 let*: Statisticheskii sbornik, Moscow: Statistika, 1967.
- Zhimerin D. G. *Razvitiye energetiki SSSR*, Moscow, Leningrad: Gosenergoizdat, 1960.
- Zolotarev T. L. Podgotovka energeticheskikh kadrov, *Elektrichestvo*, no. 1—2, 1944, pp. 4—8.

Kuleshova I. N., Minnikov V. K., Skryabina E. V. Social and psychological features of altruistic motivation of modern intelligentsia, *Intelligentsia and the World*, no. 2, 2020, pp. 40—44.

The relevance of the study of helping behavior is caused by the fact that the social environment of the modern world is becoming increasingly competitive. In such circumstances, it is particularly important to develop personal strategies that allow painlessly adapt to the changing conditions of social life, contributing to the preservation of the integrity and individuality of the subject. The very logic of the movement of psychological science determines the study of phenomena such as altruistic behavior, that are the mechanisms of its functioning, patterns of formation and what role it has in the life of the subject of social interaction. Each person, making his life choice, comes from the foundations of his own inner world. In this regard, the study of the problems of altruism in social psychology becomes a particularly important task. The aim of the work was to study the socio-psychological characteristics of the modern Russian intelligentsia associated with its readiness for altruistic interaction. The objectives were to study the representation of altruism as a socio-psychological phenomenon among the representatives of the modern intelligentsia. Consideration of the place of altruistic motivation and readiness of its actualization among intellectuals in different conditions.

Using a questionnaire, as well as a battery of psychodiagnostic techniques processed using statistical procedures (quantitative, correlation, factor and regression analysis), it was found that there is a relationship of readiness to help behavior with the personal psychological characteristics of intelligentsia representatives, taking into account belonging to the age and sex socio-demographic groups. It is determined that the potential of helping behavior is associated with the individual experience of family interaction. The potential conditions under which altruistic motivation of various intelligentsia representatives can be actualized are revealed. The basic formal-dynamic characteristics of altruism as a relatively independent socio-psychological phenomena are determined.

Keywords: psychology of intelligentsia, social motivation, personal features, altruistic orientation.

References

- Ivanov A. M. *Dukhovno-nravstvennyye tsennosti rossiyskoy intelligentsii*: Dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.11, Cheboksary, 2007.
- Vashanova V. V., Davydenko E. M. Intelligentsiya i eye rol v razvitiy sovremennogo obshchestva, *Nauchnyy progress na rubezhe tysyacheletiy*: Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Prague: Obrazovaniye i nauka, pp. 203—204.

Gladkov A. E. The return of Fedor Tyutchev to Bavaria... : Page from the memoirs of the diplomatic service, *Intelligentsia and the World*, no. 2, 2020, pp. 45—53.

The material presented is the memoirs of a professional diplomat, first-class adviser, Honorary Worker of the Russian Ministry of Foreign Affairs and poet A. E. Gladkov about the anniversary celebrations in Bavaria dedicated to the 200th birthday of F. I. Tyutchev.

F. I. Tyutchev is known to the general public, primarily as a talented Russian poet. They know less about him as a diplomat. Meanwhile, he showed his talents in this field. The fact of recognition of the poetic and diplomatic merits of F. I. Tyutchev became a program for celebrating his birthday in 2002—2003 at the state level, not only in Russia, but also abroad. In particular, in Bavaria, with which the poet and diplomat has been closely associated for more than 20 years. The culmination of a series of anniversary events in this federal state was to be the unveiling of a monument to F. I. Tyutchev in Munich. This is the plot of E. A. Gladkov and it is put in the center of memories.

Published materials are unique. First of all, the cited facts of the great work carried out by Russian diplomats on a worthy birthday meeting for F. I. Tyutchev in Germany. The work, which is usually hidden from the general public, and the details of which experts will be able to get acquainted after opening the archives only after decades. These words are fully applicable also to the recollections of the actions of the leadership of Munich to open the monument to F. I. Tyutchev.

The distinctive side of the presented memoirs is the clearly visible personal deep sympathy of E. A. Gladkov to F. I. Tyutchev, for the sake of opening a monument to which Alexander Evgenievich even decided on a well-known career risk. And such sympathy is not accidental. Both are diplomats and poets, both served in Bavaria and knew it well. Both have done a lot to expand and deepen Russian-German relations, to create a positive image of Russia abroad. The same noble purposes are called to serve and published memories.

Keywords: F. I. Tyutchev, poet, diplomat, A. E. Gladkov, S. B. Krylov, Bavaria, Munich, Russian-German relations.

Filatov N. M. August Merges: President of the Socialist Republic of Braunschweig: the way of the worker-intelligent, *Intelligentsia and the World*, no. 2, 2020, pp. 54—68.

In modern Russian historiography, the regional aspect of the revolution in Germany of 1918—1919 is poorly affected, and such a state entity as the Socialist Republic of Braunschweig and its actors are not considered at all. The purpose of the article is to give a political portrait of the president of the 99-day republic on the banks of the Oker Augustus Merges (1870—1945). The author relies primarily on foreign sources and literature. The work uses historical-chronological, historical-comparative research methods. The years of study, the work of a tailor and the first steps of a young man in the Social Democratic Party of Germany, the occupation of journalistic activities are examined. It is noted that during the First World War A. Merges with a group of comrades founded the Revolutionary Club of Braunschweig, which was engaged in anti-militaristic agitation. The article shows the great influence of Merges on the course of revolutionary events in the duchy, which brought him to the post of president of the Socialist Republic of Braunschweig. It speaks of the activities of the Soviet government, the position against the convocation of the German National Assembly on January 19, 1919, and the attempt to proclaim the Soviet republic

on February 28 in Braunschweig. It describes how, on April 17, with the introduction of the volunteer corps into the former duchy, Augustus hides from the city and until 1933 concentrates on working in leftist communist and syndicalist organizations, and after the Nazis came to power in Germany against their regime. Repeatedly arrested and died due to ill-treatment in custody. At the end of the article, it is concluded that the intellectual worker August Merges is one of the main characters of the November Revolution in Braunschweig, who did not allow bloodshed in the post of the President of the Socialist Republic in the city of Bremen and Bavaria.

Keywords: November revolution in Germany, the Socialist Republic of Braunschweig, August Merges, the Weimar Republic, the Nazi regime.

References

Archivar erinnert an die "Spenger Schlacht". Available at: https://www.nw.de/lokal/kreis_herford/spenge/20968639_Erinnerung-an-die-Spenger-Schlacht.html (accessed: 20.12.2018).

August Hampe. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/August_Hampe (accessed: 18.12.2018).

August Merges. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/August_Merges#Weblinks (accessed: 14.12.2018).

Bein R. *Braunschweig Stadt und Herzogtum 1890—1918: Materialien zur Landesgeschichte*, Braunschweig: Döring-Druck, 1985.

Bein R. *Widerstand im Nationalsozialismus: Braunschweig 1930 bis 1945*, Braunschweig: Steinweg-Verlag, 1985.

Berger P. *Brunonia mit rotem Halstuch. Novemberrevolution 1918/19 in Braunschweig*, Hannover: SOAK-Verlag, 1979.

Biographien sozialdemokratischer Parlamentarier in den deutschen Reichs- und Landtagen 1867—1933. Available at: http://zhsf.gesis.org/biosop_db/biosop_db.php (accessed: 19.12.2018).

Bock H. M. *Syndikalismus und Linksradikalismus von 1918—1923: Zur Geschichte und Soziologie der Freien Arbeiter-Union Deutschlands (Syndikalisten) der Allgemeinen Arbeiter-Union Deutschlands und der Kommunistischen Arbeiterpartei Deutschlands*, in: *Marburger Abhandlungen zur Politischen Wissenschaft*, Bd. 13, Meisenheim am Glan, 1969.

Bourrinet P. *Lexikon des deutschen Rätekommunismus 1920—1960*, Paris: Verlag moto proprio, 2017.

Braunschweiger Volksfreund. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Braunschweiger_Volksfreund (accessed: 13.08.2019).

Ernst Avgust Braunshveygskiy. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ernst_Avgust_Braunshveygskiy (accessed: 06.12.2018).

- Filatov N. M. *Volnyy Bremen: ot srednevekovogo soveta do sovnarkoma 1919 g.*, Perm: Permskiy gosudarstvennyy gumanitarno-pedagogicheskiy universitet, 2018.
- Geschichtskommission der DKP Niedersachsen, in: *Blätter zur Geschichte der niedersächsischen Arbeiterbewegung*, no. 1, Hannover, 1980, S. 5 f.
- Handbuch der verfassungsgebenden deutschen Nationalversammlung Weimar 1919: Biographische Notizen u. Bilder*, Berlin, 1919.
- Homo (Wagner R.) *Zigeunerblut im Aktenschrank: Biographischer Roman*, Jena: Thüringer Verlags-Anstalt, 1924.
- Ihlau O. *Die Roten Kämpfer. Ein Beitrag zur Geschichte der Arbeiterbewegung in der Weimarer Republik und im Dritten Reich*, Erlangen, 1969.
- Illustrierte Geschichte der deutschen November Revolution 1918/1919*, Institut für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED, Autorenkollektiv unter Ltg. v. Günter Hortschansky Leinen, Berlin: Dietz Verlag, 1978.
- Jannack K. Wir kämpften in Bremen für die Räterepublik, in: Kuckuk P. *Revolution und Räterepublik in Bremen*, Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1969, S. 149—154.
- Janzen D. *Kindheit und Jugend (1870—1899)*. Available at: <http://augustmerges.info/2018/04/13/kindheit-und-jugend/> (accessed: 19.12.2018).
- Kolb E. *Die Arbeiterräte in der deutschen Innenpolitik 1918—1919*, Frankfurt am Main, Berlin, Wien: Ullstein Buch, 1978.
- Kuckuk P. *Bremen in der Deutschen Revolution 1918—1919: Revolution, Räterepublik, Restauration*, Bremen: Verlag Steintor, 1986.
- Lenin V. I. Tezisy ko II Kongressu Kommunisticheskogo Internatsionala, in: *Polnoye sobraniye sochineniy*, vol. 41, Moscow: Politizdat, 1981, pp. 204—212.
- Minna Faßhauer*. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Minna_Fa%C3%9Fhauer (accessed: 08.12.2018).
- Novemberrevolution in Braunschweig*. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Novemberrevolution_in_Braunschweig (accessed: 14.12.2018).
- Poltavskiy A. S. *Bavarskaya Sovetskaya respublika*, Moscow: Sotsekgiz, 1959.
- Popov I. D. Regionalnaya politika Germanii perioda Veymarskoy respubliki (1918—1933) v sovetskoy i postsovetskoy istoriografii, *Nauchnyy dialog*, no. 8, 2019, pp. 308—344.
- Rote Hilfe Deutschlands*. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Rote_Hilfe_Deutschlands (accessed: 13.08.2019).
- Rother B. *Die Sozialdemokratie im Land Braunschweig 1918 bis 1933*, Bonn: Dietz Nachf., 1990.

- Shelavin K. *Avangardnyye boi zapadnogermanskogo proletariata: Ocherki germanskoy revolyutsii 1918—1919 godov*, pt. 2, Leningrad: Krasnaya gazeta, 1930.
- Schelm-Spangenberg U. Die Deutsche Volkspartei im Lande Braunschweig. Gründung, Entwicklung, soziologische Struktur, politische Arbeit, *Braunschweiger Werkstücke*, Bd. 30, 1964.
- Sepp Oerter. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Sepp_Oerter (accessed: 08.08.2019).
- Spartakusbund linkskommunistischer Organisationen*. Available at: https://de.wikipedia.org/wiki/Spartakusbund_linkskommunistischer_Organisationen (accessed: 13.08.2019).
- Tsvetkov G. Kil, Braunschveyg i Essen v Noyabrskoy revolyutsii, *Borba klassov*, no. 11, 1933, pp. 94—99.
- Vatlin A. Yu. *Sovetskoe ekho v Bavarii: Istoricheskaya drama 1919 g.: V shesti glavakh, pyati kartinakh i dvadtsati dokumentakh*, Moscow: Novyy khronograf, 2014.
- Volksfreund*, 29. Januar, 1919.
- V-v V. Braunschveyg, in: *Entsiklopedicheskiy slovar F. A. Brokgauza i I. A. Efrona*, vol. 4 A (8), St. Petersburg: Semenovskaya tipolitografiya I. A. Efrona, 1891, pp. 613—614.
- Zastenker N. *Bavarskaya Sovetskaya respublika*, Moscow: Partizdat, 1934.
- Zerrissene Zeiten — Krieg. Revolution. Und dann? Braunschweig, 1916—1923*. Available at: https://www.imhof-verlag.de/media/catalog/product/pdfs/Zerrissene-Zeiten_Blick-ins-Buch (accessed: 12.08.2019).

Chernoperov V. L., Usmanov S. M. The strength and powerlessness of “transnational intellectual”: the case of Ralph Dahrendorf, *Intelligentsia and the World*, no. 2, 2020, pp. 69—83.

The name of German-British intellectual Ralph Dahrendorf is well known to philosophers, political scientists, historians and especially sociologists in all parts of the world. However, after his death he was no longer mentioned as often as before in scientific and public publications. And only in recent years there has been a sort of return of R. Dahrendorf. This publication is also in line with this process. In addition, the authors of this article have tried to respond to criticisms of R. Dahrendorf’s earlier evaluations, as well as to engage in correspondence discussions with foreign specialists and, above all, with Franzisca Meifort, who wrote a substantial and original study about this intellectual.

The theoretical and methodological tools of the publication were primarily composed of Quentin Skinner's prosopographical method, Quentin Skinner's contextualism and Edmund Husserl's phenomenological description. In this article, the authors seek to deepen and further test the concept of dividing Western intellectuals into three groups — "powerless people", "independent experts" and "outsiders nonconformists". As a result, the authors come to the conclusions, which, in general, coincided with the conclusions they had already made public earlier: R. Dahrendorf, despite all his activity, boldness of statements and fame, found himself in a cohort of "powerless people". This statement is most relevant to his participation in political and public life. He was unable, and probably unwilling, to break out of the political strategy of the Western elite. According to the authors of this article, Dahrendorf's "powerlessness" is a sober awareness of the impossibility of crossing quite real borders, outlined by the interests of the Western political elite and the structures of the existing power. By accepting these rules of the game and making the utmost intellectual effort to defend or justify the political course of the collective West, Dahrendorf gradually became less and less productive as a thinker, especially in comparison with the works of the 1950s and 1960s.

Keywords: Ralph Dahrendorf, intellectuals, Western elite, "powerless people".

References

- Augstein F. Auch eine Versuchung Ralf Dahrendorf hat einen liberalen Club gegründet, er heißt "Societas Erasmiana", und nicht jeder darf Mitglied werden, *Süddeutsche Zeitung*, 14. März, 2006. Available at: https://www.buecher.de/shop/freiheit/versuchungen-der-unfreiheit/dahrendorf-ralf/products_products/detail/prod_id/20749013/#reviews (accessed: 21.01.2020).
- Bikanin K. T. *Teoriya gosподstva, konflikta R. Darendorfa*: [Metodicheskoye posobiye dlya izuchayushchikh kurs politologii i sotsiologii], Samara: [s. n.], 1997.
- Buchsteiner J. Die Zukunft Europas: Vom Versagen der Eliten, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 16. April, 2018. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/ist-die-eu-am-ende-vom-versagen-der-liberalen-eliten-15543248.html> (accessed: 21.01.2020).
- Chernoperov V., Usmanov S. The powerlessness of intellektual: Ralf Dahrendorf's experience, *American Scientific Journal*, vol. 7, no. 7, 2016, pp. 64—67.

- Dahrendorf R. Lo stretto passaggio alla democrazia, *La Repubblica*, 17 aprile, 2003.
- Dahrendorf R. *Versuchungen der Unfreiheit: die Intellektuellen in Zeiten der Prüfung*, Bonn: C. H. Beck, 2006.
- Dahrendorf Ralf: “Lyuboy ministr imeyet lichnyye interesy”, *Izvestiya*, 17 dekabrya, 2001.
- Franziska Meifort*. Available at: <https://uol.de/franziska-meifort> (accessed: 10.02.2020).
- Gagarin A. S. Odinochestvo kak ekzistentsial chelovecheskogo bytiya v vozzreniyakh Erazma Rotterdamskogo i “ottsov” Reformatsii, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, Gumanitarnyye issledovaniya, no. 1, 2018, pp. 15—19.
- Gallus A. *Franziska Meifort: Ralf Dahrendorf*. Available at: www.sehepunkte.de/2018/09/30743.html (accessed: 12.01.2020).
- Glukhova A. V. Iskusheniya nesvobody: (Intellektualy vo vremena ispytaniy), *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, seriya Filosofiya, no. 1, 2009, pp. 4—23; no. 2, 2009, pp. 48—70.
- Glukhova A. V. Zapoved erazmiytsa, ili Chto znachit byt intellektualom vo vremena ispytaniy, pt. 1, *Politicheskaya ekspertiza*, vol. 7, no. 4, 2011, pp. 21—40.
- Glukhova A. V. Zapoved erazmiytsa, ili Chto znachit byt intellektualom vo vremena ispytaniy, pt. 2, *Politicheskaya ekspertiza*, vol. 8, no. 1, 2012, pp. 59—83.
- Görtemaker M. Der Vielseitige: Grenzgänger zwischen Wissenschaft und Politik, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 10. Juli, 2018. Available at: <https://www.faz.net/aktuell/politik/politische-buecher/franziska-meifort-ralf-dahrendorf-15682660.html> (accessed: 12.01.2020).
- Intelligentsiya i intellektualy v izmenyayushcheysya sotsialno-politicheskoy deystvitelnosti*: Kollektivnaya monografiya, ed. by V. S. Memetov, V. L. Chernoperov, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2014.
- Intelligenty i intellektualy — takiye raznyye... i pokhozhiye: problema samoopredeleniya i deyatelnosti v XX — nachale XXI veka*: Kollektivnaya monografiya, ed. by V. S. Memetov, V. L. Chernoperov, Ivanovo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 2016.
- Kaube J. Club der Unversuchbaren: Ralf Dahrendorfs vorsoziologisches Plädoyer für die Freiheit, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 6. März, 2006. Available at: https://www.buecher.de/shop/freiheit/versuchungen-der-unfreiheit/dahrendorf-ralf/products_products/detail/prod_id/20749013/#reviews (accessed: 21.01.2020).
- Kolba A. I. Posle 2009: Sovremennyye tendentsii upravleniya sotsialnymi konfliktami v kontekste teorii R. Dahrendorfa, *Politicheskaya ekspertiza*, vol. 7, no. 1, 2011, pp. 39—53.

- Meifort F. *Ralf Dahrendorf: Eine Biographie*, München: C. H. Beck, 2017.
- Meifort F. The border crosser: Ralf Dahrendorf as a public intellectual between theory and practice, *Societa Mutamento Politica*, vol. 10, no. 19, 2019, pp. 67—76.
- Mills Ch. R. Bessilnyye lyudi: rol intellektualov v obshchestve, *Neprikosno-vennyy zapas: debaty o politike i culture*, no. 2, 2014. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2014/2/bessilnye-lyudi.html> (accessed: 20.01.2020).
- Morat D. *Rezension zu: Dahrendorf, Ralf. Versuchungen der Unfreiheit. Die Intellektuellen in Zeiten der Prüfung. München, 2006*. Available at: www.hsozkult.de/publicationreview/id/reb-8500 (accessed: 20.01.2020).
- Nowicki M. Brexit się nie uda do zapłacenia będa gigantyczne rachunki, *MSN Wiadomości*, 16 stycznia, 2018. Available at: <https://www.msn.com/pl-pl/wiadomosci/swiat/,brexit-sie-nie-uda-do-zaplacenia-beda-gigantyczne-rachunki/ar-AAuKImv?li=BBR5MK7&ocid=iehp> (accessed: 21.01.2020).
- Rosner A. Lepiej zapytać, dlaczego ten elektorat porzucił PO dla PiS, *Wyborcza magazyn*, 5 maja, 2018. Available at: <https://wyborcza.pl/magazyn/7,124059,23356122,prof-jan-zielonka-prosze-ostroznie-z-ich-elektorat-lepiej.html> (accessed: 21.01.2020).
- Schmid Th. *Come back!* Available at: https://www.welt.de/print/die_welt/literatur/article170129475/Come-back.html (accessed: 12.01.2020).
- Semenov V. A. “Dialekticheskiy metod” v konfliktologii Ralfa Darendorfa, in: Semenov V. A. *Istoriya zarubezhnoy konfliktologii*: in 2 vols, 2nd ed., vol. 2, Moscow: Yurayt, 2018, pp. 48—61.
- Skinner Q. Meaning and understanding in the history of ideas, *History and Theory*, vol. 8, no. 1, 1969, pp. 3—53.
- Sofronova L. V., Khazina A. V. Renessansnyy uchenyy v intellektualnykh i sotsialnykh praktikakh: (Po perepiske Dzhona Koleta i Erazma 1512—1513 gg.), *Intelligentsiya i mir*, no. 3, 2014, pp. 105—122.
- Sofronova L. V., Khazina A. V. Intelligenty i intelektualy — takie raznye... i pokhozhie, *Dialog so vremenem*, no. 64, 2018, pp. 346—353.
- Stepanova V. A. Sotsialnye konflikty po Ralfu Darendorfu i sposoby ikh razresheniya, *Ekonomika i sotsium*, no. 2—3, 2014, pp. 443—445.
- Stoyakina Ye. D. Konfliktologicheskkiye vozzreniya R. Darendorfa i M. Vebera, *Ekonomika i sotsium*, no. 2—5, 2015, pp. 1201—1203.
- Svetlov V. A., Semenov V. A. “Dialekticheskiy metod” v konfliktologii Ralfa Darendorfa, in: Svetlov V. A., Semenov V. A. *Konfliktologiya*: Uchebnoe posobie, St. Petersburg: Piter, 2011, pp. 61—75.
- Usmanov S. M. *Bezyskhodnyye mechtaniya: Russkaya intelligentsiya mezhdru Vostokom i Zapadom vo vtoroy polovine XIX — nachale XX veka*, Ivano-vo: Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, 1998.

Murenko D. I. Features of the origin and development of the Councils of young scientists of the Novosibirsk Scientific Center in the 1960s, *Intelligentsia and the World*, no. 2, 2020, pp. 84—100.

The phenomenon of youth activism, which is the result of studies of the social and human sciences, finds its place in the scientific and educational sphere. A retrospective analysis of changes in the science of youth, as the most important conditions for ensuring the continuity of generations and sustainability, the dynamics of scientific and educational processes. Recognizing its success, the Siberian Branch of the Academy of Sciences was largely obliged to create conditions for combining the activity of the youth cohort with the institutional basis — the Councils of young scientists. The aim of the study is to reconstruct the history of the creation and development of Councils of young scientists at the Novosibirsk Scientific Center in the 1960s. The publication considers the structure of the Councils, their main methods and forms of work, determines the degree of influence of the Councils on various aspects of the adaptation of youth included in the professional scientific environment. The work mainly uses the historical-chronological, historical-comparative method. The main factor in the genesis of the Councils of young scientists was the foundation of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR and the construction of the Novosibirsk “Academic town”. Since Councils, like other youth initiatives of that time, were born of a “thaw”, the growth of conservative trends in society in the second half of the 1960s could not but affect the work of this organization. Nevertheless, the article states that at the initial stage of its existence, the Councils of young scientists were not only an instrument of successful professional socialization, but also a kind of “matrix” for educating staff and reproducing ideas that later “sprouted” not only in scientific and educational sphere, but also gave impetus to the development of economic and socio-political activity of youth.

Keywords: young scientist, scientific creativity, professional formation, socialization, Komsomol, olympiad movement, Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR.

References

Ginzburg I. F. Vospominaniya o fakultete fiziki Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, fiziko-matematicheskoy shkole i olimpiadakh, in: *Vypuskniki Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta v Novosibirskom nauchnom tsentre Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk, 1957—2007*, Novosibirsk: Geo, 2007, pp. 28—36.

- Gubanova Ye. O. Neyavnoye znaniye: sushchnost i vidy, *Nauchnyy potentsial: Raboty molodykh uchenykh*, no. 4, 2010, pp. 253—256.
- Istoriya sozdaniya, vossozdaniya i deyatelnosti Soveta nauchnoy molodezhi Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. Available at: <http://sibsnm.ru/history.html> (accessed: 01.02.2020).
- Kachan M. S. *Pervyye shagi, 1960*. Available at: <https://www.proza.ru/2017/01/24/545> (accessed: 01.02.2020).
- Kupershtokh N. A. *Kadry akademicheskoy nauki Sibiri (seredina 1950-kh — 1960-e gg.)*, ed. by V. A. Lamin, Novosibirsk: Sibirskoye otdeleniye Rossiyskoy akademii nauk, 1999.
- Mirskaya Ye. Z. Etos nauki: idealnyye regulyativy i povsednevnyye realii, in: *Etos nauki: Sbornik statey*, ed. by L. P. Kiyashchenko, Ye. Z. Mirskaya, Moscow: Academia, 2008, pp. 122—143.
- Nauchno-proizvodstvennoye obyedineniye "Fakel": kak eto bylo*. Available at: <http://npo-fakel.su/img/fakel.pdf> (accessed: 15.02.2020).
- Nikolayev S. M. Pervyye gody zhizni Akademgorodka, in: *I zabyt poprezhnemu nelzya...: Sbornik vospominaniy starozhilov Akademgorodka*, Novosibirsk: Sibirskoye otdeleniye Rossiyskoy akademii nauk, 2007, pp. 37—48.
- Nikolashin V. P., Rozhnov A. B. Sovety molodykh uchenykh i spetsialistov: istoriya i osobennosti razvitiya, *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya Rossiyskogo soyuza molodykh uchenykh*, vol. 7, 2017, pp. 114—121. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovety-molodyh-uchenyh-i-spetsialistov-istoriya-i-osobennosti-razvitiya> (accessed: 01.02.2020).
- Semenova Ye. B. "Utechka umov" kak protsess sotsialnoy mobilnosti, *Vestnik Tambovskogo universiteta*, seriya Obshchestvennyye nauki, vol. 2, iss. 3, 2016, pp. 62—65.
- Sorokin A. N. VLKSM kak drayver i mekhanizm razvitiya molodezhnoy nauki v SSSR: opyt Tomskogo oblastnogo soveta molodykh uchenykh i spetsialistov v 1970—1980-e gg., in: *Rossiyskaya molodezh: ot komsomola k sovremennym formam politicheskoy organizatsii*: Materialy mezhrigionalnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Novosibirsk, 30—31 oktyabrya 2018 g.), Novosibirsk: Parallel, 2018, pp. 244—254.
- Vodichev Ye. G., Krasilnikov S. A., Lamin V. A. et al. *Rossiyskaya akademiya nauk. Sibirskoye otdeleniye: Istoricheskiy ocherk*, Novosibirsk: Nauka, 2007.
- Yevladov B. V., Moshkin S. I. *Zolotaya dolina. Akademgorodok: Reportazh iz Novosibirskogo nauchnogo tsentra*, Moscow: Politizdat, 1966.

Suslov A. Yu. “It shouldn’t have been, but it was”: a new book about the historiography of the state terror of 1917—1953 in the USSR: Review to: Litvin A. L. Russian historiography of the state terror in Soviet Union, 1917—1953, Moscow: Sobraniye, 2019, *Intelligentsia and the World*, no. 2, 2020, pp. 101—108.

The review is devoted to the book by the famous Russian historian A. L. Litvin about the historiography of the state terror of 1917—1953. The main subjects covered in the work are analyzed: trends in modern historiography, publication of sources of the Soviet period and methods of working with them, the problem of the ratio of red and white terror, and the specifics of domestic totalitarianism. The discussion about the attempt on the life of V. I. Lenin on August 30, 1918, various versions and approaches are considered. Attention is drawn to the importance of these problems for modern Russian society.

Keywords: state terror, V. I. Lenin, political repression, Soviet Union, Stalinism, historiography.

References

- Delo Fani Kaplan, ili Kto strelyal v Lenina?*, Moscow: X-History, 2003.
- Fanni Kaplan, ili Kto strelyal v Lenina?: Sbornik dokumentov*, Kazan: Tatarskoye gazetno-zhurnalnoye izdatelstvo, 1995.
- Litvin A. L. *Zapret na zhizn*, Kazan: Tatknigoizdat, 1993.
- Litvin A. L. *Krasnyy i belyy terror v Rossii, 1918—1922 gg.*, Kazan: Tatarskoye gazetno-zhurnalnoye izdatelstvo, 1995.
- Litvin A. L. Rossiyskaya istoriografiya Bolshogo terrora, in: *U istochnika*, ed. by S. O. Shmidt, iss. 1, Moscow, 1997, pp. 546—575.
- Litvin A. *Writing History in Twentieth-Century Russia: A View from Within*, transl., ed. by J. L. H. Keep, Houndmills, Basingstoke: Palgrave, 2001.
- Litvin A. L. Etap proyden?: 1937 god v istorii Rossii: retrospektivnyye razmyshleniya, *Ab Imperio*, no. 1, 2017, pp. 323—361.
- Litvin A. L. *Rossiyskaya istoriografiya gosudarstvennogo terrora v strane, 1917—1953*, Moscow: Sobraniye, 2019, 326 p.
- Litvin A. L. *Rossiyskaya istoriografiya gosudarstvennogo terrora v strane, 1917—1953*, 2nd ed., augm., Moscow: Sobraniye, 2019.
- Litvin A. L., Kip Dzh. *Epokha Iosifa Stalina v Rossii: Sovremennaya istoriografiya*, Moscow: ROSSPEN, 2009.
- Morozov K. N. “Ya ne Sharlotta Korde, no zhit bez deystviya nadoyelo”: novyye svidetelstva i shtrikhi k portretu i biografii Fanni Efimovny Kaplan, *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*, no. 3, 2018, pp. 345—361.

- Morozov K. N. F. E. Kaplan i pokusheniye na V. I. Lenina 30 avgusta 1918 g., *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, seriya: Istoriya i politicheskiye nauki, no. 3, 2018, pp. 95—114.
- Repina L. P. *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX—XXI vv.: sotsialnyye teorii i istoriograficheskaya praktika*, Moscow: Krug, 2011.
- Tri brata: (To, chto bylo): Sbornik dokumentov*, comp. by K. N. Morozov, A. Yu. Morozova, Moscow: Novyy khronograf, 2019.

Usmanov S. M. Church, ecumenism, America in correspondence of archpriest Alexander Schmemann and archpriest Georges Florovsky: Review to: Schmemann A., archpriest, Florovsky G., archpriest. Letters of 1947—1955 years, comp. by P. Gavriilyuk, Moscow: St.-Tikhon's Orthodox University for the Humanities Publishing House, 2019, *Intelligentsia and the World*, no. 2, 2020, pp. 109—114.

The author reviews the correspondence between 1947 and 1955, first published by St.-Tikhon's Orthodox University for the Humanities, of two famous church figures of Russian Diaspora — archpriest Alexander Schmemann and archpriest Georges Florovsky. The merits of Pavel Gavriilyuk, the compiler of the collection of Doctor of Theology, professor at the University of St. Thomas in St. Paul (USA), who searched for letters in American archives, thoroughly commented on them and wrote a substantial introductory article, are noted. The author of the review singles out three major topics in the published correspondence of Schmemann and Florovsky: problems of the Church, ecumenism and attitude towards America. According to the reviewer, the correspondence of two famous archpriestesses is very interesting because it clearly reflects the spirit of his time, as well as many aspects of self-consciousness and activities of Russian emigration in France and the United States in the mid-twentieth century. It clearly shows the personality of outstanding church intelligentsia members, public figures and scholars. The author emphasizes the difference in views of Father Alexander and Father Georges on spiritual education, its features and specific tasks. At the same time, the review notes closeness in understanding of Florovsky and Schmemann problems of ecumenism. Finally, the reviewer considers this correspondence as one of the indicative evidence of the process of Americanization, which Russian emigration experienced after World War II.

Keywords: archpriest Georges Florovsky, archpriest Alexander Schmemann, correspondence, Saint Vladimir Seminary, Ecumenism, America.

References

- Gavrilyuk P. *Georgiy Florovskiy i religiozno-filosofskiy renessans*, Kyev: Dukh i litera, 2017.
- Gavrilyuk P. O polemicheskom ispolzovanii kontsepta “Zapad” v pravoslavnom bogoslovii na primere neopatristicheskogo sinteza prot. Georgiya Florovskogo, *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*, seriya 1, Bogosloviye. Filosofiya, no. 1, 2010, pp. 61—78.
- Schmeman A., protoiyerey, Florovsky G., protoiyerey. *Perepiska 1947—1955 godov*, comp. by P. Gavrilyuk, Moscow: Izdatelstvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, 2019.
- Shmeman I. *Moya zhizn s ottsom Aleksandrom*, Moscow: Sofiyskaya naberezhnaya, 2008.
- Sofroniy (Sakharov), arkhimandrit. *Perepiska s protoiyereyem Georgiyem Florovskim*, Moscow, 2008.

От редакции журнала

В первом номере журнала за этот год по техническим причинам была допущена ошибка: на с. 9 в подстрочнике приведены неверные сведения об авторе статьи. *Правильные данные:* **Соловьев Андрей Авенирович** — доктор исторических наук, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственной университет, anh7@rambler.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, Kostroma State University).

Редакция журнала приносит Андрею Авенировичу искренние извинения.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.eeol.com).

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам современной науки:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (40 000 знаков с пробелами или 20 страниц текста в формате А4 через 1,5 интервала, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: ББК; на русском и английском языках: инициалы и фамилия автора, название материала, аннотация (объемом не менее 200 слов), ключевые слова; текст статьи (сообщения), примечания, библиографический список на русском языке, транслитерация списка литературы ("**References**").

3. Аннотация должна включать **обоснование проблемы, краткое описание целей, задач, методов исследования, базовые выводы**. Текст статьи обязательно делится на внутренние разделы, например: **введение, цель и задачи, выводы** и т. п.

4. Сноски в статье концевые со сквозной нумерацией. Список сносок располагается после текста статьи под названием «**Примечания**». В примечаниях следует применять **сокращенное** библиографическое описание источников: авторы, название, место и год издания, страницы, отсылающие к конкретному месту источника. В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

5. **Библиографический список** в алфавитном порядке **располагается дополнительно после примечаний**, сначала на русском языке, затем под заголовком "**References**" на латинице. Транслитерацию необходимо выполнить автоматически на сервисе: http://english-letter.ru/Sistema_transliterazii.html

В библиографических списках приводится только использованная в статье литература. В выходных сведениях обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует.

6. Статья должна содержать авторские данные на русском и английском языках: ф.и.о. полностью, ученая степень, ученое звание, должность и место работы (с названием структурного подразделения), контактная информация (e-mail и телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами и содержать дату отправления.

7. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2020. № 2

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *О. В. Батова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 30.06.2020 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,4. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 40 экз.
Заказ № 73. Цена свободная

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Факс: (+7920) 672-03-68. **E-mail:** int_i_mir@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. **E-mail:** publisher@ivanovo.ac.ru

Генезис

Формирование

Деятельность

Типология

**Представлены
основные направления
интеллигентоведения**

**Роль
в современном
обществе**

**Сущностные
черты**

Журнал адресован
научным сотрудникам,
преподавателям, студентам вузов

*Основан в 2001 году
Выходит ежеквартально*

*Распространяется по подписке
и предварительным заявкам*

Междисциплинарный журнал,
не имеющий аналогов в России

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР